

А. В. БОЛДЫРЕВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ

В ГОДЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ТУРЕЦКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

ОПЫТ
ОСМЫСЛЕНИЯ

TÜRKİYE'NİN DIŞ POLİTİKASI

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

БОЛДЫРЕВ А. В.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ.
ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Москва
2023

УДК 327.8
ББК 66.4(5)
Б 79

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

*Ответственный редактор: А. Д. Васильев (ИВ РАН)
Рецензенты: А. Г. Гаджиев (ИВ РАН), И. А. Свистунова (ИМЭМО)*

Б 79 Болдырев А. В.

Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии. Опыт осмысления. Монография / Отв. ред. А. Д. Васильев; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. – М.: ИВ РАН, 2023. – 304 с.

ISBN 978-5-907671-58-4

Настоящая монография является первым комплексным исследованием взгляда современных турецких историков на внешнюю политику Турецкой Республики в годы Второй мировой войны. Основное внимание уделяется советско-турецким отношениям: их непростой истории в межвоенный период, попыткам сближения накануне Второй мировой войны, причинам резкого охлаждения в период войны и «холодного» мира в послевоенный период. Автор показывает особенности восприятия в Турции Второй мировой войны, причины политики нейтралитета, проводимой турецким руководством в годы Второй мировой войны, исследует истоки осторожной и зачастую враждебной политики, которую, по мнению турецких исследователей, Турция была вынуждена проводить в отношении Советского Союза.

Особое внимание уделено концепции, которой руководствуются представители современной турецкой историографии при анализе внешней политики Турции в годы Второй мировой войны и перспективам пересмотра ряда устоявшихся положений. Помимо советско-турецких отношений показано исследование турецкими авторами отношений Турции с державами оси и странами антигитлеровской коалиции. Отдельно затронут вопрос об исследовании политики Турции в период Второй мировой войны в странах ближнего зарубежья.

Книга представляет интерес для специалистов, занимающихся российско-турецкими отношениями, и для широкого круга читателей.

УДК 327.8
ББК 66.4(5)

ISBN 978-5-907671-58-4

©Болдырев А.В., 2023
©ФГБУН ИВ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Взаимоотношения Турции с Советским Союзом на первом этапе Второй мировой войны (1939–1941 гг.)	24
1.1. Внешняя политика Турецкой Республики в начале мирового конфликта: на пути к англо-франко-турецкому альянсу	24
1.2. Формирование основ турецкого нейтралитета и конвенция Монтрё в советско-турецких отношениях (1939–1941 гг.)	45
Глава 2. Советско-турецкие отношения на различных этапах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	78
2.1. Советско-турецкие отношения и политика турецкого нейтралитета на начальном этапе Великой Отечественной войны (1941 – начало 1943 гг.)	78
2.2. На путях к послевоенному мироустройству (1943–1945 гг.)	112
2.3. Начало «холодного мира» (1945–1946 гг.)	152
Глава 3. Взаимоотношения Турции с державами оси и западными участниками антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)	188
3.1. Был ли нейтралитет Турции «активным» (1941–1944 гг.)	188
3.2. Вопрос о вступлении Турции в войну в ее взаимоотношениях с Великобританией и США (1941–1945 гг.)	206

Глава 4. О взглядах на политику Турции	
в годы Второй мировой войны в историографии	
стран ближнего зарубежья	212
Заключение.....	224
Библиография	229
Summary	240
Приложения	241
<i>Приложение 1. О проливах. Записки т. Литвинова.</i>	
Фонд 06. «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6.	
Дело 869. Папка 64. 15.11.1944–17.11.1944.....	241
<i>Приложение 2. Записи бесед посла СССР</i>	
<i>в Турции по вопросу о пересмотре конвенции</i>	
<i>о Проливах. Фонд 06. «Секретариат В. М. Молотова».</i>	
Опись 7. Дело 945. Папка 57.11.04.1945–22.11.1945.	247
<i>Приложение 3. Переписка по политическим</i>	
<i>вопросам, касающимся третьих стран. Фонд 0129.</i>	
<i>«Референтура по США». Опись 29. Дело 22.</i>	
Папка 168. 04.01.1945 – 04.12.1945.	260
<i>Приложение 4. Турция. О пересмотре конвенции</i>	
<i>о режиме проливов. Фонд 06. «Секретариат</i>	
<i>В. М. Молотова». Опись 7. Дело 761. Папка 47.</i>	
06.02.1945–26.12.1945.....	280

TABLE OF CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. Relations between Turkey and the Soviet Union at the first stage of the Second World War (1939–1941)	24
1.1. <i>Foreign policy of the Turkish Republic at the beginning of the world conflict: on the way to the Anglo-French-Turkish alliance</i>	24
1.2. <i>Formation of the foundations of Turkish neutrality and the Montreux Convention in Soviet-Turkish relations (1939–1941)</i>	45
Chapter 2. Soviet-Turkish relations at various stages of the Great Patriotic War (1941–1945).....	78
2.1. <i>Soviet-Turkish relations and the policy of Turkish neutrality at the initial stage of the Great Patriotic War (1941 - early 1943)</i>	78
2.2. <i>On the path to the post-war world order (1943–1945)</i>	112
2.3. <i>The beginning of the “cold peace” (1945–1946)</i>	152
Chapter 3. Turkey’s relations with the Axis powers and Western members of the anti-Hitler coalition (1941–1945).....	188
3.1. <i>Was Turkey’s neutrality “active” (1941–1944)</i>	188
3.2. <i>The question of Turkey’s entry into the war in its relations with Great Britain and the United States (1941–1945)</i>	206
Chapter 4. On views on Turkish policy during the Second World War in the historiography of neighboring countries	212
Conclusion	224
Bibliography	229
Summary	240
<i>Appendix 1</i>	241
<i>Appendix 2</i>	247
<i>Appendix 3</i>	260
<i>Appendix 4.</i>	280

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЮБИМОЙ МАМЫ ПОСВЯЩАЮ

Предисловие

Благодаря ценным комментариям коллектива сектора Турции Института востоковедения РАН настоящая работа приобрела законченный характер. Автор выражает глубокую признательность Орешковой С. Ф., Ульченко Н. Ю., Ивановой И. И., Гаджиеву А. Г., Михайловой-Могельницкой Т. Е., Саетову И. Г. и другим сотрудникам. Автор выражает особую признательность с. н. с. ИМЭМО РАН к. и. н. Свистуновой И. А. за оппонирование работы и заведующему отделом истории Востока ИВ РАН д. и. н. Васильеву А. Д. за ответственное редактирование монографии.

Автор также выражает признательность редактору Комаровой Е. Н., которая стала заинтересованным и доброжелательным читателем настоящей рукописи, руководителю научно-издательского центра Захарову А. О., ведущему специалисту научно-издательского центра Сидоркиной Н. А., верстальщику Быковой Н. Я. и дизайнеру Трошиной П. А. за работу, которую они проделали на пути монографии к изданию.

Введение

В исследовании предпринята попытка показать восприятие Второй мировой войны турецкими исследователями, показать, как видятся им взаимоотношения Анкары с державами фашистской оси, странами антигитлеровской коалиции, и в особенности с Советским Союзом. Иными словами, понять, как происходит процесс научного осмысления недавнего прошлого в историографии современной Турции.

В отечественной науке есть ряд работ, посвященных турецкой историографии Второй мировой войны. Как правило – это отдельные статьи, в которых исследуется данная тема¹, и монографии, для которых данная проблема

¹ Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции // История. Выпуск 12 (98). Часть I. Том 11 – Общественные трансформации в меняющемся мире: исторический опыт и современные практики. 2020. URL: <https://arxiv.gauqn.ru/s207987840010436-8-1/> (дата обращения: 15.10.2022); Сотниченко А. А. Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 г. Сборник материалов / Ред.-сост. О. Ю. Кузнецов. М., Стамбул, 2012. С. 189–214; Галиакбарова Н. М. Идеология пантюркизма периода второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение: Международный альманах. 2008. № 3. С. 155–164; Ачан Н. М. Внешняя политика Турции в период Второй мировой войны в турецкой историографии // Международные отношения в XX–XXI вв. IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: Сборник научных статей и сообщений / О. С. Поршнева (отв. редактор), А. В. Антошин,

является частью исследований¹. Вместе с тем в последнее время появилось большое количество работ на английском и турецком языках, дающих достаточно односторонние и тенденциозные оценки действиям советской дипломатии в годы войны. Данная тема хорошо исследована англо-американской школой Второй мировой войны и имеет весомую источниковую базу². Мнения турецких исследователей зачастую совпадают с представителями англо-американской историографии, так как работы турецких авторов во многом основаны на англоязычных материалах. Поэтому традиционный антисоветизм западных школ оказал свое влияние и на турецкую историографию, хотя документы российских архивов показывают всю сложность и неоднозначность ситуации того времени. Ввиду этого автор стремился показать, как сами турецкие историки оценивают внешнюю политику Турции в годы Второй мировой войны и насколько убедительны их доводы.

Следует также отметить, что историки из Азербайджана и республик Центральной Азии, т.е. бывших тюркских советских республик, изучая проблему Второй мировой войны, нередко сопоставляют свои выводы с оценками турецких коллег. Так, согласно концепции известного азербайджанского исследователя Джамиля Гасанлы, советско-турецкие переговоры 1939 г. показали истинные «империалистические» намерения СССР³. Поэтому в ходе

Ю. М. Галкина (сост., отв. за выпуск). Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2020. С. 129–138.

¹ Бахревский Е. В., Свистунова И. А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние: монография. М.: Институт Наследия, 2019.

² Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. London & Portland, 2000; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980; Leffler Melvyn P., Painter David S. Origins of the Cold. An International History. Second Edition. New York; London: Routledge, 2005; Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2009.

³ Подробнее: см.: гл. 4.

работы были дополнительно исследованы взгляды на политику Турции в годы Второй мировой войны в историографии стран ближнего зарубежья. Что касается отечественных авторов, то тема Второй мировой, и прежде всего Великой Отечественной войны имела и имеет непреходящее значение для советских и российских историков, внесших огромный вклад в изучение этой проблемы. В связи с этим в работе рассмотрены публикации советских и российских исследователей, чтобы сравнить степень изучения и оценки данной проблемы отечественными и турецкими исследователями.

Следует отметить, что идеологизированность советской исторической науки придавала исследованиям внешней политики Турции во многом односторонний характер. Как правило, подчеркивался «благородный характер» советской внешней политики в отношении соседнего государства в любой критический момент ее истории¹. С другой стороны, зарубежная, в том числе и турецкая, историография также несла на себе отпечаток идеологического противостояния, что препятствовало формированию объективной картины развития международных отношений в период Второй мировой войны. В связи с этим многие аспекты советско-турецких отношений не могли стать объектом научного анализа. На сегодняшний день ощущается необходимость нового подхода к изучению советско-турецких отношений указанного периода. Возможности для этого в последние годы значительно увеличились, так как расширился круг источников, доступных исследователям. Перспективность подобных разработок обуславливается необходимостью обобщения опыта изучения проблемы и переосмысления советско-турецких отношений в годы войны. В последнее

¹ Черников И. Ф. Советско-турецкие отношения в 1934–1972 годах / Автореферат дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.05. Киев, 1983. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetsko-turetskie-otnosheniya-v-1934-1972-godakh#ixzz5XXCL0kmj> (дата обращения: 28.10.2018).

время появляется немало работ молодых турецких авторов; претендуя на то, чтобы по-новому взглянуть на советско-турецкие отношения, они продолжают придерживаться прежнего формата, с той лишь разницей, что «советская» угроза признается не единственной причиной, заставившей Турцию отказаться после войны от политики балансирования.

Подобная трактовка событий распространена и среди российских исследователей. Так, в диссертации исследователя Н. М. Галиакбаровской отмечается, что советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. напрямую зависели от состояния советско-германских отношений. По мнению автора, во время московских переговоров с министром иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу советское руководство действовало в интересах своего германского союзника. Причинами ухудшения советско-турецких отношений называются дипломатические и военные меры, предпринятые СССР в рамках реализации договоренностей с Германией о разделе сфер интересов осенью 1940 г.¹ При этом не учитывается, что инициатива постановки вопроса о проливах принадлежала Германии, а согласие СССР на раздел сфер влияния было обусловлено желанием получить военно-морскую базу не в турецких проливах, а в болгарской Варне. В целом же, несмотря на попытки более объективного анализа, доминанта советской угрозы как главной причины отказа Турции от политики балансирования после войны остается распространенной не только в турецких, но и в отечественных исследованиях². Следует отметить и обратную точку зрения. Так,

¹ Галиакбарова Н. М. Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Екатеринбург, 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetsko-turetskie-otnosheniya-v-1939-1941-gg#ixzz5XXGDRrXA> (дата обращения: 05.06.2023).

² См., напр., Мошкин С. В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС. 2009. № 4. С. 243–251; Мошкин С. В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 112–116; Сотниченко А. А. Советско-турецкие дипломатические отношения

известный советский и российский исследователь внешней политики Турции Б. М. Поцхверия считает, что перед Второй мировой войной советско-турецкие отношения отличались стабильностью, хотя время от времени возникали спорные проблемы¹.

В настоящий момент появилась необходимость в глубоком переосмыслении ситуации, связанной с черноморскими проливами, проведении ее комплексного геополитического анализа. Данная проблема рассмотрена в докторской диссертации Т. В. Лавровой². По ее мнению, политика давления на Турцию не принесла Советскому Союзу положительных результатов, надолго испортив советско-турецкие отношения. Важнейшая для советского государства задача — обеспечение своей военной и экономической безопасности на южном направлении — осталась нерешенной³.

В диссертации исследователя С. В. Кизюкова дан анализ основных идеологических подходов в турецкой внешней политике, начиная с 1923 г.⁴ Диссертация написана в продолжение монографии исследователя⁵. Констатируется, что на протяжении всего республиканского периода ведущими

в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. С. 102, 105, 112.

¹ Поцхверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Россия и исламский мир: историческая перспектива и современные тенденции. М., Крафт+, ИВ РАН. 2010. С. 354.

² Лаврова Татьяна Владимировна — сотрудник Дипломатической академии МИД России. Здесь и далее ученые звания и должности авторов приводятся на момент публикации их работ.

³ Лаврова Т. В. Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук: 23.00.04. М., 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/chernomorskie-prolivy-kak-geopoliticheskaya-problema-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnoshenii#ixzz5XXXjwBJH> (дата обращения: 05.06.2023).

⁴ Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции: дисс. ... канд. полит. наук: 07.00.02. М., 2008.

⁵ Кизюков С. В. Внешнеполитические концепции республиканской Турции: экспансионизм или самоизоляция. Бишкек, 2006.

принципами турецкой внешней политики были и остаются доктрины кемализма, призванные максимально реалистично оценивать роль страны в международных вопросах¹. «Ренессанс» пантюркистских настроений в годы войны автор склонен рассматривать главным образом как общественную тенденцию, которую по ряду причин турецкое правительство предпочло не «упускать из виду»². Данное утверждение противоречит мнению одного из ведущих российских туркологов Н. Г. Киреева, который считал, что причиной возрождения идеологии пантюркизма и «недружественного» нейтралитета в отношении СССР стал отход от внешнеполитической доктрины К. Ататюрка³. На наш взгляд, наиболее объективно представляется мнение А. А. Сотниченко, подчеркивающего, что в результате в проигрыше остались обе стороны⁴.

Таким образом, давно назрела необходимость появления работ, подытоживающих и оценивающих развитие турецкой историографии Второй мировой войны. Речь идет об анализе фактического материала и выводов турецких историков. Из работ такого рода в настоящий момент можно назвать работы исследователей уральской школы востоковедения Н. М. Галиакбаровы и Н. М. Ачан⁵. В статье Н. М. Ачан⁶

¹ Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук: 07.00.02. М., 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-doktrinalnyh-osnov-vneshney-politiki-turtsii#ixzz5Xbo3xHRE> (дата обращения: 28.10.2018).

² Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. С. 111.

³ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: Крафт+ ИВ РАН, 2007. С. 244–249.

⁴ Сотниченко А. А. Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945–1950 гг. В условиях формирования Ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 230–231.

⁵ Галиакбарова Н. М. Идеология пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение. С. 155–164; Ачан Н. М. Указ. соч. С. 129–138.

⁶ Ачан Надежда Маликовна – доцент Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

(статья представляет небольшой историографический обзор) рассмотрены основные тенденции в работах турецких историков в плане освещения внешнеполитического курса Турции в начальный период Второй мировой войны. Сделан вывод об их положительной оценке проводимой Турцией внешней политики, позволившей стране остаться вне войны¹.

Исходя из вышеизложенного, несмотря на достаточно широкий охват темы, автор считает возможным сфокусироваться прежде всего на рассмотрении того, как турецкими исследователями интерпретируются советско-турецкие отношения, а именно дать оценочное сравнение современных концепций, рассматривающих советско-турецкие отношения в годы войны. Это связано с тем, что именно отношения между СССР и Турцией были одним из определяющих элементов системы международной безопасности, которую турецкое руководство пыталось выстроить, чтобы избежать, с одной стороны, военной угрозы для своей страны, а с другой – втягивания в возможную мировую войну. Новизна проблемы состоит в том, чтобы понять, произошел ли в Турции пересмотр прежних концепций. Необходимо также исследовать, как отражены в турецкой историографии взаимоотношения Турции с державами оси и западными участниками антигитлеровской коалиции, сыгравшие важную роль в формировании внешнеполитического курса Анкары во время и после войны.

Для раскрытия темы были использованы работы турецких авторов, вышедшие преимущественно на английском языке. Для первого комплексного исследования указанной в монографии проблемы такой подход представляется оправданным, поскольку именно работы турецких ученых

¹ Ачан Н. М. Указ. соч. С. 137.

на английском языке в первую очередь будут учитываться научным сообществом.

Работа построена по проблемно-хронологическому принципу, начиная с исследования первого периода Второй мировой войны, нападения Германии на Советский Союз, до окончания Второй мировой войны и начала послевоенного периода. Автор обращает внимание на то, что второй этап Второй мировой войны между Германией и Советским Союзом – 1941–1945 гг. – традиционно рассматривается им как Великая Отечественная война.

Следует отметить, что большой общественной дискуссии по теме Второй мировой войны в Турции нет. Как подчеркивает П. В. Шлыков¹, «не наблюдается непримиримо соперничающих историографий, борьбы за “свою” правду и прочего»². Тем не менее турецкие историки всех направлений считают, что в 1939–1945 гг. Турция проходила второй экзамен на политическое выживание³. Как отмечает британский исследователь Уильям Хейл⁴, осторожная политика балансирования Турции в период войны — «пример того, как относительно маленькая и ограниченная в военных ресурсах страна в условиях великой войны смогла проводить независимую политику и не стать беспомощной пешкой в международной политике»⁵. Согласно утверждению Мехмета Нур Алтынорса⁶, положение Турции как во время Второй мировой войны, так и в послевоенное

¹ Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова.

² 75 лет Победе: взгляд с Ближнего Востока / Шлыков П. В. и др. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/75-let-pobede-blv-svop/> (дата обращения: 8.06.2023).

³ Первый страна проходила в ходе национальной революции в Турции в 1919–1922 гг. под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка).

⁴ Уильям Мэтью Хейл (р. 1940) – профессор (с 2006 г. в отставке), британский специалист по истории и политологии Турции.

⁵ Hale W. Op. cit. P. 79. См. также: Heal W. Türk Dış Politikası 1774–2000. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınlar, 2003.

⁶ Мехмет Нур Алтынорс – профессор Университета Башкент (Анкара).

время было решающим в истории молодой республики. По его оценке, в период войны Турция стремилась проводить равновекторную политику в отношении антигитлеровской коалиции и держав оси. Отвечая на два основных упрека в адрес Турции – договор о дружбе, подписанный с Германией 18 июня 1941 г., а также символическое вступление Турции в войну 23 февраля 1945 г., – М. Алтынорс объясняет, что формула нейтралитета была единственно возможной для выживания Турецкой Республики¹.

Исследователи Аслан Давут Хан и Сельджук Бугра² также подчеркивают, что турецкий нейтралитет в значительной степени определялся тем фактом, что у политиков, принимающих решения, перед глазами был печальный опыт участия Турции в Первой мировой войне³. На наш взгляд, более определенно высказываются такие исследователи, как Мурат Онсой и Гюрол Баба⁴. Ссылаясь на архивные материалы из США, Великобритании и Германии, эти историки отмечают, что «корни турецкой философии нейтралитета» заключались в синдроме Первой мировой войны, утвердившейся в сознании турецкой элиты военной и экономической слабости Турции и «русофобии Анкары»⁵.

С этим утверждением согласен Серкан Кара⁶, по мнению которого основным принципом турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было стремление избежать

¹ Nur Altınörs M. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. Vol. 2, No. 4. P. 1–7.

² Аслан Давут Хан и Сельджук Бугра – турецкие исследователи (Университет Вистула, Варшава).

³ *Davut Han A., Selcuk Bugra S.* Reflections of the Second World War in Turkey's Foreign Policy // Vistula University – Warsaw, Poland. 2014. No. 1 (39). Pp. 138–139.

⁴ Мурат Онсой (Университет Хаджеттепе, Стамбул) и Гюрол Баба (Университет социальных наук, Анкара) — турецкие исследователи.

⁵ *Önsoy M., Baba G.* Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi* (CTAD). Year 15, Issue 29 (Spring 2019). P. 127.

⁶ Серкан Кара – исследователь Университета Алтынбаш (Стамбул).

войны любой ценой. Он подчеркивает, что это было связано с реалистичным подходом к внешней политике, который состоял в понимании сильных и слабых сторон государства и умелого руководства со стороны правительства Турции¹.

При этом многие упомянутые выше турецкие авторы «западной школы» «не замечают» длительного периода достаточно дружественных отношений между Анкарой и Москвой, подчеркивая, что хотя Первая мировая война закончилась большевистской революцией, Москва сохраняла свои интересы в черноморских проливах и Восточной Анатолии, что заставляло турецких политиков воспринимать Россию как «заклятого врага»². Своего рода ответом на это утверждение можно считать статью Пынар Бильгин и Кыванча Джоша³, которые изучили формирование образа СССР в турецкой внешней политике на ее разных этапах. По их мнению, несмотря на наличие проблем в советско-турецких отношениях, это до сих пор не объясняет, почему и как СССР превратился из «друга» во «врага», поскольку после «имперской эпохи» в обеих странах не было причин, по которым СССР и Турция не могли установить дружеских отношений. Исследователи обращают внимание на то, что «дружественная» идентичность СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции присутствовала на всех этапах советско-турецких отношений 1920–1940-х гг., даже после того, как СССР призвал Турцию отказаться от некоторых своих суверенных прав над проливами⁴. При этом в своей «ревизионистской» концепции П. Бильгин и К. Джоша не

¹ Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREIGN_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 29.04.2020).

² Önsöy M., Baba G. Op. cit. Pp. 131–132.

³ Профессор Пынар Бильгин и Кыванч Джош — сотрудники Университета Билькент (Анкара)

⁴ Coş K., Bilgin P. Stalin's Demands: Constructions of the «Soviet Other» in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis. 2010. No 6. Pp. 49–57.

подвергают сомнению установившиеся концепции, а ставят целью лишь «дополнить» существующие исследования.

Мнение о стремлении турецкой элиты сохранять с СССР хотя бы внешне дружественные отношения само по себе не является чем-то новым. Его высказывают в своих исследованиях М. Онсой и Г. Баба, а также Огулджан Йылдырым¹. Однако если К. Джош и П. Бильгин считают такую политику объективным совпадением советско-турецких интересов перед лицом отнюдь не дружественного Запада, то М. Онсой, Г. Баба и О. Йылдырым объясняют это исключительно страхом Турции перед угрозой советской агрессии². Так, О. Йылдырым высказывает вполне распространенное мнение, что «советское отношение к турецким проливам и страх перед советской экспансией <...> были одной из причин нейтралитета Турции в первые годы Второй мировой войны»³.

В статье С. Кара также отмечается, что главная опасность для Турции в годы войны заключалась в военном давлении на Анкару со стороны СССР: до 1941 г. при помощи Германии, а после – в союзе с Великобританией. Как отмечает С. Кара, главный недостаток в политике Турции (отказ вступать в войну) заключался в том, что «после войны она (Турция. – А. Б.) осталась в одиночестве против советского экспансионизма»⁴. Данная точка зрения присуща подавляющему большинству турецких исследователей. Так, Хазал Папуччулар⁵ исследовала проблему Додеканезских остро-

¹ Огулджан Йылдырым – турецкий исследователь Университета Эксетера (Великобритания).

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 133; Yıldırım O. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).*

³ *Yıldırım O. Op. cit.*

⁴ *Kara S. Op. cit.*

⁵ Хазал Папуччулар (Стамбульский Культурный Университет; Центрально-Европейский университет, Будапешт) – турецкий исследователь.

вов в турецко-греческих отношениях в годы войны. По ее мнению, возрастание советской угрозы и дистанцирование Великобритании и США от Турции ввиду отказа последней вступать в войну привели к изоляции Турецкой Республики на международной арене в 1944–1946 гг.¹

Своего мнения в дискуссии придерживается Шабан Чалыш², посвятивший одну из статей изучению влияния пантюркских настроений на внешнюю политику Турции в период Второй мировой войны. Он отмечает, что «как исторически, так и идеологически» Турция никогда не считала Россию надежной страной. Поэтому, желая поражения Советского государства, турки надеялись, что немцы найдут компромиссное соглашение с Западом. Сам Ш. Чалыш склонен рассматривать это как инерцию исторического противостояния. По его мнению, «некий аккумулятивный эффект предрассудков и истории» должен был быть преподнесен туркам в такой степени, что они аплодировали, открыто или тайно, действиям Германии против России³.

Тем не менее П. Бильгин и К. Джош не одиноки. Среди работ, в которых предпринята попытка по-новому осмыслить советско-турецкие отношения в 1939–1945 гг., следует выделить исследования «нового» направления турецкой историографии О. Ишчи, Ф. Ахмада и К. Джумхура⁴. В сво-

¹ *Papuççular H. Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947) // Journal of Balkan and Near Eastern. 2017. Vol. 20. Issue 5. Pp. 7–8.*

² Шабан Чалыш – профессор Университета Сельджук (Конья).

³ *Şaban Ç. Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // Central Asian Survey. No. 16 (1), 01.03.2017. Pp. 108–109.*

⁴ Термин «новое» направление автор использовал, опираясь на материалы, использованные в настоящей монографии. Данный термин объединяет в одно направление несколько турецких исторических школ. К ним можно отнести: «ревизионистское» (П. Бильгин и К. Джош); «прозападное» (О. Ишчи); «националистическое» (К. Джумхур, а также Ш. Чалыш); «историческое» (Ф. Ахмад). Представители «нового» направления выступают за приоритет использования в исследованиях национальных архивов. Следует также отметить историка

ей докторской диссертации «Русофобский нейтралитет: турецкая дипломатия. 1939–1945» исследователь Онур Ишчи предпринял попытку переосмыслить ряд традиционных положений¹. Он согласен, что в период войны из-за страха перед СССР турецкие политики были вынуждены «играть роль Гамлета», т.е. выбирать оптимальную линию для выживания страны, однако нападение Германии на СССР, по его мнению, приветствовали наиболее реакционные круги турецкой элиты и отнюдь не все члены правительства². Отношения СССР и Турции в конце войны, по мнению О. Ишчи, были осложнены, прежде всего, тяжелым экономическим и внешнеполитическим положением Турции³.

Турецкий историк Фероз Ахмад⁴ также не склонен преувеличивать степень советско-турецких осложнений. Исследуя «исторический фон» внешней политики Турции, он отмечает, что рабочие отношения с Москвой стали главной опорой внешней политики Турции и оставались таковыми по крайней мере до смерти Ататюрка в ноябре 1938 г. По мнению Ф. Ахмада, который в этом вопросе согласен с О. Ишчи, на решение Турции отказаться после войны от политики балансирования в пользу США повлияло не столько советское давление, сколько причины внутреннего

Тюрккайя Атаова, который в 60–80-е гг. был представителем левого направления в турецкой историографии

¹ Онур Ишчи – турецко-американский историк, доцент кафедры международных отношений и директор Центра российских исследований Университета Билькент (Анкара).

² *İşci O. Russophobic neutrality: Turkish diplomacy, 1936–1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. Washington, 2014. Pp. 101, 144.*

В 2019 г. вышла монография О. Ишчи: *İşci O. Turkey and the Soviet Union During World War II. Diplomacy, Discord and International Relations. New York: Bloomsbury Publishing, 2019.*

³ *İşci O. Op. cit. P. 261.*

⁴ Историк Ф. Ахмад, индеец по происхождению, работал в США, затем переехал в Турцию, где принял турецкое гражданство. Преподавал в Университете Йедитепе (Стамбул).

характера¹. Как и О. Ишчи, Ф. Ахмад исходит из необходимости опираться при изучении истории Второй мировой войны на архивы Турции, а не Великобритании и США.

Схожих взглядов придерживается и Кайгусуз Джумхур². По его мнению, политика нейтралитета, проводимая Турцией в ходе Второй мировой войны, стала основной причиной ее «политического одиночества». Причины проамериканской ориентации Турции К. Джумхур, как и большинство турецких историков, видит в советском давлении на Республику. В то же время, как отмечает К. Джумхур, ориентация на США не отвечала национальным интересам Турции и являлась «лишь неким инструментом самосохранения»³.

Историки Дилек Барлас и Шухназ Йылмаз⁴ исследуют еще одну сторону внешней политики Турции: причины политической переориентации Турции в годы войны с Великобританией на США. Таковыми авторы считают ограниченные экономические и военные возможности британской дипломатии, ее зависимость от политики выстраивания взаимоотношений с Советским Союзом⁵. Более подробно тему выхода Турции из внешнеполитической изоляции после войны исследовал Гюрол Баба, изучивший первые турецко-американские контакты по сближению в рамках

¹ *Ahmad F.* The Historical Background of Turkey's Foreign Policy // *The Future of Turkish Foreign Policy* / Ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. Boston, 2004. Pp. 17, 24.

² В 2018 г. К. Джумхур защитил кандидатскую диссертацию в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского.

³ *Джумхур К.* Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. С. 19–20.

⁴ Профессор истории Дилек Барлас и доцент кафедры международных отношений Шухназ Йылмаз преподают в Университет Коч (Стамбул). Ш. Йылмаз в 2016 г. получила престижную премию Турецкой академии наук «Выдающийся молодой ученый».

⁵ *Barlas D., Yilmaz S.* Managing the transition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's relations with Britain and the US in a turbulent era (1929–47) // *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17. Issue 3. Pp. 12–16.

ООН. По его мнению, они также стали следствием советского влияния. Так, он утверждает, что привилегированное положение великих держав в ООН, прежде всего СССР (его членство в Совете Безопасности), ослабило веру Турции в способность ООН поддерживать международный мир. В связи с этим основной заботой Турции при создании ООН было не столько членство в этой организации, сколько обеспечение дружбы с США¹.

В ходе работы над темой были использованы источники-материалы:

– воспоминания главы Временного правительства Франции в 1944–1946 гг. Ш. де Голля, советских дипломатов Н. В. Новикова и А. А. Родионова, дневник писателя Ф. Чуева²;

– международно-правовые документы (Лозаннский мирный договор 1923 г., текст конвенции о режиме Черноморских проливов (Монтрё, 20 июля 1936 г.)), советско-турецкие и турецко-германские договоры и соглашения³;

– дипломатические материалы (нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза

¹ *Baba G.* Beginning The Search for a «Great Protector»: Turkey's Un Membership for the US Alliance // *Yönetim Bilimleri Dergisi* (9: 2). 2011. Journal of Administrative Sciences. P. 75.

² *Голь Ш. де.* Военные мемуары: Спасение. 1944–1946. URL: <http://militera.lib.ru/memo/french/gaulle3/02.html> (дата обращения: 31.08.2022); *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М.: Политиздат, 1989. 399 с.; *Родионов А. А.* Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М.: Международные отношения, 2006. 280 с.; *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.

³ Лозаннский мирный договор 1923 года, 24 июля // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3916> (дата обращения: 30.07.2022); КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247?section=text> (дата обращения: 20.02.2022); Германо-турецкий договор 1941 года, 18 июня. // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/3622> (дата обращения: 19.06.2020); Советско-турецкие договоры и соглашения // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3589512 (дата обращения: 19.06.2021).

от 21 июня 1941 г.) и переписка И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Д. Рузвельтом¹;

– сборники материалов международных конференций (Лозаннской, Тегеранской, Крымской и Потсдамской) и советско-германские документы и материалы 1939–1941 гг.²

В конце библиографии приложены оцифрованные документы, имеющие иллюстративно-справочный характер, из Секретариата Председателя Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., наркома по иностранным делам СССР в 1939–1946 гг., министра иностранных дел в 1953–1955 гг. Вячеслава Михайловича Молотова.

Использованные материалы позволяют лучше раскрыть тему исследования.

Таким образом, в турецкой историографии преобладает базовая концепция безопасности Турции в годы Второй мировой войны. Данная точка зрения не является абсолютной, поскольку среди исследователей находятся те, которые, пытаясь дополнить устоявшиеся концепции, по сути, ставят

¹ Директива ОКВ от 12 ноября 1940 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163474-direktiva-okv-18-ot-12-noyabrya-1940-g#mode/grid/page/1/zoom/4> (дата обращения: 08.05.2022); Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php (дата обращения: 23.07.22); Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1–2. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 279 с.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 17 июля – 2 августа 1945 г. М.: Политиздат, 1980. 510 с.; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборники документов. Т. 3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. 4–11 февраля 1945 г. М.: Политиздат, 1979. 338 с.; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М.: Политиздат, 1978. 206 с.; Лозаннский мирный договор 1923 года, 24 июля // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3916> (дата обращения: 30.07.2022); Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. 279 с.

вопрос о пересмотре ряда положений. Тем самым назрела необходимость появления работ, подытоживающих и оценивающих изучение советско-турецких отношений в современной турецкой историографии Второй мировой войны.

Необходимо дать оценку турецкой историографии Второй мировой войны и ответить, как современные турецкие историки оценивают советско-турецкие отношения и отношение Советского Союза к Турции в рассматриваемый период, проанализировать, как они аргументируют свою позицию. Необходимо понять, как, по мнению турецких историков, в годы войны проблема черноморских проливов повлияла на советско-турецкие отношения, проанализировать степень «активности» турецкого нейтралитета и его отражение в работах турецких авторов, показать, в чем исследователи видели эволюцию советско-турецких отношений на различных этапах Великой Отечественной войны (критерием здесь для турок служат советско-турецкие отношения до Сталинградской битвы и после), а также как обобщаются тенденции в советско-турецких отношениях после войны, как минимум на пятнадцать лет определивших политику двух стран. Таким образом, необходимо ответить, изменилась ли в чем-либо позиция турецких историков в отношении политики Советского Союза и какие проблемы это ставит перед современной турецкой историографией.

Глава 1

Взаимоотношения Турции с Советским Союзом на первом этапе Второй мировой войны (1939–1941)

1.1. Внешняя политика Турецкой Республики в начале мирового конфликта: на пути к англо-франко-турецкому альянсу

Сложность внешнеполитического положения Турецкой Республики в конце 30-х гг. объяснялась обострением ее отношений с Советским Союзом, в результате чего накануне Второй мировой войны отношения Турции с СССР оставались натянутыми без явных инцидентов при ориентации на Великобританию и Францию. Усилению советско-турецких противоречий способствовала замена режима Лозаннской конвенции о проливах на конвенцию Монтрё 1936 г. (далее – КМ-36) и сближение с Великобританией в ущерб советско-турецким отношениям. Корни отчуждения Турции от Советского Союза обозначились со времени принятия конвенции Монтрё, переведшей проблему проливов в новый формат.

Таким образом, турецкая русофобия периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была заложена еще в период Ататюрка. Впоследствии опасение «большевизации» Европы стало лейтмотивом политики преемника Ататюрка – Исмета Инёню. Настоящий перелом в советско-турецких отношениях относится к периоду, наступившему после смерти Ататюрка в 1938 г. В 1939 г. глава внешнеполитического ведомства СССР М. М. Литвинов ушел со сво-

его поста, а к руководству советской дипломатией пришел В. М. Молотов. Вскоре между Германией и Советским Союзом был заключен пакт о ненападении 23 августа 1939 г. (пакт Молотова – Риббентропа), а московские переговоры между Турцией и СССР о заключении собственного пакта о взаимопомощи окончились неудачей.

В оценке межвоенного периода существует известный консенсус «старой» и «новой» турецкой историографии по поводу основных принципов советско-турецких отношений, хотя современные турецкие исследователи пытаются вырваться из «прокрустово ложа» устоявшихся концепций, обновляя материалы и предлагая свою интерпретацию ряда известных событий. Так, если мнение об экспансионизме в политике СССР, унаследованном им от царской России, является лейтмотивом турецкой историографии старой школы¹, то представители нового поколения турецких историков не склонны преувеличивать степень остроты советско-турецких осложнений. Исследуя «исторический фон» внешней политики Турции, они считают, что рабочие отношения с Москвой стали главной опорой внешней политики Турции, официальным курсом ее руководства и оставались таковыми до смерти Ататюрка².

Мнение о стремлении турецкой элиты сохранять с СССР дружественные отношения не является чем-то особенным в историографии современной Турции. Сходную точку зрения высказывают такие историки различных направлений,

¹ *Kılıç A.* Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1959. Pp. 72, 74.; *Bilge Suat A.* Güç Köşülük: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. 1920–1964. Ankara, 1992; *Bilge Suat A.* An Analysis of Turkish-Russian Relations // *Perceptions*. 1997. Vol. II (June-August). URL: https://www.google.com/search?q=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=1C1SVED_enRU436RU436&aq=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome..69i57.1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 28.04.2020).

² *Ahmad F.* Op. cit. P. 17.

как Пынар Бильгин, Кыванч Джош, Мурат Онсой, Гюрол Баба, Огулджан Йылдырым¹. Однако в отличие от других исследователей П. Бильгин и К. Джош обосновывают иную концепцию советско-турецких отношений, согласно которой «дружественная» идентичность СССР позволила турецким политикам «хвалить» состояние отношений между Турцией и СССР даже после того, как СССР призвал Турцию «отказаться от некоторых своих суверенных прав над проливами»². Так, спустя несколько месяцев после заключения конвенции Монтрё нарком по иностранным делам СССР М. М. Литвинов предложил министру иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арасу подписать пакт о совместной защите проливов. Это предложение, «которое было сделано самым дружественным образом», было столь же вежливо отклонено Турцией³. В июле 1937 г. состоялись визиты в Москву Т. Араса и министра внутренних дел Турции Шюкрю Кайя. В рамках беседы Р. Араса и М. М. Литвинова последний поинтересовался, что Рюштю Арас и его правительство думает о «сотрудничестве» Турции и СССР «в защите проливов». Р. Арас ответил, что Турция не имела намерения сотрудничать с Советским Союзом по этому вопросу, и он был снят⁴.

Как отмечают исследователи, в межвоенный период СССР четыре раза (П. Бильгин и К. Джош указывают на 1921, 1925, 1936 и 1939 гг. – А. Б.) предлагал Турции изменить свою позицию относительно режима проливов, «что означало бы осуществление Турцией неполного суверени-

¹ *Bilgin P., Coş K.* Stalin's Demands: Constructions of the "Soviet Other" in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // *Foreign Policy Analysis*. 2010. № 6. P. 49.; *Önsoy M., Baba G.* Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD)*. 2019. Year 15. Issue 29. P. 131; *Yıldırım O.* Op. cit.

² *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 49.

³ *Kılıç A.* Op. cit. P. 122.

⁴ *Ibid.* P. 52.

тета»¹. Таким образом, подспудный страх Анкары перед советской угрозой отмечается *всеми* турецкими исследователями.

Что касается положения Турции накануне Второй мировой войны, то между началом войны и вторжением Германии в Советский Союз турецкое правительство стояло перед выбором. Поэтому экономически зависимая от Германии и дипломатически связанная с антигитлеровской коалицией (Великобританией и Францией. – А. Б.) Турция должна была рассматривать каждый шаг с особой тщательностью². Более оптимистично рассматривается положение Турецкой Республики в российской историографии. Отмечается, что в это время Турция оказалась в центре международной политики. Проводя осторожную внешнюю политику балансирования, турецкое правительство использовало сложившуюся международную обстановку для повышения своего статуса и международного престижа³. Турецкие исследователи подчеркивают этот аспект уже в период самой войны.

Турецкие исследователи связывают перелом в советско-турецких отношениях с заключением пакта Молотова – Риббентропа (23 августа 1939 г.). Так, Фероз Ахмад отмечает, что отношения с Москвой «охладилась» после подписания советско-германского пакта в августе 1939 г.⁴ Тот же самый вывод делают в своей статье М. Онсой и Г. Баба⁵. Другие исследователи (А. Кылыч, К. Джумхур, Ш. Чалыш и др.)

¹ Bilgin P., Coş K. Op. cit. P. 57.

² Kuniholm B. R. Op. cit. P. 22. См. также: Kuniholm B. R. Yakın Doğu'da Soğuk Savaş kökenleri: İran, Türkiye ve Yunanistan'da Büyük güç çatışması ve diplomasi. Princeton, 2014.

³ Ирхин А. А. Внешнеполитическая стратегия Турции накануне и в период Второй: модель не втягивания в мировой конфликт // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 79.

⁴ Ahmad F. Op. cit. P. 22.

⁵ Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 131.

отмечают, что изменение отношений произошло гораздо раньше, однако подавляющее число турецких историков подчеркивают, что соглашение СССР и Германии заставило Турцию заново строить свою политику. Согласно утверждению О. Ишчи, новость о пакте Молотова – Риббентропа «упала, как бомба в Турции, и перевернула всю стратегию национальной обороны Инёню с ног на голову»¹. Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день в турецкой историографии исследование пакта 1939 г. имеет самостоятельное значение – как пример того, как великие державы решают геополитические проблемы за счет малых стран².

Общее мнение выразил Тюрккайя Атаов³, отметив, что если до 23 августа 1939 г. Турция могла оставаться «про-союзнической» (т.е. с ориентацией на Великобританию и Францию. – А. Б.) и «просоветской» одновременно, то после пакта Молотова – Риббентропа Турция не могла больше сохранять уравновешенную позицию, столкнувшись с угрозой участия в войне из-за обязательств Анкары перед Великобританией и Францией⁴. Следует отметить, что к 1939 г. Турция действительно прочно определилась с внешнеполитической ориентацией в сторону Великобритании и Франции, однако конкретных военных обязательств между ними еще не было.

Оценивая результаты встречи германского посла в Турции Франца фон Папена⁵ с президентом Турецкой Респу-

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 64.

² *Kasar Ya.* Forgotten alliance: Hitler-Stalin pact of 1939 and the outcome of Second World War // International Research Journal Commerce arts science (CASIRJ). Vol. 7. Issue: 3. 2016. Pp. 22–33.

³ Тюрккайя Атаов (р. в 1932 г.) – известный турецкий исследователь, профессор Анкарского университета (два года работал в Секторе Турции ИВ АН СССР). В 60–80-е гг. Т. Атаов придерживался левых взглядов.

⁴ *Ataöv T.* Turkish foreign policy. 1939–1945. Ankara, Üniversitesi Basinevi. 1965. P. 50

⁵ Фон Папен Франц (1879–1969) – государственный и политический деятель и дипломат периода Веймарской Республики и нацистской

блики И. Инёню и главой министерства иностранных дел (далее – МИД) Шюкрю Сараджоглу¹, О. Ишчи подчеркивает, что на ней Ф. фон Папен, по сути, угрожал Анкаре поддержкой Бенито Муссолини² в случае вступления Турции в войну на стороне антигерманской коалиции³. «Нацистско-советский пакт, – заключает О. Ишчи, – глубоко встревожил турецких политиков, которые, услышав грубые просьбы Гитлера от Папена, были вынуждены с нуля выстраивать новую стратегию»⁴.

Жесткая критика турецкими историками советско-германского пакта и его последствий находит отклик и среди их российских коллег. Б. М. Поцхверия, ссылаясь на турецких исследователей, отмечает, что подписание Советским Союзом 23 августа соглашения с Германией «было тяжелым шоком для Турции»⁵.

По мнению Мурата Ульгюля⁶, советско-германский пакт можно рассматривать как отправную точку Второй мировой войны. Однако корни пакта видятся ему совсем не в перманентной агрессивности Советского Союза, а в тех

Германии. В 1939–1944 годах занимал должность посла Германии в Турции.

¹ Встреча произошла в первый день Второй мировой войны – 1 сентября 1939 г.

² Бенито Муссолини (1883–1945) – в 1922–1943 гг. фашистский диктатор Италии.

³ Захватив в ходе итало-турецкой (триполитанской) войны 1911–1913 гг. Додеканезские острова, Италия в 20–30-е гг. рассматривала эту территорию в качестве базы для экспансии в восточном Средиземноморье. Ввиду того, что острова находились вблизи турецкого побережья, планы Б. Муссолини являлись постоянным источником раздражения в отношениях между Италией и Турцией, несмотря на соглашение о нейтралитете 30 мая 1928 г. Усугубляла ситуацию поддержка Б. Муссолини со стороны Германии, военно-политический союз с которой был оформлен в 1940 г.

⁴ *Isci O.* Op. cit. P. 81.

⁵ Поцхверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Россия и исламский мир: историческая перспектива и современные тенденции. М., Крафт + ИВ РАН. 2010. С. 354.

⁶ Мурат Ульгюль – доцент Черноморского университета (г. Трабзон).

причинах, которые заставили советское руководство пойти на заключение соглашения с Германией. М. Ульгюль приходит к заключению, что причиной этому стала «политика умиротворения» британского премьер-министра Невилла Чемберлена. В результате пакт Молотова – Риббентропа развел СССР и Турцию по враждебным коалициям, хотя «невозможно предположить, что обе стороны были не заинтересованы в ином выборе»¹.

Еще весной 1939 г. были сделаны две декларации (турецко-британская и турецко-французская. – А. Б.), в которых объявлялось о единстве взглядов и необходимости разработки пакта о взаимопомощи между Турцией, Францией и Великобританией. Турция дала понять, что одновременно с трехсторонним пактом она желает заключить пакт о взаимопомощи с СССР, который подтвердил бы статус-кво Турции на Балканах и в Черноморском регионе, а также ее независимость и территориальную целостность. Иными словами, подразумевалась система двух параллельных договоров, объединенная возможностью совместного выступления против агрессии².

Такая перспектива обсуждалась в ходе визита в Анкару 29 апреля – 5 мая 1939 г. заместителя наркома по иностранным делам СССР В. П. Потемкина. Идея министра иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу³ заключалась в том, чтобы дать Советскому Союзу те же обязательства в отношении Черного моря, которые Турция намеревалась дать Великобритании в отношении Средиземного моря⁴.

¹ *Ulgul M.* The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010. P. 22.

² *Kılıc A.* Op. cit. Pp. 76–77.

³ Мехмет Шюкрю Сараджоглу (1887–1953) – турецкий дипломат и государственный деятель. В 1938–1942 гг. министр иностранных дел Турции, в 1942–1946 гг. премьер-министр страны.

⁴ *Ataöv T.* Op. cit. P. 24.

Как отмечает О. Ишчи, главной целью Ш. Сараджоглу было превращение Турции в дипломатический мост между Советским Союзом и англо-французским блоком, поскольку это *казалось единственно возможным вариантом для Турции избежать вооруженного конфликта и заставить других признать ее нейтральность*. В этом плане Турция возлагала большие надежды на восстановление в ходе визита В. П. Потемкина дружественных отношений с Советским Союзом¹. Следует согласиться с М. Ульгулем, что анкарская и московская встречи были решающими во взаимоотношениях СССР и Турции до войны².

Что касается последующего отказа Турции от политики маневрирования в пользу англо-французского альянса (вполне формального, как мы увидим, в дальнейшем), то он исследуется турками в двух направлениях. Во-первых, это советско-турецкие переговоры в Москве (25 сентября – 16 октября 1939 г.)³. Во-вторых, это переговоры Турции в Анкаре с Великобританией и Францией, закончившиеся заключением пакта о взаимопомощи (19 октября 1939 г.)⁴.

По мнению американского исследователя Брюса Р. Кунихолма⁵, провал советско-турецких переговоров был обусловлен жесткими требованиями советской стороны, чье поведение предопределило заключение пакта Молотова – Риббентропа. Советские требования включали изменение конвенции о проливах с тем, чтобы Советский Союз совместно с Турцией контролировал их режим, и отказ от

¹ *Isci O. Op. cit. P. 64.*

² *Ulgul M. Op. cit. P. 22.*

³ Они были прямым продолжением переговоров В. П. Потемкина в Анкаре, поэтому в турецкой историографии советско-турецкие переговоры о заключении пакта о взаимопомощи датируют с визита советского дипломата в Анкару (см. выше).

⁴ В мае 1939 г. правительства Турции и Великобритании заявили о своем намерении заключить долгосрочное взаимное соглашение.

⁵ Брюс Р. Кунихолм (р. 1942) – профессор, американский исследователь внешней политики США на Ближнем и Среднем Востоке.

любых мер против Германии, даже если бы последняя напала на Турцию. Ш. Сараджоглу счел советские требования неприемлемыми. В результате переговоры прекратились¹.

К таким же выводам пришел и А. Кылыч². По его мнению, миссия Ш. Сараджоглу была обречена с самого начала, поскольку, когда 20 сентября 1939 г. он прибыл в Москву³, советские политики уже сделали выбор в пользу пакта с нацистской Германией. Попытки Ш. Сараджоглу рассматривать агрессию в самом широком смысле натолкнулись на безразличие советских руководителей, заявивших, что ситуация изменилась⁴.

По словам А. Кылыча, в особенности это стало очевидно, когда В. М. Молотов «доложил» о переговорах германскому послу Ф. фон Шуленбургу⁵. Факт контактов В. М. Молотова с германским послом подтверждает Б. М. Поцхверия. Он указывает на то, что последующий провал переговоров вызвал у турок опасения в отношении советской внешней политики, «чему способствовала утечка информации о беседах советских и немецких руководителей в 1939–1940 гг.»⁶. Переговоры «зашли в тупик», когда Советский Союз потребовал включить положение о том, что из-за договоренностей, которые были подписаны на основании германо-советского пакта, он не может быть вовлечен в какие-либо агрессивные действия против Германии. «Советы потребовали, чтобы Турция подписала двусторонний протокол

¹ *Kuniholm B. R. Op. Cit. P. 22.*

² Алтемур Кылыч (1924–2016) – турецкий писатель и журналист.

³ Формально это был ответный визит – в ответ на поездку в Анкару В. П. Потемкина. Фактически же в ходе визита Ш. Сараджоглу намечалось продолжить начатый в Анкаре обмен мнениями о мерах совместной обороны против возможной агрессии (Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М.: Политиздат, 1989. С. 28–36).

⁴ *Kılıç A. Op. cit. Pp. 76–77.*

⁵ Переговоры вел В. М. Молотов при участии И. В. Сталина.

⁶ *Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 355.*

(протокол состоял из десяти статей. – А. Б.), который фактически изменил бы международную Конвенцию Монтрё, в соответствии с чем <...> Турция не должна была позволять военным кораблям нечерноморских держав проходить через пролив Босфор в Черное море, осуществляя контроль над режимом проливов вместе с Россией»¹. По словам М. Ульгюля, согласно новой договоренности запрещалось изменение нового режима проливов в одностороннем порядке или через переговоры с третьими сторонами (т.е. с другими державами-подписантами КМ-36. – А. Б.)». Он подчеркивает, что, когда в конце первой встречи В. М. Молотов передал Ш. Сараджоглу листок бумаги, заявив, что в нем содержатся изменения в режиме конвенции Монтрё, последний «отказался даже прикасаться к бумаге»².

Российский исследователь И. В. Смольняк дает иную версию событий. По его словам, «во-первых, Турции предлагалось *отказаться от предоставления военной помощи Великобритании и Франции в случае начала их войны с Германией, а также от предоставления аналогичных гарантий Греции и Румынии*³. Во-вторых, в случае, если Великобритания и Франция нападут на СССР, Турция должна сохранять нейтралитет (выделено нами. – А. Б.). В-третьих, подписание нового договора с Турцией было возможно при условии, согласно которому в случае германо-турецкого конфликта СССР также оставался нейтральным. В-четвертых, Анкаре было предложено согласиться на пропуск советских военных кораблей через проливы *не только в мирное, но и в военное время* (выделено нами. – А. Б.). После консультаций со своим правительством Сараджоглу ответил, что Анкара готова согласиться на первые два

¹ Kılıc A. Op. cit. Pp. 78.

² Ulgul M. Op. cit. Pp. 24.

³ 13 апреля 1939 г. Англия и Франция дали гарантии безопасности Греции и Румынии.

предложения Сталина (выделено нами. – А. Б.)»¹. Таким образом, Турция была готова изменить формату уже подготовленного соглашения в Анкаре (см. далее), но не могла позволить ревизии самого режима проливов.

В связи с этим турецкие исследователи отмечают, что Турция не могла принять ни один из пунктов, пересматривающих конвенцию Монтрё, так как они бы в итоге подорвали ее собственную безопасность. Ш. Сараджоглу отказал также СССР в каком-либо участии в делах Балканского пакта². Последнее было вполне объяснимо, так как в период московских переговоров влияние СССР на Балканах было велико³. Заключительным аккордом тяжелых и безрезультатных переговоров стало очередное «неудачное» предложение главы турецкого МИД заключить общий договор о взаимопомощи, опять же с оговоркой, что его не следует истолковывать как шаг против Франции или Великобритании. После отказа СССР и от этого предложения 16 октября 1939 г. переговоры были прерваны. По словам А. Кылыча, Ш. Сараджоглу оставался в Москве безрезультатно почти месяц «при игнорировании и подчеркнутой невежливостью с советской стороны»⁴.

Последнее подтверждается воспоминаниями советского дипломата, в то время заведующего Ближневосточным отделом Народного комиссариата иностранных дел (НКВД),

¹ Смольняк И. В. Отношение США к внешнеполитической активности Турции в 1939–1941 годов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 210.

² Балканский пакт (Балканская Антанта) был заключен 9 февраля 1934 г. между четырьмя балканскими странами – Грецией, Румынией, Турцией и Югославией. Балканский пакт обязывал подписавшие его страны совместно защищать их внутрибалканские границы и согласовывать свою внешнюю политику (Мотивация и история // Diphis.ru. URL: https://diphis.ru/balkanskiy_pakt_-a616.html (дата обращения: 14.06.2021).

³ Menemencioğlu T. Atatürk'ün Dış Politikası ve Bunun Dünya Uygulaması // İstanbul Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi. Yıl: 1. Sayı: 1. İstanbul, 1983. S. 201.

⁴ Kılıc A. Op. cit. P. 79.

Николая Васильевича Новикова¹. Вот как он описывает визит Ш. Сараджоглу в Москву: «20 сентября он (Сараджоглу. – А. Б.) со своей свитой в обществе советского полпреда в Анкаре А. В. Терентьева² прибыл пароходом в Одессу. Встретить его там, в качестве представителя Наркоминдела, и сопровождать до Москвы в поездке было поручено мне. <...> За совместными завтраками, обедами и ужинами в салон-вагоне было оживленно и весело. Министр умеренно пил, благодушно шутил, провозглашал тосты. Не отставали от него и сотрапезники, как турки, так и мы с Терентьевым. В первый же день пути выяснилось, что Сараджоглу заядлый шахматист, и я вызвался составить ему компанию за шахматной доской. Противник он был не из очень серьезных. Учтя это, я играл без напористости, охотно разрешал ему брать неудачные ходы обратно и благодаря такой тактике сумел проиграть половину партий. Он шумно радовался каждой победе, подсмеиваясь надо мной, и чувствительно огорчался при поражениях. <...> 18 октября (уже после переговоров. – А. Б.) Шюкрю Сараджоглу вместе со своими спутниками двинулся в обратный путь. <...> На меня снова была возложена обязанность сопровождать турецкого министра – на этот раз до Севастополя, откуда в Стамбул его должен был доставить советский эсминец. По дороге в Севастополь в салон-вагоне царило уныние. Коснулось оно не только турецкой части пассажиров, но и меня с А. В. Терентьевым, возвращавшимся на свой пост в Анкару. Он, как и я, предвидел неизбежный период трудностей в советско-

¹ Николай Васильевич Новиков (1903–1989) – советский дипломат. 25 мая 1938 г. был зачислен на должность ответственного консультанта Первого Восточного отдела НКВД. До своего перевода на пост руководителя одного из европейских отделов НКВД курировал дипломатические отношения с Турцией, Ираном, Афганистаном, а также арабскими странами Ближнего Востока.

² Алексей Васильевич Терентьев (1902–?) – советский дипломат и государственный деятель. Полномочный представитель (полпред) СССР в Анкаре в 1938–1940 гг.

турецких отношениях. <...> Вечером в первый день путешествия Сараджоглу, уже облаченный в теплый домашний халат, предложил мне опять помериться с ним силами на шахматной доске. Мы сели играть, и тут я, невольно поддавшись чувству неудовлетворенности, в которое поверг меня исход переговоров, начисто забыл о дипломатическом такте. Не делая министру никаких скидок на его высокое положение, я выиграл у него подряд три партии. Крайне раздосадованный, Сараджоглу смешал на доске фигуры четвертой, безнадежной для него партии, буркнул себе под нос: “Кя-афи!” (“Хватит!”) – и удалился в свое купе. <...> Игра на следующий день не возобновлялась. В душе я слегка корил себя за вчерашнюю “недипломатичную” игру, но значения этого эпизода не переоценивал»¹.

Трудно сказать, насколько искренно Н. В. Новиков объясняет мотивы своего поступка. Не исключено, что накануне отъезда Ш. Сараджоглу он был соответственным образом «проинструктирован» руководством НКВД, наверняка знавшим о шахматной «слабости» турецкого министра. Ясно одно: то, как вел себя еще начинающий молодой дипломат (Н. В. Новиков пришел на работу в Комиссариат в начале 1938 г. – *А. Б.*) в отношении главы МИДа соседнего государства по сравнению со своим предыдущим поведением, согласуется с утверждениями турецких историков о том, что московские переговоры явились переломным моментом в турецко-советских отношениях: «дружеские отношения, солидарность и сотрудничество, которые образовались благодаря перспективным решениям Ленина и Ататюрка в трудные времена, постепенно ухудшались, и начался напряженный период»². Более эмоционально

¹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 28–36.

² Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 37.

охарактеризовал эту ситуацию М. Ульгюль, подчеркнувший, что в конце переговоров 20-летней дружбе был нанесен «непоправимый ущерб» в результате различных амбиций одних и ожиданий со стороны других¹. В целом современные турецкие исследователи придерживаются сходной точки зрения, отмечая, что турецко-советские дискуссии были обречены на провал².

Есть и другие объяснения поведения Москвы во время переговоров. Так, по мнению К. Джумхура, стремление Москвы «переписать» неудобные положения конвенции Монтрё объяснялись опасениями по поводу возможного тайного транспортирования оружия и припасов на гражданских судах³. Эти опасения в полной мере подтвердились в период войны в Черном море. По мнению турецкого ученого и политолога Халука Улмана, поскольку конвенция полностью не запрещала проход военных кораблей нечерноморских стран, беспокойство Москвы оказало отрицательное влияние на советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны⁴. То же отмечает и российский исследователь А. А. Ирхин. Он обращает внимание на то, что, предлагая во время московских переговоров подписать двусторонний советско-турецкий пакт о взаимопомощи в зоне действия Черного моря и проливов, советская элита полагала, что СССР вправе иметь гарантию: в случае войны Турция не пропустит во-

¹ *Ulgul M.* Op. cit. P. 23.

² *Bilgin M.* Britain and Turkey in the Middle East. Politics and Influence in the Early Cold War Era. London; New York, Tauris Academic Studies, 2007. P. 33; *Isci O.* Op. cit. P. 33; *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 23–24.

³ *Джумхур К.* Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 37.

⁴ *Джумхур К., Рыжов И.* Основные причины процесса трансформации Турецко-Советских Дипломатических Отношений 1936–1946 гг. // *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi / Journal of Turkish History Researches*. 2017. Yıl (Vol) 2. Sayı (No). 2. Güz (Fall). S. 113.

енные корабли нечерноморских государств через Босфор в Черное море¹.

На наш взгляд, наиболее объективно итоги московских переговоров подводит Мустафа Бильгин², использовавший в своей монографии советские документы. Он отмечает, что Москва видела в советско-турецком пакте ненужное бремя и не хотела брать на себя обязательства относительно Турции, поскольку это осложнило бы советско-германские отношения³.

Резюмируя ситуацию, М. Ульгюль подчеркивает, что московская конференция изменила планы турецкого правительства во время Второй мировой войны и стала первой причиной нейтралитета, поскольку повлияла на турецкое восприятие угрозы, и Советская Россия стала «гораздо более жизнеспособной опасностью, чем Италия»⁴. Хотя в официальном совместном коммюнике обеих стран подчеркивалось, что «дружеские» отношения и поддержание мира являются основными принципами внешней политики обеих стран⁵, М. Бильгин обращает внимание: уточнение советской стороной будущей встречи СССР и Турции с тем, «чтобы обсудить международные вопросы, касающиеся их общих интересов в будущем», подразумевало, что Москва не отказалась от своих требований в отношении проливов, собираясь искать подходящую возможность поставить вопрос в будущем⁶.

Все без исключения турецкие исследователи связывают быстрое заключение Анкарского соглашения (19 октября

¹ Ирхин А. А. Указ. соч. С. 80.

² Мустафа Бильгин – сотрудник факультета международных отношений Университета им. Баязида Йылдырыма (Анкара).

³ Bilgin M. Op. cit. P. 33.

⁴ Ulgul M. Op. cit. P. 25.

⁵ Bilgin P., Coş K. Op. cit. P. 54.

⁶ Bilgin M. Op. cit. P. 33.

1939 г.) с провалом московских переговоров. При этом упускается из виду, что Турция и раньше хотела создать общую коалицию с СССР, Францией и Великобританией. По мнению Умита Козджаза¹, провал советско-турецких переговоров оставил Турции единственный вариант: немедленное подписание соглашения о союзе с западными государствами². По нашему же мнению, еще во время пребывания главы турецкого МИД в Москве Анкара была готова к такому развитию событий. Быстрое подписание англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи после неудачных переговоров в Москве подтверждает это³. Заключение Анкарского соглашения не являлось для СССР непоправимой неудачей. Как уже отмечалось, президент Турецкой Республики И. Инёню оказался достойным продолжателем политики Ататюрка, полагая, что баланс сил в Европе, при котором великие державы сдерживают амбиции друг друга, лучше всего служит интересам Турции в международной политике⁴. Поэтому М. Ульгюль справедливо полагает, что пока Советская Россия имела двустороннее соглашение с гитлеровской Германией, СССР мог рассчитывать, что Турция будет нейтральным государством⁵.

Что же касается самого Анкарского соглашения, заключенного 19 октября 1939 г. (британский историк Ни-

¹ В 2016–2019 гг. аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

² Козджаз У. Положение Турецкой прессы и образ Советского Союза в Турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26795 (дата обращения: 10.06.2021).

³ Болдырев А. В. Конвенция Монрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа. Сб. статей / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. С. 439.

⁴ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. Pp. 132–133.

⁵ *Ulgul M.* Op. cit. P. 25.

колас Тамкин называет его «Великим Альянсом»), то, по мнению С. Кара, причиной его подписания было опасение турецких государственных деятелей последствий пакта Молотова – Риббентропа¹. При этом исследователи, придерживающиеся западоориентированной версии Второй мировой войны, отмечают, что сам Анкарский договор имел разное значение для турок и британцев. Д. Барлас и Ш. Йылмаз подчеркивают, что если для турок это был «страховой полис на случай острой нужды в защите», то для британского премьера Уинстона Черчилля Турция стала «картой, которую нужно разыграть в нужный момент»². На наш взгляд, лучше ситуацию оценивают М. Онсой и Г. Баба. По их мнению, для Турции Альянс был не чем иным, как попыткой уменьшить уязвимость страны, положив конец изоляции (т.е. обезопасить свое положение международным пактом. – *А. Б.*). Договор 1939 г. предусматривал помощь Турции только в случае акта агрессии, совершенного европейской державой и ведущего к войне в Средиземном море. В то же время по состоянию на октябрь 1939 г. такое вряд ли могло произойти. В конце сентября посол Германии в Анкаре Ф. фон Папен сообщил «из первых рук» (т.е. непосредственно от А. Гитлера. – *А. Б.*), что Германия ни при каких обстоятельствах не намеревалась начинать войну в Средиземном море. Серьезной проблемой после подписания англо-франко-турецкого договора была реакция Советского Союза. Поэтому пункт 2 договора разрешал Турции не предпринимать никаких действий,

¹ *Kara S.* Op. cit.

² *Barlas D., Yilmaz Ş.* Managing the transition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's relations with Britain and the US in a turbulent era (1929–1947) // *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17. Issue 3. P. 14.

«если последствия приведут страну к вооруженному конфликту с Советским Союзом»¹.

По мнению М. Ульгюля, пункт 2 был обусловлен страхом Турции перед советской угрозой². При этом У. Козджаз считает, что Турция не рассматривала Анкарское соглашение как спасение от советской угрозы. Он подчеркивает, что Турция не хотела воевать с Советским Союзом. Заключение договора означало, что «Турция является *не нейтральной, а невоюющей стороной* (выделено нами. – А. Б.)». После подписания Анкарского соглашения Турция нашла свой новый политический путь – альянс с Великобританией и Францией. Однако Турция не была против СССР³.

Отдельно следует остановиться на исследуемой в турецкой историографии позиции турецкой прессы. Анализируя материалы прессы, турецкие авторы стремятся показать, как воспринимался образ Советского Союза в общественно-политическом дискурсе Турции в первые дни войны. Мнения на этот счет различны. У. Козджаз утверждает, что известная своей антифашистской позицией левая газета «Тан» («Заря»)⁴ полностью защищала интересы Советского Союза, что было негативно встречено другими турецкими изданиями⁵. Более аргументированным представляется мнение Севтап Сыракая⁶, которая указывает на то, что газета выступала то с критикой, то с поддержкой внешней политики

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. Pp. 132–133.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 25.

³ *Козджаз У.* Указ. соч. С. 1–7.

Более подробно смысл и содержание Анкарского соглашения см. в гл. 1. 2. См. также: Бабинцев В. А. Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 5. Свердловск, 1976. С. 42–61.

⁴ В 1935–1945 гг. «Тан» представляла собой ежедневную газету левого толка. См. подробнее: *Сыракая С.* Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны // Вестник Московского университета. 2015. Серия 10. Журналистика. № 2. С. 129.

⁵ *Козджаз У.* Указ. соч. С. 1–7.

⁶ Севтап Сыракая – исследователь Анкарского университета, аспирант Института истории Казанского федерального университета (на 2015 г.)

СССР. В рассматриваемый же период «Тан» полагала, что соглашение с Берлином было выгодным для СССР, поскольку значительно отодвигало советско-германскую границу¹. Как представляется, именно поэтому У. Козджаз оценивает позицию «Тан» как исключительно просоветскую. Следует также отметить, что мнение турецких исследователей опровергает точку зрения их российских коллег, считающих, что газета «Тан», вплоть до осени 1939 г. печатавшая статьи в пользу СССР, после пакта Молотова – Риббентропа перешла в антисоветский лагерь и стала писать, что именно Советский Союз виновен в развязывании войны².

У. Козджаз отмечает, что все газеты, кроме прогермански настроенных «Джумхюрриет», «Тасвири», «Эфкар» и «Икдам», рассказывали своим читателям о начале Второй мировой войны в том же ключе, что и официальное правительство³. Так, если после подписания пакта Молотова – Риббентропа Рыфкы Атай⁴ критиковал Советский Союз, подчеркивая, что договор о ненападении между Советским Союзом и Германией не спас мир, а, наоборот, способствовал войне, то затем даже после провала московских переговоров высказывания турецких журналистов вполне укладывались в концепцию положительного образа СССР. О. Ишчи отмечает в связи с этим, что большинство турецких газет в целом использовали редакционную линию, ори-

¹ Сыракая С. Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны. С. 124, 129.

² Бахревский Е. В., Свистунова И. А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние: монография. М.: Институт Наследия, 2019. С. 139.

³ Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

О методах регулирования правительством деятельности формально «свободной» турецкой прессы см. ниже.

⁴ Фалих Рыфкы Атай (1894–1971) – турецкий писатель и публицист. Во время войны издавал газету «Акшам» (Вечер), ориентированную на страны антигитлеровской коалиции.

ентированную на правительство, и пытались придать пакту Молотова – Риббентропа «внешнюю пристойность»¹.

Так, например, как и газета «Тан», турецкие издания интерпретировали ввод советских войск на территорию Польши как естественный шаг СССР по защите своей территориальной целостности. Турецкая пресса подчеркивала, что эта ситуация не повредит турецко-советской дружбе. О необходимости продолжения дружбы с СССР писали как Зекерия Сертель из «Тан»², так и Юнус Нади из «Джумхуриет»³. Постоянный представитель Турции в Лиге Наций Неджеддин Садак в газете «Акшам» полностью повторил слова З. Сертеля о том, что главная цель вступления СССР в Польшу – возможность остановить наступление Германии в восточном направлении. Турецкая пресса пыталась внушить читателям положительное впечатление о московских переговорах, даже признав, что они закончились неудачей⁴.

Таким образом, в начале Второй мировой войны турецкая пресса дистанцировалась от стран оси и симпатизировала союзникам. Турецкое правительство поддерживало дружественные отношения со странами антигитлеровской коалиции. Поэтому оно не препятствовало тому, чтобы в стране публиковались материалы, направленные против Германии.

Что же касается Анкарского соглашения, то журналисты Турции, отмечает У. Козджаз, подчеркивали, что альянс «бу-

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 74.

² Мехмет Зекерия Сертель (1890–1980) – известный турецкий журналист и общественный деятель. В 1938–1945 гг. совместно со своей женой издавал газету «Тан». (См.: Мехмед Сертель Зекерия, турецкий журналист. 04.03.2021 // Stanbul.ru. URL: <https://stanbul.ru/mehmed-sertel-zekeriya-tureczkij-zhurnalists> (дата обращения: 11.06.2021).

³ Юнус Нади Абалыоглу (1879–1945) – известный турецкий журналист и основатель газеты «Джумхуриет» («Республика»), придерживавшейся в период войны прогерманской ориентации.

⁴ Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

дет служить только миру»¹. Наиболее точно точку зрения турецкого правительства на этот счет оценил З. Сертель, отметив, что державы оси и антигитлеровская коалиция не должны ожидать от Турции никакой помощи². Британский исследователь Уильям Хейл подчеркивает, что подписав в октябре 1939 г. Тройственный Альянс, Турция де-факто в течение всей войны оставалась нейтральной страной, подвергаясь сильнейшему прессингу как со стороны западных союзников, так и со стороны Германии, стремящихся втянуть Турцию в войну на своей стороне³. Последнее утверждение не соответствует действительности, однако позиция Турции в этом вопросе и перипетии, особенно касающиеся советско-турецких отношений, будут рассмотрены в следующих главах.

Таким образом, на сегодняшний день, исследуя внешнюю политику Турецкой Республики накануне и в начале Второй мировой войны, турецкие историки обращают свое внимание на стремление Турецкой Республики избежать войны и создать при помощи европейских держав систему коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Позиция СССР рассматривается как провокационная, поскольку именно Советский Союз считается виновником того, что аналогичная система не была распространена на черноморский регион. Турецкие исследователи предпочитают не акцентировать внимание на том факте, что, желая заключить двойное соглашение, сама Турция стремилась избежать вступления в войну, хотя и признают, что на московских переговорах СССР отстаивал свои интересы, а пакт Молотова – Риббентропа был результатом европейской политики. Анкарское соглашение 1939 г. интерпретируется как результат неудачных московских переговоров, однако

¹ Там же.

² Там же.

³ Hale W. Op. cit. P. 79.

само соглашение рассматривается как соответствующее интересам Турции. Как представляется, такого рода оценочные «перепады» связаны со стремлением части турецких исследователей пересмотреть существующие концепции советско-турецких отношений.

1.2. Формирование основ турецкого нейтралитета и конвенция Монтрё в советско-турецких отношениях (1939–1941)

Исследуя период между заключением Анкарского соглашения и германо-турецкого пакта о ненападении (18 июня 1941 г. – *А. Б.*), американские и британские историки отмечают, что в это время Великобритания, желавшая предотвратить вторжение стран оси на Балканы, попыталась реанимировать советско-турецкое сближение. Британский исследователь Николас Тамкин¹ подчеркивает, что хотя советско-турецкие отношения ухудшились после пакта Молотова – Риббенропа, британское посольство в Анкаре не было убеждено, что враждебность носит безусловный характер, рассматривая себя в качестве посредника². Объединенный комитет по разведке Великобритании в конце июля 1940 г. пришел к выводу, что нападение Советского Союза на Турцию маловероятно, а помощник заместителя главы министра иностранных дел Гарольд Сарджент³, одна из ключевых фигур Фо-

¹ Николас Тамкин – сотрудник Кембриджского университета, преподаватель Университетского колледжа (Лондон). Книга “Turkey and the Soviet Union, 1940–45” («Великобритания, Турция и Советский Союз, 1940–45», см. ниже) является его первой монографией.

² Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 19.

³ Сэр Гарольд Орм Гартон Сарджент (1884–1962) – британский дипломат. В период Второй мировой войны вел текущую работу Министерства иностранных дел во время отсутствия руководителей Форин-офиса.

рин-офиса периода Второй мировой войны, был согласен с тем, что в британских интересах улучшить советско-турецкие отношения¹.

Идея посредничества, однако, не была реализована. Как отмечает Н. Тамкин, когда британский посол в СССР Стаффорд Криппс² предложил посредничество в советско-турецком сближении, И. В. Сталин согласился, но дал понять, что отношения с Турцией останутся неопределенными, пока режим проливов не будет пересмотрен³. По словам У. Хейла, в июле 1940 г. И. В. Сталин все же дал свое согласие на посредничество Великобритании для урегулирования советско-турецких отношений, предупредив, однако, что это будет возможно только в случае участия черноморских государств в защите проливов (т. е. под руководством СССР. – *А. Б.*), что было неприемлемо уже для Турции⁴. Хотя германская военная угроза зимой 1940–1941 гг., направленная против Греции и Югославии, подтолкнула Турцию к улучшению отношений с Москвой, турецкое правительство заявило, что оно стремится лишь добиться общего улучшения отношений, а не нового,

¹ *Tamkin N. Op. cit. P. 20.*

² Сэр Стаффорд Криппс (1889–1952) – британский дипломат. С мая 1940 г. по январь 1942 г. посол Великобритании в СССР. После нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 г. стал ключевой фигурой в создании союза между западными державами и СССР.

³ *Tamkin N. Op. cit. P. 20.*

Помимо прочего И. В. Сталин, по выражению Н. Тамкина, «слил» предложение С. Криппса А. Гитлеру, используя свои контакты с англичанами в качестве инструмента для давления в ходе переговоров о новом советско-германском урегулировании на Балканах. Н. Тамкин, очевидно, имел в виду ноябрьские переговоры 1940 г. И. Риббентропа и В. М. Молотова в Берлине, в ходе которых фигурировала Болгария (см. далее). Напомним, что, согласно утверждению турецких историков, подобную комбинацию за полгода до этого проделал В. М. Молотов, сообщив германскому послу Ф. фон Шуленбургу в 1939 г. о советско-турецких переговорах.

⁴ *Hale W. Op. cit. P. 85.*

обязательного договора, который потребовал бы уступок в проливах¹.

Таким образом, причиной срыва возможного диалога сторон стали амбициозные планы Москвы и недоверие Анкары. К тому же не было и твердой внешнеполитической линии со стороны британского посредника. По словам Николаса Тамкина, англичане стремились избежать впечатления, что Британия заставляет Турцию договариваться с Москвой или потворствовать ей при пересмотре соглашения о проливах, чтобы улучшить отношения Великобритании с Советским Союзом². Последнее стало навязчивой идеей турецкой дипломатии и головной болью Форин-офиса на протяжении всего периода войны. В конечном итоге попытка второго советско-турецкого сближения привела к обратным результатам. Ф. Ахмад подчеркивает, что угроза проливам перед лицом «быстрой советской мобилизации» и сомнение в способности Британии предоставить «адекватную помощь» стали предпосылками для германо-турецкого сближения в апреле 1940 г.³

При этом база для второго советско-турецкого сближения существовала. Несмотря на то, что после подписания англо-франко-турецкого договора отношения Турции и СССР ухудшились, Советский Союз понимал, что подписанное соглашение о ненападении с Германией не будет долговечным. Как отмечал А. Кылыч, в ноябре 1939 г. В. М. Молотов заявил, что Советская Россия «вполне удовлетворена турецкой опекой над проливами»⁴. После Анкарского соглашения в турецкой прессе старались не обращать внимания на действия СССР.

Некоторые турецкие исследователи полагают, что возможность диалога между СССР и Турцией еще более уси-

¹ *Tamkin N.* Op. cit. P. 27.

² *Ibid.* P. 20.

³ *Feroz A.* Op cit. Pp. 104–107.

⁴ *Kılıc A.* Op cit. P. 123.

лилась после разгрома Франции в результате «шестинедельной войны»¹. М. Онсой и Г. Баба указывают, что это стало большим потрясением для Турции, «так как одна из сторон Договора о взаимном союзе больше в нем не присутствовала»². Нападение Италии – давнего соперника Турции в Восточном Средиземноморье – на Грецию³ также сильно встревожило Анкару. В результате захват немцами в ходе войны ряда островов в Эгейском море, война с Югославией и «мирная оккупация» Румынии⁴ привели к турецко-советскому сближению⁵. Некоторые турецкие исследователи даже преувеличивают наметившиеся тенденции в советско-турецких отношениях после неудачи

¹ Французская кампания, или Шестинедельная война, – военная операция стран оси в Западной Европе с мая по июнь 1940 г., приведшая к разгрому французских, бельгийских и нидерландских вооруженных сил, а также эвакуации Британских экспедиционных сил во Франции, что обеспечило господство в Европе Германии и ее союзников.

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit. Pp. 135–136.*

³ Итало-греческая война продлилась с 28 октября 1940 года до 23 апреля 1941 года. Греция была побеждена только после вступления 6 апреля 1941 г. в войну союзника Италии Германии.

⁴ 7 октября 1940 г. в страну по приглашению диктатора И. Антонеску были введены германские войска под предлогом «защиты нефтяных районов» и обучения румынских военных. 23 ноября 1940 г. Бухарест официально присоединился к Тройственному пакту, ранее подписанному Берлином, Римом и Токио. Таким образом, Германия получила румынские нефтепромыслы. К марту 1941 г. в стране находилось до 500 тыс. солдат вермахта. Помимо этого, 1 марта 1941 г. в Вене были подписаны документы о присоединении Болгарии к пакту «Рим – Берлин – Токио». Уже 2 марта 1941 г. немецкие войска вступили на территорию Болгарии и Румынии. 6 апреля 1941 г. началось немецкое вторжение в Югославию и Грецию, для чего Болгария предоставила свою территорию (см. История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. М.: ИПО Профиздат, 1997. С. 249; История южных и западных славян. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 40).

⁵ *Гюдек А.* Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. 23.02.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html> (дата обращения: 01.01.2020). См. также: *Güdek A. 2. Dünya Savaşı'nın Türk Dış Politikasına Yansımaları.* 19.02.2013. //URL: <http://politikaakademisi.org/2013/02/19/2-dunya-savasinin-turk-dis-politikasina-yansimalari/> (дата обращения: 25.04.2021).

московских переговоров, так как реального сближения не произошло¹.

Таким образом, следует говорить не о сближении СССР и Турции, а о сходстве их интересов в сложившейся обстановке, что смягчило отношения между двумя странами. Это отмечают и сами турецкие историки. Ф. Ахмад подчеркивает, что И. Инёню понял, что СССР не будет участвовать в каком-либо германском давлении на Турцию. В августе–сентябре 1940 г. было приостановлено издание ежедневной газеты «Джумхуриет», произошли аресты германских подданных по обвинению в шпионаже и внесены изменения в закон о пребывании иностранцев в Турции². Выступая перед Великим Национальным Собранием Турции (ВНСТ) в ноябре 1940 г., турецкий президент утверждал, что Турция и впредь будет «верна нашей дружбе и союзу с большевиками»³. Как отмечает О. Ишчи, президент И. Инёню откровенно описал свое отношение к Советам британскому послу Хью Монтгомери Нэтчбулл-Хьюджессену⁴, сказав: «Мы не хотим воевать с Советами, если этого можно избежать»⁵.

Тем не менее подспудный страх перед «советской угрозой» как непреходящий фактор внешней политики Турции отмечается практически всеми турецкими исследователями⁶. У. Козджаз подчеркивает, что премьер-министр Турции Рефик Сайдам⁷ рассматривал Анкарское соглашение «как спасение от советской угрозы»⁸. Ф. Ахмад обращает вни-

¹ Там же.

² *Feroz A.* Op cit. P. 118.

³ *Ibid.* P. 119.

⁴ Хью Монтгомери Нэтчбулл-Хьюджессен (1886–1971) – британский дипломат. В 1939–1944 гг. посол Великобритании в Турции.

⁵ *İsci O.* Op cit. P. 101.

⁶ См.: гл. 1.1.

⁷ Ибрахим Рефик Сайдам (1881–1942) – турецкий государственный деятель, премьер-министр Турции в 1939–1942 гг.

⁸ *Козджаз У.* Указ. соч. С. 1–7.

мание на то, что во время личных встреч с Х. Монтгомери Нэтчбулл-Хьюджессеном Ш. Сараджоглу не раз признавал, что в глазах турецкого правительства и Генерального штаба Германия рассматривалась «как враг в *отдаленной перспективе* (выделено нами. – А. Б.) <...> и внимание Турции было сосредоточено на СССР»¹. Несколько иную точку зрения высказывают М. Онсой и Г. Баба. По их мнению, в рассматриваемое время главной угрозой для Турции являлась сначала Италия, а затем Германия. Они также отмечают, что одной из причин нейтралитета Турции было обострение ощущения угрозы, исходящей от России. М. Онсой и Г. Баба, однако, признают, что отрицательным образом это отражалось прежде всего на интересах самой Турции, поскольку «русофобия² правящей элиты страны служила рычагом в руках воюющих сторон до конца войны»³.

Остановимся на истоках турецкого нейтралитета, ставшего официальным курсом Анкары в период войны, и на том, как его обосновывают в турецкой историографии. А. Давут Хан и С. Бугра отмечают, что турецкий нейтралитет определялся тем фактом, что у политиков, принимающих решения, перед глазами был печальный опыт участия Турции в Первой мировой войне⁴. М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что нейтралитет был большим испытанием для турецкого правительства, поскольку права нейтралов в военное время (и особенно права малых держав) часто игнорировались⁵. Поэтому турецкая правящая элита использовала такие методы, как наведение мостов, принижение

¹ Ahmad F. Op. cit. P. 99.

² Под русофобией следует понимать инерцию исторического противостояния с Россией, унаследованную элитой Турецкой Республикой со времен Османской империи и, как оказалось, вполне применимую к новым условиям.

³ Onsoy M., Baba G. Op. cit. Pp. 131, 133.

⁴ Davut Han A. Selcuk Bugra. Reflections of the Second World War in Turkey's Foreign Policy // Vistula University – Warsaw, Poland. 2014. No. 1 (39). Pp. 138–139.

⁵ См.: Kasar Ya. Op. cit. Pp. 22–33.

стратегической ценности страны как военного союзника и политику балансирования. «Поддержание нейтралитета представляло собой гораздо большее, чем просто поддержание экономических и политических отношений как с осью, так и с союзниками, *это было вопросом жизни и смерти* (выделено нами. – А. Б.)»¹. С. Кара резюмирует позицию турецких исследователей следующим образом: «основным принципом турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было *избежать войны любой ценой* (выделено нами. – А. Б.)»².

В связи с этим исследователь Аслыхан Гюдек³ отмечает, что, сумев извлечь уроки из недавней истории, Турция использовала Анкарский договор, чтобы проводить политику в зависимости от хода событий⁴. Аналогичную оценку политики Турции в годы войны дает С. Сыракая, подчеркивая, что внешняя политика Турции в период войны была направлена на то, чтобы оставаться в стороне от военных действий и обеспечить политическую, национальную, экономическую независимость страны⁵.

Таким образом, Турция проводила политику «равновесия»: присоединялась к сильнейшей стороне, не прерывая отношений и с другой.

Тем не менее начало 1940 г., по выражению Ф. Ахмада, ознаменовалось «ужасной неопределенностью» советско-турецких отношений⁶ (см. выше). Подписание пакта Молотова – Риббентропа и отказ Турции подписать в Москве договор о взаимопомощи изолировали Турцию

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 132.

² *Kara S.* Op. cit.

³ Аслыхан Гюдек – сотрудник Эгейского университета (Измир).

⁴ *Гюдек А.* Указ. соч.

⁵ *Сыракая С.* 22 июня 1941 года в турецкой прессе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 6. С. 166.

⁶ *Feroz A.* Op. cit. P. 97.

от международной политики и усилили обеспокоенность страны относительно собственного статус-кво в Черном море¹. Ситуация не изменилось и позднее. По словам С. Кара, в середине 1941 г. Турция находилась практически в окружении: «Франция была выведена из войны, Балканы были оккупированы Германией, ее войска стояли на границе с Болгарией». В самой Турции после поражения Франции и перезагрузки советско-германских отношений «на дружеской платформе»² Анкарское соглашение подвергалось критике за поспешность в его заключении³.

Исходя из этого, в турецкой литературе подчеркивается, что анкарские лидеры не оставляли места для авантюризма. Учитывая, что основная цель заключалась в том, чтобы удержать Турцию от войны и сохранить ее территориальную целостность, турецкие руководители стремились превратить статус своего стратегически расположенного государства «в актив», извлекая экономическую выгоду из своего положения и избегая военного конфликта⁴.

Этому способствовала военно-техническая отсталость Турции. М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что «реалистичная оценка военного потенциала Турции была еще одним важным фактором, влияющим на турецкое руководство в его решимости не допустить Турцию в конфликт»⁵. Турция обладала самой большой армией в регионе, но она не была модернизирована. Большая часть военной техники страны устарела. До 1930-х гг. турецкое руководство от-

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 132.

² Имеются в виду переговоры Молотова – Риббентропа с участием А. Гитлера в ноябре 1940 г. в Берлине, где стороны попытались уменьшить груз накопившихся противоречий.

³ *Kara S.* Op. cit.

⁴ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. Pp. 123–124.

⁵ *Ibid.* Pp. 123–124.

давало приоритет экономическому развитию. Ускоренные темпы военной модернизации начались только в 1930-х годах с эскалацией международных конфликтов¹. Турция старалась принизить свое значение как военного союзника, однако оценка военного потенциала Турецкой Республики в годы Второй мировой войны находится за рамками настоящего исследования.

Техническая отсталость компенсировалась благоприятной для Турции военно-политической конъюнктурой начала 1940-х гг. М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что «нейтралитет Турции не был серьезной проблемой на ранних этапах войны. И страны оси, и союзники <...> чувствовали себя комфортно с нейтральной Турцией. Они рассматривали Турцию скорее как поставщика стратегических материалов <...> или как некую базу снабжения, чем как серьезного участника боевых действий»². Среди воюющих сторон Германия была самым горячим сторонником нейтралитета Турции. А. Гитлер не слишком интересовался делами Ближнего Востока, считая, что Восточное Средиземноморье является сферой влияния Бенито Муссолини³. С точки зрения Германии, нейтральная Турция была полезна для стабильности в восточном Средиземноморье и гарантией бесперебойных поставок сырья, включая хром. Это опровергает мнение, что целью Германии еще в начале Второй мировой войны было втянуть Турцию в конфликт⁴. Для Великобритании нейтралитет Турции был также необходим, поскольку последняя не могла оказать немедленную и существенную военную

¹ Ibid.

² *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 134.

³ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 26.

⁴ *Сыракая С.* Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны. С. 120

поддержку союзникам. Целью Лондона было уменьшить стратегические поставки Турции в Германию¹.

Таким образом, нейтралитет с самого начала войны являлся официальным курсом турецкого правительства. Основные события этого периода, по мнению исследователей, касались перспектив Анкарского соглашения, советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. и турецко-германского экономического сотрудничества.

Как отмечает У. Хейл, ключевой вопрос для Турции в период всей войны «составляла политика СССР и ее отношения с воюющими сторонами»². В начале войны в основе внешней политики Турции лежал англо-франко-турецкий договор, подписанный перед возвращением Ш. Сараджоглу 19 октября 1939 г. в Анкаре. Этот договор имел следующие положения:

1. Великобритания и Франция обязывались участвовать в войне на Средиземном море, Турция в этом случае должна была помогать Великобритании и Франции. До переноса военных действий в Средиземное море Турция сохраняла нейтралитет.

2. В случае нападения на Турцию одного из европейских государств Великобритания и Франция обязывались оказать военную поддержку Турции.

3. Турция должна была помогать Великобритании и Франции в выполнении обещаний, данных Румынии и Греции³.

4. Согласно протоколу № 2 Договора, выполнение Турцией своих обязательств не должно было привести к войне с Советским Союзом⁴.

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 134.

² *Hale W.* Op. cit. P. 83.

³ Как отмечалось выше, 13 апреля 1939 г. Англия и Франция дали гарантии безопасности Греции и Румынии.

⁴ *Козджаз У.* Указ. соч. С. 1–7.

Однако между ожиданиями подписантов Альянса имелись значительные расхождения. Со стороны Турции Альянс был не чем иным, как простой попыткой уменьшить уязвимость страны, положив конец изоляции. Такую оценку договору дают турецкие историки¹. Уже отмечалось, что с точки зрения Д. Барлас и Ш. Йылмаз для турок это был «страховой полис на случай острой нужды в защите, тогда как для британцев он был средством эффективных действий на Балканах и Ближнем Востоке»². К тому же турки не были уверены в прочности обещаний союзников. Рассматривая итоги совещания в Алеппо³, О. Ишчи приводит слова президента Турции И. Инёню, отмечавшего, что «британцы были готовы обсуждать только гипотезы»⁴. Судя по всему, это сыграло не последнюю роль в том, что уже до поражения Франции в июне 1940 г. Турция предпочитала не столько следовать положениям Анкарского соглашения, сколько маневрировать между державами оси и антигитлеровской коалицией⁵. С. Кара пишет в связи с этим, что внешняя политика Турции в начале войны состояла в том, чтобы убедить Великобританию, что они поддерживают их праведное дело, хотя и не вступают в войну, но служат их интересам. Тот же метод убеждений применялся в отношении Германии и СССР. Таким образом, не вступая

¹ См.: *Barlas D., Yılmaz Ş.* Op. cit. P. 14.

² Ibid. P. 14.

³ С 15 по 20 марта 1940 г. в Алеппо проходили англо-франко-турецкие штабные переговоры. Повестка дня конференции предполагала рассмотрение планов укрепления Фракии. Турция поставила вопрос об англо-франко-турецком оперативном сотрудничестве, в частности о Додеканезской операции на случай вступления в войну Италии. Англичане отказались обсуждать вопросы, выходящие за рамки повестки дня.

По настоянию турецкой стороны вопрос был все-таки поставлен на обсуждение, но союзники отделались уклончивым решением о необходимости его дальнейшего изучения (см. *Бабинцев В. А.* Указ. соч. С. 6).

⁴ *İsci O.* Op. cit. P. 101.

⁵ *Kara S.* Op. cit.

в войну, турки последовательно проводили политику «баланса» между Великобританией, Германией и Советским Союзом¹. Так, например, в связи с переворотом в Ираке, совершенным Рашидом Али аль-Гайлани² в апреле 1941 г., Германия намеревалась направить ему военную помощь через территорию Турции, но Турция отказалась³. В июне–июле 1941 г. турецкие власти также не разрешили марионеточному французскому правительству в Виши перевозить солдат и оружие сирийцам. При этом Турция отказала также в транзите через свою территорию английского оружия⁴.

На причинах отказа Турции от подписанного недавно ею же Анкарского соглашения следует остановиться подробнее, поскольку это решение являлось составной частью турецкого нейтралитета. М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что к концу 1930-х гг. «атмосфера, которая привела к тесному сотрудничеству Турции с союзниками с начала войны, постепенно исчезла». Анкара была встревожена угрозой со стороны оси, которая приближалась к границам Турции из-за нападения Италии на Грецию и заключения Румынией в ноябре 1939 г. договора о союзе с Германией⁵. Кроме того, Анкара понимала, что США, Великобритания и Франция не

¹ Ibid.

² Рашид Али аль-Гайлани (1892–1965) – иракский политический деятель. Трижды занимал пост премьер-министра Ирака. Будучи сторонником нацистской Германии, проводил прогерманскую националистическую политику в противовес Великобритании.

³ *Papuççular H. Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947) // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 07 December 2017. P. 5.*

Хазал Папучулла (Университет Bogazici, Стамбул) отмечает: «чтобы получить транзитные права, они (немцы. – А. Б.) обсуждали вопрос о представлении туркам нескольких островов Эгейского моря вместе с пересмотром болгарской границы» (Ibid.).

⁴ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Relations between Turkey and the USSR at the Beginning of the Great Patriotic War // Journal of Slavic Military Studies. 2017. V. 30. Issue 3. P. 419.*

⁵ 23 ноября 1940 г. Румыния присоединилась к Пакту трех держав – Германии, Италии и Японии. Вместе с румынами к странам оси присоединились Венгрия, Словакия и Болгария.

могли заменить Германию в качестве торговых партнеров. Поток военной помощи со стороны союзников на основе договора о взаимопомощи был далек от удовлетворительного¹. После окончательного поражения Франции невмешательство Турции в войну сделалось более очевидным; единственным поводом для вступления в войну для Анкары было вторжение в проливы. По мнению С. Кара, поскольку договор был обновлен (стал только англо-турецким. – А. Б.), Турция могла не опасаться давления с целью вовлечения в войну². Данное утверждение исходит из того, что отныне у Великобритании исчезла правовая возможность давления на Турцию. Как мы увидим в дальнейшем, расчеты Анкары оказались ошибочными.

Уже отмечалось, что поражение Франции стало для Анкары вторым шоком после подписания договора о ненападении между СССР и Германией. В Турции даже начали высказываться за союз с Германией против СССР³. После падения Франции баланс сил в Средиземном море исчез, поскольку Италия отказалась от своего нейтралитета в пользу оси⁴. Как отмечают М. Онсой и Г. Баба, договор о взаимопомощи, когда-то являвшийся «спасением», теперь становился проблемой номер один, вынуждая Турцию вступить в войну против Италии, так как Великобритания после отказа Италии от нейтралитета сочла, что Турция «достаточно созрела» для того, чтобы выполнить свои обязательства, вытекающие из Трехстороннего альянса⁵.

Турцию беспокоила также реакция Советского Союза. В то же время «советские оговорки» протокола № 2,

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 136.

² *Kara S.* Op. cit

³ *Hale W.* Op. cit. P. 82.

⁴ 10 июля 1940 г. Италия объявила войну Франции и Великобритании. Вступление Италии в войну и оккупация Германией Румынии (7 октября 1940 г.) создавали прецедент для вступления Турции в войну.

⁵ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. Pp. 135–136.

приложенного к Анкарскому соглашению и исключаяющие антисоветскую направленность, облегчили Анкаре выход из ставшего обременительным договора¹. В результате Турция заявила, что «альянс больше недействителен из-за неспособности Франции выполнять свои обязательства»². Это не означало формального выхода из договора. Однако, согласно утверждению М. Онсоя и Г. Баба, уже в марте 1940 г. премьер-министр Турции Р. Сайдам из-за слухов о вступлении Италии в войну и вторжения Советского Союза в Бессарабию³ объявил о нейтралитете Турции, заявив, что цель внешней политики Анкары – «удержать Турцию от войны»⁴. 26 июня 1940 г. Турция подтвердила свое неучастие в войне, применив протокол № 2. То есть, как отмечает У. Хейл, «Турция отказалась от своего обязательства, ссылаясь на протокол, освобождающий ее от вступления в войну против СССР (Италия являлась союзником Германии, на тот момент союзника СССР. – А. Б.)»⁵. По словам известного историка Селима Дерингиля⁶, «это было время, когда британцы осознали, что Турцию не будет заботить ничего, кроме ее собственных интересов»⁷. Последнее, как следует из турецких публикаций, не должно было стать

¹ Kara S. Op. cit.

² Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 135.

³ Согласно договору Молотова – Риббентропа, Третий Рейх уступал Бессарабию в «сферу влияния» Советского Союза. 28 июня 1940 г. Красная армия вошла на территорию Бессарабии и Северной Буковины, которые перешли под контроль СССР.

⁴ Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 135.

⁵ Hale W. Op. cit. P. 82.

⁶ Селим Дерингиль (родился в Канаде в 1951 г.) – турецкий академик, профессор истории Университета Boğaziçi и Ливанского американского университета (г. Бейрут).

⁷ Deringil S. Turkish Foreign Policy During the Second World War: “active” Neutrality. Cambridge: Cambridge University Press. P. 106. (цит. по: Önsöy M., Baba G. Op. cit. Pp. 135–136).

новостью для британской дипломатии¹. У. Козджаз отмечает, что уже после заключения Анкарского соглашения представитель Турции в Лиге Наций Неджемеддин Садак в газете «Акшам» («Вечер») писал, что, несмотря на данные Великобритании и Франции гарантии, Турция в войне на Балканах будет придерживаться собственных интересов².

Что касается экономической составляющей турецкого суверенитета, то в турецкой историографии отмечается, что турецко-германское экономическое сотрудничество носило объективный характер, так как Великобритания и Франция не могли заменить Германию в качестве торговых партнеров. Обращается внимание на то, что это сотрудничество было ограничено, поскольку Турция была заинтересована в развитии торговли с Германией, в то время как Германия была заинтересована только в импорте стратегически важной хромовой руды³. Т. Атаов подчеркивал, что Берлин демонстрировал признаки того, что Германия все меньше и меньше довольна Турцией. «Департамент экономической политики МИД Германии занялся вопросом, как можно противостоять политическому курсу Турции (ориентации на страны антигитлеровской коалиции. – А. Б.) в экономической области, исходя из принципа, что экономические отношения Германии с Турцией должны быть ограничены тем, что было абсолютно необходимо»⁴.

Последнее не удалось, поскольку Германия не смогла найти адекватной замены турецкому сырьевому экспорту. «Хромовая руда была абсолютно необходима для производства стали для вооружения. Потеря импорта сырья из Турции нанесла бы серьезный удар по экономике Германии

¹ См. дискуссии о позиции турецкой прессы на начальном этапе Второй мировой войны (гл. 1.1).

² Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

³ Aтаöv Т. Op. cit. P. 39.

⁴ Ibid.

<...> С другой стороны, Германия вместе с аннексированными территориями была самым важным рынком Турции, где она могла продавать 50% своего экспорта <...> Великобритания и Франция могли бы создать для Турции равновесие посредством кредитов и займов только на время без реальной и долгосрочной замены. Поэтому Турция была очень заинтересована в сохранении и развитии торговли с Германией»¹.

Ввиду этих обстоятельств Турция инициировала стратегию сближения со странами оси, которую турецкий исследователь Халук Озден назвал «стратегией физического выживания»². Это привело к заключению второго германо-турецкого торгового соглашения в июле 1940 г. (первым торговым договором между нацистской Германией и Турецкой Республикой было германо-турецкое торговое соглашение 25 июля 1938 г. – *А. Б.*)³ Договор исключал официальную продажу хрома Германии и транспортировку оружия через турецкую территорию, но предусматривал обмен товарами. В соответствии с этим договором Германия за поставки стратегического сырья должна была поставить в Турцию оборудование, запасные части и подвижной состав в обмен

¹ Ibid. P. 40.

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 136.*

³ Весной 1940 г. германские войска оккупировали Данию и Норвегию и начали стремительное наступление на западном фронте. Успехи вермахта заставили турецкое руководство занять более лояльную позицию по отношению к Германии. Итогом стал торговый договор, подписанный 18 июля 1940 г. Соглашение было рассчитано на один год и предусматривало товарообмен между странами на клиринговой (безналичной) основе на общую сумму 21 млн турецких лир. 27 июля 1940 г. левая газета «Тан» писала по этому поводу: «Мы не могли допустить полного прекращения нашей торговли с государством, являющимся хозяином Европы. В конце концов мы нужны Германии, Германия нужна нам» (см. *Постников А. Г. Дипломатические аспекты германо-британского противоборства на Балканах и в Турции в 1940–1941 гг. Цели, методы, результаты* // *Вестник ННГУ. 2018. № 1. С. 26.*)

В дальнейшем германо-турецкий договор был расширен заключением в октябре 1941 г. т.н. «соглашения Кюдяя», предусматривавшего обмен турецкого сырья на немецкие военные материалы.

на турецкий табак, оливковое масло, сухофрукты, овес, опиум, шкуры и хлопок¹.

В турецкой историографии, впрочем, отрицается экономическая зависимость как одна из причин последующего прогерманского «разворота». Так, например, Ф. Ахмад утверждает, что И. Инёню пытался ослабить экономическую зависимость Турции от Германии².

Заключительным этапом в формировании основ турецкого нейтралитета стали переговоры о статусе Босфора и Дарданелл и судьбе КМ-36 между СССР и Германией в ноябре 1940 г., которые привели к заключению советско-турецкой декларации и германо-турецкого договора в марте и июне 1941 г. Так, А. Кылыч пишет, что «правительство Германии и фон Папен опасались, что, пользуясь конвенцией Монтрё, Анкарский альянс может разрешить свободный проход британских кораблей в Черное море в случае советской-германской войны»³. Мерал Балджи и Атакан Бююкдаг⁴ также отмечают, что до 1939 г. Германия настойчиво добивалась изменений в конвенции 1936 г., опасаясь, что в случае возможной войны советский Черноморский флот поддержит операции французского флота в Средиземном море (при этом сама Германия не являлась даже участником КМ-36. – А. Б.). В соответствии с параграфами Приложения 1 вспомогательные военные корабли относились к категории малых и легких военных кораблей⁵. «Отнесение советских вспомогательных судов, которые

¹ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 136.

² *Ahmad. F.* Op. cit. P. 74.

³ *Kılıç A.* Op. cit. P. 76–77.

⁴ Мерал Балджи – доцент факультета политических наук и международных отношений Университета Магмага (Стамбул); Атакан Бююкдаг – писатель-историк.

⁵ КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов. Приложение I. (Ст.) 3–4, 6. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247?section=text> (дата обращения: 08.05.2020).

могли переправлять войска или военные материалы через проливы, к этой категории рассматривалось как серьезная угроза для Германии»¹.

Что касается Советского Союза, то турецкие исследователи считают, что со своей стороны он активно готовился к решению вопроса о черноморских проливах в свою пользу. М. Ульгюль отмечает, что в годы войны советские лидеры установили диалог по этому вопросу почти со всеми противоборствующими сторонами. Так, во время встречи с послом Италии в СССР Аугусто Россо В. М. Молотов отметил, что Советский Союз готов признать гегемонию Италии на Средиземном море, если Италия в свою очередь признает советское господство на Черном море².

Как можно заключить, турецкие авторы полагают, что тем самым формировалась база для будущих советско-германских переговоров о судьбе КМ-36. Так, Т. Атаов пишет: «4 ноября 1940 года Риббентроп сказал Папену и Чиано³, что Германия намеревалась сначала договориться с Россией по вопросу о проливах, а затем оказать давление на Турцию, чтобы обострить ее отношения с Англией <...> В директиве ОКВ⁴ № 18 от 12 ноября 1940 г.⁵ Гитлер предложил “использовать армейскую группу примерно из десяти

¹ Balcı M., Büyükdag A. Montrö boğazlar Sözleşmesi ve Almanya // Kongresi Uluslararası İlişkiler ve Yeni Dünya Düzeni. VI. Uluslararası Mavi Karadeniz. Marmara Üniversitesi Yayinevi Üniversite Yayın No: 858. 27–28 eylül 2018. S. 443–445.

² Ulgul M. Op. cit. P. 26.

³ Граф Джан Галеаццо Чиано (1903–1944) – итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини, в 1936–1943 гг. министр иностранных дел Италии.

⁴ ОКВ – верховное главнокомандование вооруженными силами нацистской Германии.

⁵ Директива ОКВ от 12 ноября 1940 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163474-direktiva-okv-18-ot-12-noyabrya-1940-g#mode/grid/page/1/zoom/4> (дата обращения: 08.05.2022).

дивизий, <...> чтобы иметь возможность держать Турцию под контролем»¹.

Переговоры состоялись в Берлине 12 и 13 ноября 1940 г. К 1940 г. в советско-турецких отношениях, несмотря на сохраняющиеся потенциальные возможности для сближения, наступил период охлаждения. Ситуацией решила воспользоваться Германия, прекрасно осведомленная о нарастании советско-турецких противоречий. Со второй половины 1930-х гг. Берлин энергично укреплял свое присутствие в Турции. Как отмечал А. Кылыч, немцы «поняли» недовольство СССР конвенцией Монтрё². Неудача московских переговоров между СССР и Турцией подвигла германскую дипломатию на проведение в отношении СССР «проливной» комбинации³. Формально на встрече не предполагалось поднимать вопросы о ревизии КМ-36. Советская делегация намеревалась рассмотреть накопившиеся между СССР и Германией противоречия в европейских и балканских делах.

Тем не менее вопрос о КМ-36 и проливах возник в ходе советско-германских переговоров⁴. Германская сторона предложила В. М. Молотову заключить за спиною Турции соглашение об изменении в пользу СССР режима черноморских проливов. Помимо этого А. Гитлер предлагал СССР присоединиться к Тройственному Пакту и принять участие в разделе британских владений. По версии А. Кылыча, во время переговоров В. М. Молотов запросил не только базы в проливах, но и потребовал Карс и Ардаган, однако эти

¹ *Ataöv T.* Op. cit. P. 82.

² *Kılıç A.* Op. cit. P. 86–87.

³ *Болдырев. А. В.* Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // Вторая мировая война и Восток. Коллективная монография / Отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова М.: ИВ РАН, 2019. С. 204–206.

⁴ См. подробнее: *Болдырев. А. В.* Советско-турецкие отношения в 1940 г. С. 206–217.

требования были уже чрезмерны для А. Гитлера¹. В той или иной степени этой версии придерживаются и другие турецкие историки². Мнения, что на переговорах 12–13 ноября 1940 г. проливы были предметом переговоров между СССР и Германией, придерживаются также британские исследователи Н. Тамкин, У. Хейл³. Американский исследователь Б. Р. Кунихолм также утверждает, что «в ноябре 1940 года Молотов, ведя переговоры с немцами, добивался контроля над проливами»⁴. Как отмечает Н. Тамкин, И. В. Сталин стремился к быстрому изменению режима проливов путем заключения пакта с Болгарией и приобретения военных баз «в пределах досягаемости Босфора и Дарданелл», а также сферы влияния, распространяющейся на Балканы и Черное море, а также к югу от Батума и Баку⁵. Согласно этому плану Германия и Италия должны были помочь Советскому Союзу заставить Турцию принять новые договоренности. Данные утверждения не соответствуют действительности, так как на основании протоколов встречи, а переговоры протоколировала германская сторона, следует, что пересмотр КМ-36 не являлся ключевым в позиции советской делегации по вопросу о проливах⁶. Более сдержанной позиции придерживается профессор Шабан Чалыш⁷, который лишь отмечает, что на берлинских переговорах «советы» ясно дали понять, что их территориальные устремления сосредоточены на замене конвенции Монтрё о проливах другой

¹ *Kılıç A.* Op. cit. P. 83, 86–87.

² *Ataöv T.* Op. cit. P. 50.; *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 54; *Feroz A.* Op. cit. P. 133.

³ *Tamkin N.* Op. cit. P. 25; *Hale W.* Op. cit. P. 83.

⁴ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 69.

⁵ *Tamkin N.* Op. cit. P. 25.

⁶ Подробнее см.: Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. С. 209–216.

⁷ Шабан Чалыш – профессор Университета Сельджук (Конья).

конвенцией¹. Основываясь на документах (см. в сносках), можно с уверенностью сказать, что обеспечить свои интересы в вопросе о проливах СССР намеревался путем заключения союзного пакта с Болгарией. Данный пакт позволял советским войскам в случае необходимости быстро выйти к Босфору и гарантировал интересы СССР в проливах без пересмотра Конвенции 1936 г.²

Это отмечает и М. Ульгюль. Как указывает исследователь, в турецких источниках встреча В. М. Молотова – И. Риббентропа рассматривается как ключевое событие, вызвавшее опасения Турции по поводу советских намерений. Однако он подчеркивает, что в ходе этих переговоров советский нарком руководствовался в большей степени «страхом за Балканы», чем традиционными стремлениями в отношении проливов. «<...> Записи разговора показывают, что главной заботой Советского Союза в начале 1940-х годов была ситуация на Балканах и возможный переход региона в сферу влияния Германии. В ходе встречи Молотов упорно связывал вопросы о проливах с вопросом о российских гарантиях Болгарии»² (т.е. переходом Болгарии в советскую зону влияния. – А. Б.). Б. М. Поцхверия отмечал, что в ходе переговоров «Молотов, в сущности, не высказал ничего по германскому проекту»³.

14 ноября 1940 г. советская делегация покинула Берлин. Н. Тамкин справедливо подчеркивает, что кроме «бумажного соглашения» для формального давления на Турцию, Гитлер не намеревался предоставлять СССР какие-либо

¹ *Çalış Ş.* Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // *Central Asian Survey*. 1997. № 16 (1). P. 104.

² *Болдырев А. В.* Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // *Вторая мировая война и Восток*. С. 216.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 26.

³ *Поцхверия Б. М.* Указ. соч. С. 357.

гарантии в проливах¹. Это вполне понимали и в Москве. 17 ноября 1940 г. В. М. Молотов информировал о германских предложениях И. М. Майского², высказав сомнения в искренности германской стороны. При этом Молотов подчеркнул, что «немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам *хотят смазать губы обещанием пересмотра Конвенции в Монтрё в нашу пользу* (выделено нами. – А. Б.) <...> Мы не дали на это согласие, так как считаем, что Турция должна остаться независимой, и, во-вторых, режим Проливов может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, *но не за ее спиной*» (выделено нами. – А. Б.)³. В этот же день советский посол СССР в Лондоне И. И. Майский довел до сведения У. Черчилля, что Советский Союз не будет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Среднем Востоке⁴. Несомненно, это было сделано по прямому указанию В. М. Молотова.

В дальнейшем линия советской дипломатии была изменена. 25 ноября 1940 г. в официальной беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом В. М. Молотов изложил ему позицию СССР относительно сделанных в Берлине предложений. Советская сторона не только согласилась примкнуть к Тройственному пакту, но даже расширила его базу. При этом осторожная линия в отношении Турции сменилась на весьма жесткую риторику. Б. Р. Кунихолм отмечал в связи с этим: «25 ноября 1940 г. Молотов передал послу Германии в Москве графу Вернеру фон дер Шуленбургу предложенную поправку к проекту протокола о предлагаемом Пакте

¹ Tamkin N. Op. cit. P. 25.

² Иван Михайлович Майский (наст. имя Ян Ляховецкий, 1884–1975) – советский дипломат, историк и публицист. Полномочный представитель (полпред) СССР в Финляндии (1929–1932), полпред (затем Чрезвычайный и Полномочный Посол) СССР в Великобритании (1932–1943).

³ СССР и Турция. 1917–1979 гг. М.: Наука, 1981. С. 165.

⁴ Рыбас С. Громыко. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 86. (ЖЗЛ).

четырёх держав, изложенную фон Риббентропом в начале месяца. Советское принятие пакта было обусловлено рядом условий, которые включали: “создание базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в пределах Босфора и Дарданелл путем долгосрочной аренды”». Как и А. Кылыч, американский исследователь склонен рассматривать неудачу советских притязаний протурецкой позицией Берлина¹. Думается, что оценивая последствия своих шагов для советско-турецких отношений, руководство СССР исходило, прежде всего, из того, что возможность сближения с Германией произведет должное впечатление на Турцию. Конечной целью для СССР было добиться от Турции согласия на создание военно-морской базы в турецком порту Зонгулдак, который находился в шаговой доступности от Босфора. Иными словами, в отношении Турции советское руководство намеревалось ограничиться постановкой вопроса о совместной обороне проливов, идея которой уже не раз выдвигалась самой Турцией. Согласие же Германии на советские предложения должно было показать туркам, что в случае необходимости можно будет обойтись и без них. Это не означало, что СССР был намерен игнорировать интересы Турции на ее же собственной территории (решать этот вопрос Советский Союз намеревался на базе двусторонних переговоров с турецким правительством), но советское сближение с Германией должно было сделать турецкую сторону сговорчивей. Отсутствие в документах о советско-германских переговорах по болгарскому вопросу в конце 1940 – начале 1941 г.² каких-либо упоминаний о Турции еще раз подтверждает тот факт, что вопрос о проливах СССР связывал не с Турцией и пересмотром конвенции Монтрё, а с Болгарией – государством, географически

¹ Kuniholm B. R. Op. cit. Pp. 24–25.

² Это было связано со стремлением СССР помешать оккупации Германией территории Болгарии.

близким к проливам, и страной с широко распространенными русофильскими настроениями¹. Не исключено при этом, что Советский Союз рассматривал вариант создания военно-морской базы в болгарской Варне.

По мнению многих турецких историков, берлинские переговоры нанесли серьезный ущерб советско-турецким отношениям. П. Бильгин и К. Джош отмечают, что подержание идентичности СССР как «искреннего друга» требовало от турецких политиков все большей и большей «интерпретационной работы». «Переломный момент <...> наступил, когда тайные переговоры между Гитлером и Молотовым были раскрыты после нападения Германии на СССР в 1941 году. Выяснилось, что во время этих переговоров Гитлер предложил Молотову заменить Конвенцию Монтрё другой, более благоприятной для СССР. <...> Хотя СССР быстро подтвердил свою лояльность Конвенции Монтрё², раскрытие этих секретных переговоров, тем не менее, нанесло ущерб отношениям между Турцией и СССР, что сделало сохранение идентичности “искренней дружбы” еще более трудной»³. По словам А. Кылыча, если «первый намек на изменение отношения Советского Союза к Турции проявился тогда, когда русские проявили нежелание подписать новый Договор о дружбе с Сараджоглу в 1939 году», то «позже, секретные переговоры относительно Турции между Молотовым и Гитлером и Риббентропом послужили

¹ Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. С. 228–231.

Неприемлемым для СССР было и присоединение к Тройственному пакту самой Турции, с гарантиями со стороны Германии, Италии, СССР ее независимости и территориальной целостности страны, поскольку это означало контроль держав оси над территорией страны.

² 25 марта 1941 г. была подписана советско-турецкая декларация о взаимном нейтралитете в случае войны.

После нападения Германии на Советский Союз декларация была подтверждена англо-советской гарантией существующего режима Черноморских проливов и территориальной целостности Турции (10 августа 1941 г.).

³ *Bilgin P., Cos K. Op. cit. P. 54.*

обострению традиционного подозрения турок относительно России»¹.

Он отмечал, что А. Гитлер пытался использовать «требования Молотова» в отношении проливов, чтобы показать Турции «благие намерения» Германии². Как отмечает Ф. Ахмад, информация о переговорах была доведена до турецкого посла в Берлине Хюсрева Гёреде 17 марта 1941 г. «Гитлер (в разговоре с Х. Гёреде. – А. Б.) сослался на разговоры во время визита Молотова в Берлин в 1940 году, когда Германия пыталась втянуть Россию в союз с державами Оси против Англии. Молотов (по словам А. Гитлера. – А. Б.) тут же поднял вопрос о Дарданеллах, который предусматривал размещение русских гарнизонов в Болгарии вблизи Проливов. <...> Гитлер сказал Гёреде, что он отклонил предложение Молотова. <...> Гитлер также намекнул, что Турция “действительно не заинтересована в том, чтобы Германия проиграла войну”, поскольку видела, что Германия была “самым сильным сдерживающим фактором в отношении крупнейшего соседа Турции на севере” <...> Турецкий посол, который был явно удовлетворен, поблагодарил фюрера за его слова»³. Ф. Ахмад отмечает также, что во время встреч главы турецкого МИД Ш. Сараджоглу и германского посла Ф. фон Папена (апрель–май 1941) «Сараджоглу заверил его, что после того, как Сталин возобновил царскую политику в отношении Балкан и Проливов, Турция вновь вынуждена считать Россию своим непримиримым и величайшим врагом»⁴.

Турецкие исследователи, впрочем, прекрасно понимают причину «благих» намерений А. Гитлера. Как отмеча-

¹ Kılıc A. Op. cit. P. 116.

Полностью турецкие пресса и общественность узнали о советско-турецких переговорах лишь после нападения Германии на Советский Союз (см. Гл. 2. 1).

² Kılıc A. Op. cit. Pp. 87–88.

³ Feroz A. Op. cit. P. 133.

⁴ Ibid. P. 139.

ет Ф. Ахмад, А. Гитлер «проявил позитивное отношение к интересам Турции не по каким-либо сентиментальным причинам, <...> скорее он действовал из чувства, что это будет против собственных интересов Германии, если что-то случится с Турцией. Германии было бы невыгодно наблюдать, как какая-либо другая держава обосновывается на Балканах и в Дарданеллах»¹. Кроме того, после «мирной» оккупации Румынии и Болгарии Германия старалась не обострять отношений с Анкарой, предотвратив возможное советско-турецкое сближение. М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что «в этот момент немцы сформулировали новое отношение к Турции, превратившись в ярых сторонников нейтралитета страны, что было связано с ухудшением германо-советских отношений». Так, И. Инёню в начале марта 1941 г. «почувствовал облегчение», получив от А. Гитлера письмо, в котором указывалось, что Германия уважает нейтралитет Турции². Профессор Мехмет Нур Алтынорс, также исследовавший этот вопрос, пишет, что в письме А. Гитлера от 1 марта 1941 г. подчеркивалось, что меры, принятые Германией, не представляют угрозы территориальной целостности или политической структуре Турции. А. Гитлер упомянул о своем желании дальнейшего сотрудничества между Турцией и Германией, выразив уверенность в том, что для противостояния двух стран нет причин. По сути, он пригрозил Анкаре, подчеркнув, «что турецкое правительство не должно предпринимать никаких действий, *требующих изменения отношения Германии* (выделено нами. – А. Б.)» И. Инёню ответил Гитлеру, отправив ему письмо 12 марта 1941 г. А. Гитлер отправил второе

¹ Ibid. P. 133.

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 133.*

Турции гарантировалась неприкосновенность турецких границ и обещание не перебрасывать немецкие войска ближе, чем на 30 км от болгарско-турецкой границы.

письмо, где предложил пакт о ненападении между двумя странами. В результате 18 июня 1941 г. министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу и посол Германии Ф. фон Папен подписали турецко-германский договор о дружбе и ненападении¹.

И англо-американские, и турецкие историки считают, что берлинские переговоры стали причиной того, что накануне войны СССР с Германией советско-турецкие отношения окончательно испортились. Так, Н. Тамкин утверждает, что благодаря тому, что «Гитлер рассказал туркам о советских требованиях к базам в марте 1941 года»², он заключил договор о дружбе с Турцией и заложил основу для вторжения в Советский Союз³. Б. Р. Кунихолм также отмечает, что «воздействие этой информации на турок было огромным и стало одной из главных причин их готовности подписать договор с Германией за четыре дня до нападения (на Советский Союз. – А. Б.)»⁴. Что касается турецких историков, то многие из них уверены, что благодаря «дружбе» с Германией Турция была спасена от опасности разделить судьбу Польши⁵.

Представляется, что оценивать последствия ноябрьских переговоров 1940 г. для советско-турецких отношений не стоит столь пессимистично. Планы Германии реализовались не полностью. При возрастающем недоверии друг к другу СССР и Турции удалось не сорваться на уровень взаимных обвинений, и в этом отношении «берлинская»

¹ Nur Altınörs M. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. 2017. Vol. 2. № 4. P. 2.

² По мнению О. Ишчи, это произошло значительно позднее – в августе 1941 г. (см. Isçi O. Op. cit. P. 151).

³ Tamkin N. Op. cit. P. 26.

⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 27.

⁵ Турция и Вторая Мировая война. Ч. 1–3. (Сайт турецкого языкового центра). URL: <http://www.turkishfirst.ru/stories/turtsiya-vtoraya-mirovaya-voyna-1.html> (дата обращения: 03.11.2020).

провокация германской дипломатии провалилась. Это подтверждается и на материалах турецких публикаций. Так, тот же А. Кылыч отмечал, что, несмотря на германские происки, Турция «без колебаний» выпустила совместную декларацию с СССР 25 марта 1941 г., в которой Советский Союз гарантировал Турции нейтралитет в случае нападения на нее третьей державы¹. Более подробно текст декларации изложен в монографии Т. Атаова. «Чтобы избежать позиции между Сциллой и Харибдой (СССР и Германией. – А. Б.), – пишет Т. Атаов, – Турция требовала обещания полного советского нейтралитета в случае нападения на Турцию. 24 марта 1941 года (декларация была заключена не 24, а 25 марта 1941 г. – А. Б.) в Москве и Анкаре было выпущено соответствующее коммюнике. В нем говорилось, что в связи с распространением в зарубежной прессе слухов о том, что Турция должна быть вовлечена в войну, СССР не будет стремиться воспользоваться трудностями Турции, чтобы напасть на нее, и в ответ на ряд запросов советское правительство сообщило турецкому правительству, что <...> если бы Турция действительно подверглась нападению и была вынуждена защищать свою территорию, она может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР на основе соглашения о ненападении, заключенного между Турцией и СССР (Парижский договор о дружбе и нейтралитете 17 декабря 1925 г. – А. Б.)»². Декларация, однако, не избавила И. Инёню и правительство Турции от подозрений относительно планов Советского Союза³. Учитывая предвоенные метания сторон, следует признать обоснованность такого рода опасений. В то же время, давая гарантии Турции, Советский Союз действовал в логике своих интересов. В канун надвигающегося конфликта он

¹ Kılıç A. Op. cit. Pp. 87–88.

² Ataöv T. Op. cit. P. 90.

³ Hale W. Op. cit. P. 86.

«замораживал» проблему проливов, оставляя их под контролем Турции. Это отмечают и турецкие историки (см. далее).

В турецкой литературе также имеется мнение, что в рассматриваемый период Турция опасалась не столько военной опасности со стороны Советского Союза, сколько непосредственно германской угрозы, угрозы советско-германского столкновения и в то же время соглашения СССР и Германии за своей спиной. М. Онсой и Г. Баба отмечают обеспокоенность Турции возможными результатами германо-советского пакта 1939 г. По их словам, турецкая правящая элита сомневалась в том, будет ли Германия «сопротивляться» «приобретению <...> провинций турецкой Армении Советами (Карса и Ардагана¹. — А. Б.)»². Несмотря на сближение Турции с Германией, оккупация значительной части Балкан и присутствие немецких войск в Болгарии создавали небезопасную обстановку для Анкары³. Опираясь на неопубликованные германские дипломатические документы, российские исследователи отмечают, что молниеносный разгром Югославии и Греции вызвал панические настроения. Многие дипломаты и военные были «почти уверены, что следующим объектом германской агрессии станет Турецкая Республика»⁴.

По мнению С. Кара, положение Турции после подписания германо-турецкого договора о дружбе и ненападении

¹ 16 марта 1921 г. Советская Россия и кемалистская Турция подписали в Кремле Договор о дружбе и братстве. Согласно его условиям, бывшие территории Российской империи Карс, Ардаган и Сурмалинский уезд с горой Арарат отходили туркам.

² По словам М. Онсоя и Г. Баба, не исключалось даже, что Германия «полностью» уступит «русским <...> Дарданеллы» (см. *Onsoy M., Baba G. Op. cit. P. 133*).

³ *Onsoy M., Baba G. Op. cit. P. 133*.

⁴ *Постников А. Г., Рыжакова Е. В.* Документы германской дипломатии о политике Третьего Рейха в отношении Турции (весна 1941 г.) // Вестник ННГУ.

(18 июня 1941 г.) улучшилось, совпав по времени с нападением Германии на Советский Союз, поскольку опасность совместного советско-германского давления была устранена¹. Как уже отмечалось, турецкие исследователи подчеркивают: Турция выиграла не только потому, что осталась вне советско-германской войны, но и потому, что избежала раздела по польскому варианту.

Таким образом, рассматривая сам турецко-германский договор от 18 июня 1941 г.,² турецкие историки обращают внимание на его объективные причины – зависимость положения Турции от Германии после оккупации ею Болгарии и Греции и от Советского Союза³. В этом их мнение совпадает с точкой зрения западных и российских исследователей. Как отмечают А. Г. Постников и Е. В. Рыжакова, германское предложение об углублении германо-турецких отношений посредством заключения политического соглашения турки встретили с большой радостью и облегчением⁴. Б. Р. Кунихолм рассматривает соглашение между Турцией и Германией как результат германского давления на Анкару⁵. Еще в 1940 г. немецкий генеральный штаб разработал план «Гертруда», который предполагал захват Турции. Окончательный его вариант предусматривал наступление танковых дивизий со стороны Болгарии на Стамбул. По мнению российского исследователя И. В. Смольняка, об этом стало известно в Анкаре, чем можно объяснить согласие турецкой стороны на предложение начать переговоры с Германией,

2019. № 4. С. 65.

¹ Kara S. Op. cit.

² См.: Германо-турецкий договор 1941 года, 18 июня // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/3622> (дата обращения: 19.06.2020).

³ Гюдек А. Указ. соч.

⁴ Постников А. Г., Рыжакова Е. В. Указ. соч. С. 66.

⁵ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 26.

которое было сделано Ф. фон Папеном в начале мая 1941 г.¹

Согласно утверждению Ф. Ахмада, именно благодаря страху Турции перед Советским Союзом, разжигаемому Германией (и перед самой Германией. – А. Б.), германскому послу Францу фон Папену удалось в апреле–мае 1941 г. (в ходе встреч с Шюкрю Сараджоглу. – А. Б.) «мастерски» направить «турецкую дипломатию в прогерманский нейтралитет». Ссылаясь на мнение Т. Атаова, он подчеркивает, что, стараясь вбить клин между «турками» и «советами», немцы «держали турок в постоянном страхе перед русскими»². В результате Германия получила гарантию для своего «южного фланга», начав через четыре дня войну против СССР. Как в британских, так и в турецких исследованиях отмечается, что сближение между Турцией и Германией «принесло свои плоды». Турции добилась главного, закрепив свой нейтралитет в канун советско-германского противостояния. Подписав 18 июня 1941 г. германо-турецкий договор о дружбе, стороны обещали не предпринимать никаких агрессивных действий, прямо или косвенно, друг против друга³. По настоянию Турции были подтверждены турецкие обязательства относительно Анкарского соглашения и протокола № 2⁴.

Следует при этом отметить, что Турция не была просящей стороной, как можно сделать вывод из публикаций британских и части турецких историков. Опираясь на германские архивные материалы, А. Г. Постников и Е. В. Ры-

¹ Смольняк И. В. Отношение США к внешнеполитической активности Турции в 1939–1941 годов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 213–214.

² Feroz A. Op. cit. P. 143.

Не только Германия, но и другие державы старались использовать турецкие «страхи» перед Советским Союзом в свою пользу (см. Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 133.)

³ Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 138.

⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 26.

жакова подчеркивают, что интересы Турецкой Республики и Германии были, прежде всего, взаимовыгодны. Турция закрепляла свой статус нейтральной державы. Что касается Германии, то она удерживала турок от перехода в лагерь ее противников¹.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать (и это подтверждается в турецких публикациях), что в отличие от эмоций после подписания пакта Молотова – Риббентропа и поражения Франции турецкие лидеры, узнав о советско-германских переговорах в Берлине осенью 1940 г., не испытывали аналогичного «шока». Этому не могла помешать даже германская «интерпретация» событий, поскольку с начала войны турецкая дипломатия держала курс на невмешательство в мировой конфликт. По этой причине негативная информация о своем соседе, к которому Турция и без того не испытывала особого доверия, лишь подтверждала правильность избранного курса, заставляя турок действовать активнее.

Таким образом, касаясь формирования основ турецкого нейтралитета, следует отметить, что среди турецких историков нет сомнения в правильности мер, использованных Анкарой. С самого начала войны Турция держала официальный курс на невмешательство. Это было время, когда британцы осознали, что Турцию не будет заботить ничего, кроме ее собственных интересов. Что касается Советского Союза, то турецкие исследователи считают, что он активно готовился к ревизии конвенции Монтрё. Диалог, который советские лидеры установили по вопросу о проливах с заинтересованными сторонами, создавал Советскому Союзу базу для решения судьбы КМ-36 в свою пользу. В этой связи, как следует из публикаций турецких авторов, берлинские переговоры, хотя и нанесли ущерб советско-турецким

¹ Постников А. Г., Рыжакова Е. В. Указ. соч. С. 63, 65.

отношениям, не могли иметь серьезных негативных последствий, поскольку Турция была готова к такому развитию событий. Именно поэтому планы Германии реализовались не вполне, а турецкие лидеры успели закрепить нейтральный статус своей страны.

Глава 2

Советско-турецкие отношения на различных этапах Великой Отечественной войны и политика турецкого нейтралитета (1941–1945 гг.)

2.1. Советско-турецкие отношения на начальном этапе Великой Отечественной войны (1941 – начало 1943 гг.)

Хотя и до вторжения Германии в СССР Ближний и Средний Восток не были центром внимания для А. Гитлера, нападение Германии на Советский Союз стало огромным облегчением для Турции, которая в тот же день объявила о нейтралитете. 26 июня премьер-министр Р. Сайдам заявил, что Турция вступит в войну только в случае нападения на нее¹. С другой стороны, операция «Барбаросса» застала турок врасплох, вызвав противоречивые эмоции. Турки опасались, что победа Германии или Советского Союза лишит их привычной балансировки, используя противоречия великих держав, с чем Анкара связывала необходимое условие своего выживания. Кроме того, Анкара опасалась «политических сделок» за своей спиной в случае сближения СССР и Великобритании на антигитлеровской основе. Наконец, принципиальным для Турции было, чтобы в советско-германском противостоянии не победила ни одна сторона как залог независимости Турции. По мере того, как Советский Союз одерживал верх, Анкара старалась убедить страны Запада оказать поддержку Германии, чтобы

¹ Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 354.

не допустить «красную угрозу». В целом же турки «были в восторге от немецкого вторжения»¹.

Во многом это проистекало из-за того, что даже в республиканские времена турки видели в Советском Союзе наследственного врага, чьи амбиции состояли в том, чтобы вырвать Босфор и Дарданеллы из-под контроля Турции. По словам Н. Тамкина, внешняя политика Турции регулировалась политикой России, т.е. зависела от нее. По его мнению, «какая бы страна ни выступала против России, она тем самым де-факто пользовалась расположением Турции»². То же отмечает Х. Папуччулар. Наличие советского фактора, по ее мнению, трансформировало турецкую внешнюю политику в антисоветском духе³. Подобный негатив в отношении СССР подтверждается во многих турецких работах. Так, по мнению Ш. Чалыша, «некий аккумулятивный эффект предрассудков и истории» должен был воздействовать на турок до такой степени, что «они аплодировали, открыто или тайно, действиям Германии против России»⁴. Он подчеркивает, что «как исторически, так и идеологически Турция никогда не считала Россию надежной страной. Вот почему, желая полного поражения Советского государства, турки надеялись, что *немцы найдут компромиссное соглашение с Западом* (выделено нами. – А. Б.)»⁵.

В Турции опасались, что в случае победы СССР он станет доминировать в Восточной Европе, установив свои правила в проливах. Поэтому для Турции было наиболее выгодно, если бы США, Великобритания и Германия заключили между собой соглашения, дабы предотвратить

¹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 27.

² Tamkin N. Op. cit. P. 20.

³ Papuççular H. Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947) // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. Journal homepage. 07 December 2017. Pp. 7–8.

⁴ Çalış Ş. Op. cit. P. 106.

⁵ Ibid. Pp. 108–109.

доминирование Германии или СССР в Европе, или чтобы СССР и Германии сражались друг с другом до полного взаимоничтожения¹. Поскольку на такую перспективу у турок было мало шансов, отмечает У. Хейл, «лучшее, что мог выбрать Инёню – использовать любую ситуацию, чтобы усилить положение Турции»².

Турецкие исследователи отмечают, что еще до войны под влиянием сообщений о состоянии советско-германских отношений в турецком обществе возникло состояние ожидания войны, что привело к публикации статей, затрагивающих вопросы о вероятности военного конфликта и о его последствиях. «В то время как война между Германией и СССР для всего остального мира была лишь вероятностью, маячившей на горизонте, в Турции она стала *ожидаемым событием* (выделено нами. – А. Б.)»³. В связи с этим О. Ишчи отмечает, что накануне войны Ф. фон Папен прямо дал понять И. Инёню, что от турецкого лидера зависит – СССР или Турция будет атакована первой⁴. Возможная перспектива турецкого направления для военного удара вермахта отмечается и в российских исследованиях⁵.

О советско-турецком антагонизме в начале войны пишут многие турецкие авторы. Так, согласно утверждению А. Кылыча, президент И. Инёню откровенно говорил Ф. фон Папену, что Турция заинтересована «в полном уничтожении русского колосса». Впрочем, А. Кылыч делал оговорку, что «это было просто выражением желания, *разделяемого всей*

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 145; *Kilic A.* Op. cit. P. 94.

У. Хейл, в связи с этим приводит высказывание посла Италии в Анкаре в 1938–1943 гг. Оттавио де Пеппо, считавшего, что «турецкий идеал состоит в том, чтобы последний немецкий солдат упал убитым на труп советского солдата» (*Hale W.* Op. cit. P. 89).

² *Ibid.* P. 89.

³ *Сыракая С.* 22 июня 1941 года в турецкой прессе. С. 166.

⁴ *Isci O.* Op. cit. P. 146.

⁵ *Киреев Н. Г.* Советский Союз и Турция (1941–1945) // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М.: ИВ РАН, 2010. С. 387.

нацией (выделено нами. – А. Б.), и не могло рассматриваться как свидетельство *фактического* (выделено нами. – А. Б.) участия Турции в действиях против Советской России»¹. При этом О. Ишчи считает, что несмотря на сложность советско-турецких отношений, новость о нападении Германии на СССР приветствовали наиболее реакционные круги². Последнее не помешало турецкому президенту в «весьма показательном разговоре» с Ф. фон Папеном в конце декабря 1941 г. неоднократно заверять того, что Турция заинтересована «в уничтожении российского колосса» и что никакая пропаганда или давление со стороны англо-американской стороны не могут побудить Турцию сделать хоть что-то против германских интересов³. Возможно, это было традиционным турецким балансированием.

Главное, что отмечают турецкие историки, это то, что, заняв 22 июня 1941 г. позицию нейтралитета, «Турция <...> наконец, ощутила спокойствие и удовлетворение, поскольку осталась вне войны»⁴. На наш взгляд, более убедительными представляются доводы тех историков, которые считают, что само втягивание СССР в войну представляло исключительную важность для Турции⁵. Подобные мнения опровергают позицию тех исследователей, которые говорят о политике «благожелательного» нейтралитета Турции по отношению в Советскому Союзу накануне 22 июня 1941 г.⁶

Таким образом, турецкие историки отмечают враждебное отношение Анкары к Советскому Союзу на начальном

¹ Ibid. Pp. 94–95.

² İsci O. Op cit. P. 101.

³ Ibid. P. 181.

⁴ Гюдек А. Указ. соч.

⁵ Çalış Ş. Op. cit. P. 105.

⁶ Сафаров Ф. Турция предупреждала Сталина. 09.05.2019. URL: <https://inosmi.ru/history/20190509/245054654.html> (дата обращения: 01.01.2020). См. также: Safarov Fuad. Türkiye Stalin'i uyarmış. 08.05.2019. URL: <https://medyagunlugu.com/haber/turkiye-stalini-uyarmis-45180> (дата обращения: 28.04.2022).

этапе Великой Отечественной войны при отсутствии его демонстративного выражения. Прогерманские симпатии объясняются наличием германских войск в соседней Болгарии, а также концепцией турецкого нейтралитета, согласно которой Турция действовала с целью сохранения целостности и независимости страны и, отталкиваясь от этого, последовательно проводила политику «баланса» между Великобританией, Германией и Советским Союзом.

Остановимся вновь на роли прессы в освещении турецких историков. Проблема эта представляется крайне важной. Эпоха Второй мировой войны вспоминается в сегодняшней Турции как борьба между газетами¹. Кроме того, если иностранные государства выказывали недовольство публикациями в турецкой прессе, правительство заявляло, что в стране существует свобода слова, а само правительство не контролирует печатные издания. Таким образом, власти передавали нужную информацию через прессу и не усугубляли свои отношения с другими странами. Иностранные державы – как Германия, так и страны антигитлеровской коалиции – стремились склонить на свою сторону турецкую прессу.

Рассматривая принципы функционирования турецкой прессы в годы войны, следует отметить, что турецкие газеты внешнеполитические новости получали только от Анатолийского агентства – старейшего информационного агентства Турции, основанного К. Ататюрком в 1920 г. Благодаря поправкам в законе о СМИ, которые были введены в 1938 г., правительство Турции получило широкие полномочия, несмотря на то, что официальной цензуры не было². Бóльшая часть редакторов, колумнистов или владельцев изданий состояли в Народно-Республиканской

¹ Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

² Там же.

партии. В соответствии с партийным уставом члены партии в своих публикациях должны были ставить превыше всего ее принципы и не могли писать то, что противоречит ее программе и уставу. В противном случае газета или журнал, опубликовавшие подобный материал, подлежали закрытию¹. Таким образом, тональность публикуемых материалов зависела от внешнеполитического курса турецкого правительства и помогала в осуществлении дипломатических маневров.

Несмотря на зависимость от государственной политики, все издания, по оценке С. Сыракая, отличались «пристрастным», т.е. собственным отношением к происходящему. Из всех турецких газет она выделяет «Тан», напечатавшую полный текст речи В. М. Молотова 22 июня 1941 г. о нападении Германии на Советский Союз, и «Джумхюрийет», где были опубликованы почти полный текст заявления А. Гитлера от 22 июня 1941 г. и германской ноты от 21 июня 1941 г. об объявлении войны СССР². По оценке С. Сыракая, известный журналист газеты «Тан» М. З. Сертель изображал Советский Союз как жертву – государство, на которое было совершено нападение с единственной целью depletion его ресурсы, и утверждал, что СССР достаточно силен, чтобы дать отпор Германии, обращая внимание на то, что Германия впервые столкнулась с равным по силе противником³. В то же время С. Сыракая подчеркивает, что, будучи сторонником СССР, М. З. Сертель намеренно не стал затрагивать вопрос о проливах ввиду того, что последние фигурировали в ходе советско-турецких переговоров в Бер-

¹ Сыракая С. Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 307.

² Сыракая С. 22 июня 1941 года в турецкой прессе. С. 166.

³ Там же.

лине в ноябре 1940 г. В своей колонке он поднял эту тему лишь десять дней спустя¹.

Из статьи С. Сыракая можно сделать вывод, что менее ангажированной позиции придерживался в эти дни колумнист газеты «Джумхуриет» Ю. Нади, который, несмотря на прогерманскую линию своего издания, не верил, что А. Гитлер назвал истинные мотивы нападения Германии (см. далее), и указывал на то, что обе стороны были виновны и Советский Союз не является несчастной жертвой агрессии. Ю. Нади не был удивлен началом войны между странами, так как изначально не верил в пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом. Как в свое время редактор антигитлеровской газеты «Акшам» Р. Атай, Ю. Нади писал, что, заключив в 1939 г. соглашение с Германией, а не со странами-союзниками, Советский Союз сам повысил вероятность военного конфликта, более того, ускорил его наступление².

По оценке С. Сыракая, редакторы ведущих газетных изданий Турции дали верный прогноз советско-германскому противостоянию. М. З. Сертель считал, что война между СССР и Германией должна была стать главным военным конфликтом Второй мировой войны, а ее исход предопределил бы судьбу всего мира. То же отмечал и Ф. Р. Атай³.

В целом по сравнению с сентябрем 1939 г. отношение турецкой прессы к Советскому Союзу изменилось в худшую сторону. У. Козджаз подчеркивает, что в период Второй мировой войны только газета «Тан» полностью защищала интересы Советского Союза, что было негативно встречено другими турецкими изданиями⁴. У. Козджаз отмечает, что газеты «Акшам», «Ватан» («Родина») и «Танин» поддер-

¹ Там же. С. 172.

² Там же.

³ Там же. С. 173.

⁴ Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

живали западных участников антигитлеровской коалиции, но сомневались в успехе СССР¹.

Что касается других проблем советско-турецких отношений на начальном этапе Великой Отечественной войны, то среди них в турецкой историографии выделяют традиционную в истории российско-турецких отношений проблему черноморских проливов, а также «туранский вопрос» (наше определение. – А. Б.), что применительно к указанному периоду следует рассматривать как претензию наиболее реакционных кругов турецкого правительства на тюркоязычные территории Советского Союза.

Касаясь проблемы проливов в довоенный период, О. Йылдырым утверждает, что источником советско-турецких осложнений было, главным образом, стремление Советского Союза контролировать черноморские проливы. «В межвоенные годы СССР неоднократно заявлял о своих интересах в Турецких проливах и Северо-Восточной Анатолии. Эти заявления, безусловно, повредили турецко-советским отношениям, так как турецкие политики большую часть времени боялись советского вторжения»².

К. Джумхур также отмечает, что фундаментальным вопросом главного конфликта между Анкарой и Москвой в конце 1930-х годов являлась проблема черноморских проливов, однако в несколько иной интерпретации. Описывая ситуацию, вызванную попыткой СССР изменить ряд положений КМ-36³, он объясняет это тем, что Москва попыталась полностью закрыть проливы нечерноморским странам, держа Анкару вне военных действий в качестве буферной зоны на юге⁴. Среди претензий, выдвигаемых

¹ Там же.

² Yıldırım O. Op. cit.

³ См.: гл. 1.1.

⁴ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. канд. ист. наук С. 37.

Москвой Анкаре как контролеру проливов, он указывает на тот факт, что в период войны Анкара не дала разрешения на проход судов, которые везли военную помощь в СССР¹. М. Алтынорс также пишет, что запрет на военно-морскую помощь России через турецкие проливы стал еще одним предметом критики в адрес Турции со стороны Советского Союза².

Другие историки дают приблизительно такую же интерпретацию событий. Так, О. Ишчи утверждает, что «вскоре после подписания Договора (18 июня 1941 г. – А. Б.) Папен обсудил с Сараджоглу вопрос о российском судоходстве. В то время, как прохождение российских военных кораблей было полностью исключено, было решено, что Босфор и Дарданеллы будут закрыты сетью обороны и засеяны минами. <...> В любом случае, Сараджоглу проявил большую готовность сотрудничать с Германией в этом вопросе. Также имеет значение, что он пообещал, что оперативно проинформирует Папена о любом российском демарше в этом отношении»³. Впрочем, как уже упоминалось, О. Ишчи склонен объяснять все позицией наиболее реакционных кругов турецкой элиты. Следует также отметить, что А. Гюдек прямо отмечает, что в связи с тем, что турецкие проливы были закрыты для СССР и его союзников, Великобритания приняла решение оккупировать часть Ирана, чтобы обезопасить военные поставки в СССР⁴.

При этом турецкие историки подчеркивают, что режим КМ-36 в период войны вполне соответствовал интересам обеих стран. Так, К. Джумхур указывает на то, что условия, которые были обеспечены этой конвенцией, являлись более

¹ Там же. С. 39.

² *Altınörs M.* Op. cit. P. 3–4.

³ *Isci O.* Op. cit. P. 144.

⁴ *Гюдек А.* Указ. соч.

выгодными для Турции и СССР, чем Лозаннский режим¹². Даже «просоветски» настроенный Т. Атаов утверждает, что «когда нацистские войска пересекли советскую границу 22 июня 1941 года, Москва обнаружила, что Конвенция Монтрё содержала некоторые положения, которые были чрезвычайно полезны для России. Благодаря урегулированию в Монтрё Турция могла охранять Проливы <...>»³. Турецкие авторы подчеркивают ответственный подход Анкары к контролю за военным судоходством, несмотря на большие сложности для нее. Об этом пишет О. Йылдырым⁴.

Интересно отметить, что «рекламируя» достоинства конвенции, турецкие исследователи ничего не говорят о ее «военных» статьях, которые гарантировали Турции исключительное право трактовать в свою пользу правовой режим проливов даже в том случае, если Анкара только сочла бы, что транзит военных кораблей через Босфор и Дарданеллы может создать для нее военную угрозу (ст. 21)⁵. На наш взгляд, причина заключается в том, что в 1941–1944 гг. Анкара неоднократно пропускала в Черное море германские военные корабли, замаскированные под торговые суда⁶.

¹ Лозаннский мирный договор 24 июля 1923 г. прекращал состояние войны между Турцией и державами Антанты и фиксировал территорию Турции в ее современных границах. Одновременно Лозаннский мирный договор провозгласил свободу судоходства в Дарданелльском проливе, Мраморном море и Босфоре как в мирное, так и в военное время (ст. 23) (Лозаннский мирный договор 1923 года, 24 июля // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3916> (дата обращения: 30.07.2022).

² Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 36.

³ Ataöv T. Op. cit. P. 94.

⁴ Yıldırım O. Op. cit.

⁵ КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247?section=text> (дата обращения: 20.02.2022).

⁶ Таким образом, Турцией была нарушена ст. 19 (абзац 2), запрещающая пропуск через проливы военных кораблей воюющей страны (за исключением оказания помощи государству, ставшему жертвой агрессии, согласно договору о взаимопомощи). Была нарушена также ст. 25, в которой отмечалось, что ни одно из постановлений конвенции не должно наносить ущерба какой-либо из

Последнее, как представляется, объясняет нежелание турецких авторов акцентировать внимание на военной составляющей КМ-36.

В турецкой историографии склонны преподносить германский фактор как один из определяющих в ухудшении советско-турецких отношений, подчеркивая, что в рассматриваемое время давление Германии на Турцию усилилось¹. В предшествующей главе отмечалось, что ряд британских и турецких историков предполагают, что берлинские переговоры стали причиной того, что накануне войны СССР с Германией советско-турецкие отношения окончательно испортились. Как отмечает С. Сыракая, первым сообщением после начала войны, попавшим в информационные агентства, стала нота Германии к Советскому Союзу, где А. Гитлер выступил первым с разъяснением своей позиции. В своем заявлении он обвинил Советский Союз в нарушении договора и желании захватить черноморские проливы, контролируемые Турцией (имеются в виду берлинские переговоры в ноябре 1940 г.)². Журналист и издатель газеты «Тан» М. З. Сертель утверждал, что аргументы А. Гитлера на самом деле лишь скрывают его истинные намерения. Тем не менее, по словам С. Сыракая, обращение А. Гитлера вызвало бурную реакцию турецкой прессы. «Клеветнические обвинения Гитлера» в попытке Советского Союза заключить за спиной Турции тайное соглашение о проливах попытались в оперативном порядке опровергнуть нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и советское информационное агентство ТАСС³. Опровержение В. М. Молото-

держав, ее подписавших. Более подробно о нарушениях Турцией военного режима конвенции Монтрё см.: *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. С. 243–244.

¹ *Сыракая С.* 22 июня 1941 года в турецкой прессе. С. 171.

² Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза 21 июня 1941 года. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php (дата обращения: 23.07.22).

³ *Сыракая С.* 22 июня 1941 года в турецкой прессе. С. 170.

ва, касающееся проливов, было опубликовано в турецкой печати, но не смогло смягчить негативную реакцию¹.

Следует отметить, что помимо давления на турецкую общественность германский МИД провел массированную атаку и на правительство Турции. Так, О. Ишчи отмечает, что «11 августа Вейцеккер² <...> напомнил Риббентропу, что турецкое правительство все еще не знает о секретном предложении Молотова в ноябре 1940 года о создании советских баз в проливах (25 ноября 1940 г. – А. Б.). Вайцеккер поручил Риббентропу раскрыть протоколы этих переговоров в письменной форме турецкому послу в Берлине “как неопровержимое доказательство российских проектов”»³.

Таким образом, как следует из исследования О. Ишчи, А. Гитлер сообщил Х. Гёреде в марте 1941 г. детали лишь первой части ноябрьских переговоров, умолчав о предложении В. М. Молотова после возвращения последнего из Берлина⁴. Возможно, что «вторая часть» была припасена для более масштабной дискредитации СССР. В значительной степени это удалось, поскольку немцы всерьез заставили встревожиться турецкое общественное мнение⁵. О. Йылдырым также отмечает, что «объявление» А. Гитлера, касающееся разговоров и секретных соглашений между Германией и СССР, доказало, что в отношении Турции российские требования остались без изменений⁶. Однако и здесь план А. Гитлера был реализован не вполне. О. Йылдырым подчеркивает, что «поскольку турецкое правительство не знало точно, что произошло в Берлине за закрытыми дверями,

¹ Там же.

² Фон Вайцеккер, Эрнст (1882–1951) – германский дипломат. В 1938–1943 гг. занимал пост статс-секретаря внешнеполитического ведомства нацистской Германии.

³ *Isci O.* Op. cit. P. 151.

⁴ См.: гл. 1.2.

⁵ Гюдек А. Указ. соч.

⁶ *Yıldırım O.* Op. cit.

Турция <...> старалась максимально <...> поддерживать свои отношения с обеими странами»¹.

По мнению турецких ученых, именно ситуация, сложившаяся на советско-германском фронте летом 1941 г., заставила Советский Союз (временно. – *А. Б.*) отказаться от своих претензий на проливы. М. Онсой и Г. Баба отмечают, что после нападения Германии Советский Союз «отозвал свои требования у союзников в отношении Турецких проливов и без каких-либо возражений заявил о своем согласии с нейтралитетом Турции»². Как отмечает У. Хейл, нападение Германии на СССР стимулировало желание Турции наладить отношения с СССР и Великобританией как сражающихся отныне на одной стороне³. По его мнению, это должно было развеять турецкие опасения относительно советских амбиций в плане проливов. 28 июля 1941 г. в письме И. Инёню Сталин заявил, что не имеет намерений пересматривать конвенцию Монтрё 1936 г.⁴ По словам У. Хейла, поскольку «британской стороне турецкие опасения (относительно проливов. – *А. Б.*) были известны, Великобритания и СССР осознавали, что лучшее, что они могут сделать, – это поддерживать Турцию как нейтральное буферное государство»⁵.

В середине июля 1941 г. британцы предложили послу СССР в Великобритании И. И. Майскому предоставить англо-советские гарантии суверенитета и территориальной целостности Турции и признать турецкую власть над проливами. Понимая, что турецкое правительство негативно относится

¹ Ibid.

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 139.*

Речь идет о письме И. В. Сталина министру иностранных дел Великобритании Антони Идену 28 июля 1941 г., в котором И. В. Сталин заявил, что не имеет намерений пересматривать КМ-36 (см. *Hale W. Op. cit. P. 93*).

³ *Hale W. Op. cit. P. 93.*

Имеется в виду совместное советско-британское соглашение по борьбе с Германией, подписанное в Москве 12 июля 1941 г.

⁴ *Hale W. Op. cit. P. 93*

⁵ Ibid.

к Советскому Союзу, глава британского МИД А. Иден указывал И. И. Майскому на то, что «ни одно правительство не должно допускать, чтобы <...> чувства вступали в противоречие с необходимостью разумной долгосрочной политики»¹.

В результате 10 августа 1941 г. СССР и Великобритания выпустили совместную декларацию о своей верности правилам КМ-36, где было сказано, что они не имеют каких-либо намерений относительно проливов и готовы «скрупулезно» поддерживать территориальную целостность Турции². При этом СССР особо отметил, что приветствует нейтралитет Турции³.

Турецкими и англо-американскими историками советско-британская декларация о гарантиях оценивается по-разному. Так, по мнению А. Кылыча, то, что британское и *особенно советское правительство* чувствовали в отношении Турции, было выражено в совместной советско-британской записке от 10 августа 1941 г., в которой СССР и Великобритания подтверждали права Турции как гаранта соблюдения КМ-36. «Два правительства (британское и советское. — А. Б.) подтвердили свою верность Конвенции Монтрё и заверили Турцию, что у них нет агрессивных намерений или претензий в отношении Дарданелл». Таким образом, в условиях войны позиция Турции «приобрела новое значение»⁴.

С другой стороны, по мнению британских ученых, несмотря на утверждение У. Хейла о попытках Турции наладить отношения со странами антигитлеровской коалиции, совместная советско-британская акция не добавила доверия

¹ Tamkin N. Op. cit. P. 108.

² Hale W. Op. cit. P. 93.

³ Почему Сталин не взял Константинополь и Черноморские проливы. 19.04.2019 // Военное обозрение. История. URL: <https://topwar.ru/156965-pochemu-stalin-ne-vzjal-konstantinopol-i-chernomorskie-prolivy.html> (дата обращения: 29.07.2022).

⁴ Kılıç A. Op. cit. P. 91.

Анкары к союзникам¹. Н. Тамкин утверждает, что гарантии, предоставленные Турции 10 августа 1941 г., «в Анкаре были восприняты холодно». Он подчеркивает, что советско-британская декларация, продемонстрировав сотрудничество двух стран, лишь усиливала турецкие подозрения «в англо-советском сговоре за счет Турции»².

Мнения англичан, американцев и турок о причинах этого расходятся. Так, с точки зрения англо-американских историков, причиной послужила оккупация английскими и советскими войсками Ирана³. Как указывает Б. Р. Кунихолм, «это заявление (советско-британская декларация от 10 августа 1941 г. – *А. Б.*) <...> не развеяло подозрений со стороны Турции, когда англичане и Советы вторглись в Иран 25 августа 1941 года»⁴. У. Хейл также отмечает, что подозрения турок были усилены после оккупации Ирана в августе 1941 г. Турецкая пресса указывала на то, что если Россия и Великобритания готовы оккупировать нейтральную страну только за то, что она стояла на их пути, то же самое они могут сделать и в отношении Турции⁵.

По мнению же турецкой стороны, камнем преткновения оставались черноморские проливы, поэтому основ-

¹ Вместе с тем отмеченные У. Хейлом попытки Турции вполне вписывались в стремление Анкары поддерживать приемлемые отношения и с СССР, и с Германией. Так, А. Кылыч отмечает, что, с одной стороны, руководители турецкого МИД «Сараджоглу и Менеменджюглу создавали определенное впечатление, что Турция искренне желала Германии победы над Россией <...> С другой стороны, турки выразили удовлетворение англо-русским договором 1942 года (оборонительный союз против Германии. – *А. Б.*), и правительственные лидеры, в частности Инёню, старались поддерживать хорошие отношения с дипломатами союзников в Анкаре...» (см. *Kılıc A.* Op. cit. P. 96).

² *Tamkin N.* Op. cit. P. 108.

³ 25 августа – 17 сентября 1941 г. советско-британские войска оккупировали соответственно северную и южную части Ирана. Операция проводилась с целью обеспечения безопасности иранских нефтяных месторождений и налаживания путей снабжения Советского Союза.

⁴ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 28.

⁵ *Hale W.* Op. cit. P. 93.

ные подозрения Турции касались возможных действий Советского Союза и тайной сделки за спиной Анкары. Ранее неоднократно отмечалось, что в турецкой историографии склонны оценивать многие действия Турции в период Второй мировой войны «польским синдромом»¹, что серьезно отразилось и на британо-турецких отношениях.

Б. Р. Кунихолм также отмечает, что источником недоверия была и традиционная подозрительность Турции по отношению к Советскому Союзу. Как и Н. Тамкин, он указывает на то, что обещание СССР и Великобритании помочь Турции в случае агрессии со стороны Германии не обнадежило, а скорее испугало Анкару. «В августе 1941 года Сталин пообещал помочь туркам в случае, если бы они подверглись вторжению». Но турки, по словам американского исследователя, знали, что «Советы» могут использовать нападение извне в качестве предлога для ввода войск в страну².

Г. Баба в связи с этим пишет, что если переговоры в ноябре 1940 г. беспокоили Турцию в связи с возможностью тайной российско-германской сделки по проливам в пользу СССР, то после нападения Германии на Советский Союз Турция стала беспокоиться о такой же сделке между Россией, Великобританией и США. Уже в конце июня 1941 г. посол Великобритании в Турции сэр Хью Нэтчбулл-Хьюджессен указывал, что имеются признаки того, что Турция стала опасаться, что Британия станет слишком близка к Советам. Анкара, подчеркивает Г. Баба, «была особенно обеспокоена стремлением СССР к проливам <...> что СССР сможет убедить США и Велико-

¹ См.: гл. 1.1.

² *Kuniholm B. R.* Op cit. P. 34.

британию в своих требованиях на этом стратегическом водном пути»¹.

То же отмечают и другие турецкие исследователи. А. Кылыч подчеркивал в своей монографии, что турки «были обеспокоены тем, что просоветские настроения в Англии и Америке могли привести к заключению некоторых секретных соглашений — таких, как соглашения между царской Россией, Англией и Францией до и во время Первой мировой войны»². Статьи в прессе союзников оказали негативное влияние на турок, которые были убеждены, что *между союзниками и СССР было заключено секретное соглашение о замене конвенции Монтрё при первой же возможности*³. Британские же историки подчеркивают беспочвенность подозрений Анкары⁴. Более того, У. Хейл отмечает, что на встрече с А. Иденом⁵ в декабре 1941 г. И. В. Сталин за нейтралитет Турции предложил передать ей после войны Додеканезские о-ва, северную Сирию «и определенные территории в Болгарии» (возможно, во Фракии. — А. Б.). А. Иден отказался обсуждать этот вопрос до окончания войны «и послевоенного перекраивания границ»⁶. При этом, по словам Ф. Ахмада, «Проливы не были упомянуты,

¹ *Baba G. Beginning The Search for A "Great Protector": Turkey's Un Membership For The US Alliance // Yönetim Bilimleri Dergisi (9: 2). 2011. Journal of Administrative Sciences. P. 78.*

² Имеется в виду соглашение Сайкса — Пико 16 мая 1916 года — тайное соглашение между правительствами Великобритании, Франции, Российской империи и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны. Россия должна была получить Босфор и Дарданеллы, Константинополь (Стамбул), Западную Армению и часть Северного Курдистана. Оставшаяся территория между Средиземным морем и рекой Иордан должна была находиться под международным контролем.

³ *Kılıç A. Op. cit. P. 96–97.*

⁴ *Tamkin N. Op. cit. P. 109.*

⁵ Роберт Энтони (или Антони) Иден (1897–1977) — британский государственный деятель, член консервативной партии Великобритании. В 1935–1938, в 1940–1945 и в 1951–1955 гг. министр иностранных дел, в 1951–1955 заместитель премьер-министра, в 1955–1957 гг. премьер-министр Великобритании.

⁶ *Hale W. Op. cit. P. 93–94.*

и не было никакой просьбы о каких-либо уступках со стороны нейтральной Турции»¹. Тем не менее Т. Атаов отмечает, что «прошло некоторое время, прежде чем турки полностью уверились, что англичане и русские не обсуждали ничего, что противоречило бы турецким интересам»². По его словам, для этого потребовалась специальное объяснение в Анкаре британского посла Х. Нэтчбулл-Хьюджессена.

Таким образом, из обзора турецкой и британской литературы следует, что укрепление антигитлеровской коалиции шло параллельно с возрастанием недоверия к ней со стороны Турции. Это объясняется не только упоминавшимся «польским синдромом», хотя Б. Р. Кунихолм подчеркивает, что для турок был очень важен «пример Польши»³, но и традиционными, с точки зрения турецких исследователей, историческими прецедентами, связанными с угрозой потери проливов. Так, О. Ишчи отмечает, что в апреле 1942 г. А. Иден вновь попытался стать посредником в деле советско-турецкого сближения⁴, предложив свои услуги в ежемесячной встрече с турецким послом в Лондоне Рауфом Орбаем. О. Ишчи пишет, что «турецкий посол, подтвердив турецкий нейтралитет и верность Турции обязательствам перед Великобританией, отметил, что подобно ситуации в годы формирования Антанты (т.е. в период Первой мировой войны. – А. Б.), Турция опасается установления Россией контроля над Проливами при поддержке Великобритании»⁵.

Итак, по мнению турецких историков, на начальном этапе Великой Отечественной войны именно «проливная» проблема во многом способствовала ухудшению советско-

¹ Feroz A. Op. cit. P. 22.

² Ataöv T. Op. cit. P. 100.

³ Kılıc A. Op. cit. P. 32.

⁴ О первой такой попытке британских дипломатов см.: гл. 1.2.

⁵ Isci O. Op. cit. P. 182.

турецких отношений, несмотря на подписанную ранее советско-турецкую декларацию о взаимном нейтралитете в случае войны (22 марта 1941 г. – А. Б.) и советско-британские гарантии от 10 августа 1941 г. Причины этого крылись в довоенных разногласиях Москвы и Анкары по поводу военного режима КМ-36, т.е. в настойчивых попытках Москвы изменить его в свою пользу. Советско-британское сближение, по мнению исследователей, пугало Анкару, заставив вспомнить о пакте Молотова – Риббентропа и временах Первой мировой войны, когда союзники по Антанте Россия и Великобритания делили владения Османской империи. Упускается при этом, что соглашения в период Первой мировой войны составлялись, когда Турция была союзником Германии, поэтому опасения Анкары были несостоятельны.

Тем не менее можно согласиться, что объективно турецкие страхи способствовали усилению германского влияния в Турции, хотя и не заставили Анкару отказаться от политики балансирования, учитывая возросший потенциал антигитлеровской коалиции. В целом турецкие авторы считают, что на первом этапе советско-германской войны Советский Союз, как и Великобритания, был заинтересован в сохранении Турцией своего нейтралитета.

Что касается «туранского» вопроса, то представляется уместным рассмотреть лишь те аспекты данной проблемы, которые оказали непосредственное влияние на внешнюю политику Турции в годы войны и ее отношения с Советским Союзом¹. Следует сразу оговориться, что турецкие исследователи не отрицают, что «туранская» проблема имела место, осложнив советско-турецкие отношения. Так, Ш. Чалыш в своей статье, посвященной влиянию пантюркских

¹ Более подробно см.: *Галиакбарова Н. М.* Идеология пантюркизма периода второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // *Уральское востоковедение*. С. 155–164.

настроений на внешнюю политику Турции в период Второй мировой войны, отмечает, что хотя пантюркизм как идеология был отвергнут кемалистской Турцией, как еще ранее исламизм и османизм, заинтересованность Турции в разгроме СССР вновь выдвинула его на передний план. Есть один момент, подчеркивает он, «который, как *правило, игнорируют* (выделено нами. – А. Б.) студенты-тюркологи. Подобно тому, как Россия проводила ирредентистскую политику (претензии на чужую территорию. – А. Б.)¹, то же делала и Турция, по крайней мере, в некоторых важных отношениях»².

А. Кылыч, в свое время изучивший это вопрос, также отмечал, что в рассматриваемое время пантуранизм еще не умер. Он писал, что «успехи Германии на Восточном фронте подстегнули дремлющие амбиции туранизма в Турции». В Турции было сильное пантуранистское движение, в которое входили некоторые генералы и государственные деятели. Военные поражения Советского Союза в 1941–1942 гг. возродили врожденное стремление к единству «всех турок в мире» и «восстановление Турецкой империи»³. У. Козджаз высказывается более определенно. Он признает, что в рассматриваемый период «в Турции существовали националистические и туранские движения». По их мнению, в случае победы Германии могли возникнуть перспективы объединения со среднеазиатскими турками⁴.

В турецкой литературе также есть мнение, что источником усиления пантюркистских настроений была Германия. Ш. Чалыш указывает на то, что ностальгия по объединенному тюркскому миру успешно поощрялась немца-

¹ Ш. Чалыш не уточняет, в отношении какой страны.

² Çalış Ş. Op. cit. P. 106.

³ Kılıç A. P. 92–93.

⁴ Козджаз У. Указ. соч. С. 1–7.

ми с самого начала их нападения на Советский Союз¹. «Во время Второй мировой войны немцы одновременно стимулировали и способствовали подъему тюркизма»². «Тюркизм, — отмечает Ш. Чалыш, — вызвал оживленные дискуссии среди <...> интеллектуалов и некоторых очень высокопоставленных турецких чиновников, которые считали, что эту возможность следует использовать»³. По его словам, были предприняты попытки убедить высшее руководство в Анкаре в пользу более активной политики в интересах «порабощенных тюрок» в России. На неофициальном уровне эти попытки оказали определенное влияние на таких людей, как один из руководителей МИД Н. Менеменджиоглу и маршал Мустафа Чакмак⁴. «Но они никак не повлияли на Исмета Инёню <...> принимавшего решения в качестве президента республики», — подчеркивает Ш. Чалыш⁵. Поэтому, по его мнению, вопрос о том, насколько турецкое правительство в целом было вовлечено в пантюркистскую деятельность, все еще остается открытым.

Такая точка зрения присутствует и в современной российской историографии. В исследовании С. В. Кизюкова «Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции» «ренессанс» пантюркистских настроений в годы войны автор склонен рассматривать как общественную тенденцию, которую по ряду причин турецкое правительство предпочло не «упускать из виду», т.е. держать под

¹ Çalış Ş. Op. cit. P. 106.

² Ibid. P. 111

³ Ibid. P. 106.

⁴ Мустафа Февзи Чакмак-паша (1876–1950) — османский и турецкий государственный и военный деятель, маршал Турции, премьер-министр Турции (1921–1922) и ближайший сподвижник Кемаля Ататюрка. В 1924–1944 гг. он являлся начальником Генштаба Вооруженных сил Турции.

⁵ Ibid. P. 106.

контролем¹. Данное утверждение противоречит мнению Н. Г. Киреева, который считал, что причиной возрождения идеологии пантюркизма и «недружественного» нейтралитета в отношении СССР стал отход от внешнеполитической доктрины К. Ататюрка².

Аргументация турок, что идея пантюркизма имела исключительно неофициальный характер, получила поддержку и среди британских исследователей. Так, У. Хейл указывает на то, что идея присоединения к Турции «территорий Транскавказ (Закавказья. — А. Б.) и мусульманских территорий СССР <...> была протестирована правительством через полуофициальные каналы»³. В связи с этим А. Кылыч считал, что «единственное, что может быть поставлено в вину Турции в годы войны, это планы *отдельных лиц* (выделено нами — А. Б.) из числа правительственной и военной элиты в отношении оккупированных Германией тюркских территорий СССР»⁴.

Такая точка зрения находит отклики и среди российских исследователей. Так, И. А. Гилязов⁵ полагает, что германская дипломатия ошибочно считала туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, способной оказывать влияние на официальную Анкару для военной поддержки Германии под видом заботы о судьбе своих тюркских соотечественников. При этом само турецкое правительство открыто дистанцировалось от пантюркистов, проявив большую осторожность. Сам потенциал пантюркистского движения в Турции был невелик и сводился к деятельности отдельных личностей. По словам И. А. Гилязова, в сентябре 1942 г.

¹ Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. С. 111.

² Киреев Н. Г. История Турции. XX век. С. 244–249.

³ Hale W. Op. cit. P. 91.

⁴ Kılıç A. Op. cit. Pp. 111–112.

⁵ Гилязов, Искандер Аязович — доктор исторических наук, советский и российский историк, татарский общественный деятель.

А. Гитлер приказал представителям МИДа прекратить контакты с пантурсанистами по вопросам будущего Закавказья и Средней Азии¹.

Есть и иная точка зрения. Е. В. Бахревский и А. Свистунова отмечают, что несмотря на прагматичную позицию ряда турецких газет (например, «Ватан»), считающих, что Турция не в состоянии брать на себя ответственность за тюркских собратьев, «в годы войны в Турции наблюдался расцвет деятельности пантюркистских организаций»².

В целом следует отметить, что практика турецкой полуофициальной дипломатии больше напоминала политику двойных стандартов. Так, когда 8 июля 1942 г. неожиданно умер премьер-министр Турции Рефик Сайдам, ему наследовал министр иностранных дел Шюкрю Сараджоглу, Министерство иностранных дел Турции возглавил Нуман Менеменджюглю³. Ш. Чалыш пишет, что «Сараджоглу и Менеменджюглю были среди тех ведущих деятелей, которые восхищались мечтами об объединенном тюркском мире: первый, Сараджоглу, прямо утверждал в беседе с фон Папеном, что “Турция не может оставаться незаинтересованной в судьбе 40 миллионов человек турецкого происхождения в России”»⁴. Интересно отметить, что, беседуя с Ф. фон Папеном в качестве премьер-министра, этот «пробританский», по мнению многих турецких исследователей, государственный деятель, отзываясь о СССР, заявил, что «как турок» жаждет «уничтожения России, что было бы

¹ Гилязов И. А. Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов). Казань, 2002. С. 56, 59.

² Бахревский Е. В., Свистунова И. А. Указ. соч. С. 144.

³ Нуман Рифат Менеменджюглю (1892–1958) – турецкий дипломат. В 1933 г. был назначен на пост генерального секретаря Министерства иностранных дел в ранге посла, с 1942 по 1944 гг. был министром иностранных дел. С 1944 г. Н. Менеменджюглю – посол в Париже. С 13 сентября 1944 г. Министерство иностранных дел возглавил Ш. Сараджоглу, соединив, таким образом, функции главы правительства и внешнеполитического ведомства Турции.

⁴ Çalış Ş. Op. cit. P. 106.

эпохальным делом со стороны фюрера и <...> мечтой турецкого народа на протяжении веков <...>»¹.

Как отмечал А. Кылыч, оценивая неоднократные переговоры турецких государственных деятелей с германским послом, они касались деталей планов управления рядом территорий Крыма и Кавказа². При этом Ш. Чалыш указывает на то, что хотя в беседах с Ф. фон Папеном признавалось, что даже в случае поражения СССР объединение тюркских территорий с Турцией было маловероятно, рассматривалась возможность, чтобы «эти районы могли получить административную автономию с сильной культурной связью с Турцией»³.

Итак, при наличии пантюркских амбиций, по крайней мере среди части турецкой элиты, правящие круги Турции, согласно утверждениям турецких историков, тщательно обрабатывались германской пропагандой. При этом Ш. Чалыш по-новому характеризует расцвет пантюркских настроений в Турции. Он отмечает, что в начале войны прогерманским настроениям в общественном мнении Турции способствовало восприятие советско-германской войны как цивилизаторской миссии Европы в лице Германии, а Советского Союза «как врага этой цивилизации номер один». Чтобы побудить Турцию занять более «западную», то есть прогерманскую позицию, использовался тюркизм, хотя он и не стал официальной идеологией в долгосрочной перспективе⁴. Иными словами, используя пантюркизм против «советов», Турция, по мысли немцев, выполняла вестернизаторскую функцию. К началу 1942 г. пантуранизм приобрел «более осторожный характер», что было связано с тем, что после нападения Японии на американскую военно-морскую базу

¹ *Kılıç A.* Op. cit. P. 187.

² *Kılıç A.* Op. cit. P. 96.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* Pp. 109, 111.

Пёрл-Харбор США 8 декабря 1941 г. вступили в войну¹. Как следует из исследования А. Кылыча, главное состояло в том, что в течение 1942 г. нацистская Германия постепенно отказалась от идеи более тесной дружбы с Турцией и помощи в создании «туранского государства», «поскольку Папен осознал, что Инёню не испытывал такого желания»².

Российский исследователь Н. М. Галиакбарова³ также отмечает, что позиция Турции трактуется рядом турецких исследователей как «тактический ход», направленный на сохранение связей с Германией, от которой во многом исходила поддержка пантюркистских течений. При этом подчеркивается, что турецкое руководство не спешило заявлять о какой-либо определенной позиции до тех пор, пока был неясен исход войны. С другой стороны, в турецкой историографии признается, что у Турции существовали «культурные интересы в регионах, населенных тюркоязычными народами»⁴.

Таким образом, на наш взгляд, следует согласиться с характеристикой истоков турецкого пантюркизма, которую дает профессор Ш. Чалыш. По его словам, «тюркизм в Турции не является чем-то новым <...> Когда тюркисты видели подходящие международные условия, они начинали высказываться об идеалах тюркизма». Но поскольку, отмечает он, Турция в экономическом и военном отношении не могла достичь такой цели, как объединение всего тюркского мира, идея перевести пантюркизм из теории в практику возникала «только с помощью внешнего стиму-

¹ *Kılıç A.* Op. cit. P. 96.

² *Ibid.* P. 223.

³ Галиакбарова, Надежда – доцент Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

⁴ *Галиакбарова Н. М.* Идеология пантюркизма периода второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение. С. 161–162.

ла», т.е. с помощью германской пропаганды в годы Второй мировой войны¹.

Турецкие историки склонны рассматривать расцвет пантюркизма как полуофициальное направление во внешней политике Турции, получившее распространение среди части наиболее реакционных кругов турецкой элиты, не имевшее долгосрочной перспективы, усилившееся благодаря действиям германской дипломатии и распространившимся в период войны антисоветскими (шире – антирусскими. – А. Б.) настроениями.

На наш взгляд, такая оценка со стороны турецких исследователей недостаточна. Несомненно, что на первом этапе Великой Отечественной войны Анкара в целом придерживалась политики нейтралитета, не исключая, однако, при этом возможности широких территориальных захватов, если бы к этому представилась возможность. Полуофициальное пантюркистское направление во внешней политике Турции, сочетавшее в себе отказ от официальных претензий на территории советского Закавказья при постоянном обсуждении руководителями турецкого государства этого вопроса с представителем воюющей с СССР страны, как нельзя лучше подходило для этого.

Переходя к заключительной части советско-турецких отношений в зеркале современной турецкой историографии в период между нападением Германии на Советский Союз и окончанием Сталинградской битвы, следует отметить, что, по мнению турецких историков, значение Турции для Советского Союза в рассматриваемый период было велико. Так, А. Гюдек, подчеркивая важную роль Турции в войне, ссылается на мнение профессора Ю. В. Дубинина, полагавшего, что «Турция изменила судьбу Второй мировой войны». В качестве доказательства она приводит беседу

¹ Çaliş Ş. Op. cit. P. 111.

Ю. В. Дубинина¹ с полпредом СССР в Анкаре в 1940–1947 гг. С. А. Виноградовым, в котором последний рассказал о разговоре с И. В. Сталиным осенью 1942 г., в ходе которого С. А. Виноградов категорически отверг возможность вступления Турции в войну на стороне Германии². «В конечном счете Сталин убедился, что атаки с юга не будет, и перебросил войска Красной армии, прикрывавшие границу с Турцией, на Сталинградский фронт. Известно, что эти войска внесли важный вклад в победу Советов, а Сталинградская битва считается переломным моментом войны»³.

Б. Р. Кунихолм подчеркивает, что, обвиняя Турцию после Сталинградской битвы в прогерманском нейтралитете летом и осенью 1942 г., русские забывали, в какой ситуации оказалась Турция в это время и какую помощь она оказала Советской армии. Он также обращает внимание на то, что «Гитлер заверил их (турок. – *А. Б.*), что у них (немцев. – *А. Б.*) нет агрессивных намерений против них». Как следствие, отмечает Б. Р. Кунихолм, главной заботой президента И. Инёню была не Германия, а Россия, «чья растущая сила и растущая враждебность по отношению к Турции» убедили Турцию в том, что отношение Советского Союза к Турции будет основано на итогах войны (т. е. в случае победы СССР над Германией судьба Турции будет зависеть от СССР. –

¹ Юрий Владимирович Дубинин (1930–2013) – советский и российский дипломат, в 1955–1999 гг. был на дипломатической службе, в 1994–1999 гг. заместитель министра иностранных дел (в 1996–1999 в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Украине). В 1999–2013 гг. профессор МГИМО (У) МИД.

² Как отмечает А. Гюдек, по свидетельству Ю. В. Дубинина, «Сталин трижды спросил: “<...> Начнет Турция войну против нас или нет?” – а Виноградов трижды ответил: “Нет, товарищ Сталин<...>”». По словам С. А. Виноградова, несмотря на отсутствие информации из турецких источников, «в ответе, который я дал Сталину, я был уверен. Это было выводом из всех моих наблюдений за настроениями в Турции и ее руководством» (см. *Гюдек А.* Указ. соч.).

³ Там же. Более подробно о позиции Турции в ходе наступления вермахта осенью 1942 г. см.: гл. 4.

А. Б.). «Легко игнорируя свое собственное признание того, что позиция Турции была полезной во время немецкого наступления в 1942 году, они (русские. – А. Б.) резко критиковали предполагаемую ориентацию Турции на ось. <...> Поэтому неудивительно, что Советская Россия должна была стать главным источником турецких страхов»¹. Так, по словам А. Кылыча, встретившись 30–31 января 1943 г. в Адане² с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, руководители Турции вновь предупреждали о «красной» опасности, предложив свои посреднические услуги между Германией и западными участниками антигитлеровской коалиции. «И Инёню, и его премьер Сараджоглу, который сопровождал его в Адане, указали на то, что Турция должна быть осторожной по отношению к *советскому империализму* (выделено нами. – А. Б.)». Турецкие лидеры заявили, что «Европа заполнена славянами и коммунистами, все побежденные страны превратятся в большевиков и славян, если Германия будет полностью побеждена». И. Инёню пытался убедить У. Черчилля в необходимости скорейшего прекращения войны. «Полное “безусловное” поражение Германии даст России шанс стать серьезной опасностью для Турции и Европы. Однако его предложение о посредничестве было отклонено»³.

Турецкие и западные историки, тем не менее, признают «небезупречность» поведения самой Анкары в рассматриваемый период. Так, А. Кылыч писал, «что совершенно очевидно, что в 1942 году победа Германии соответствовала чаяниям турок»⁴. Это, прежде всего, относится к уже

¹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 32.

² Аданская конференция – совещание премьер-министра Англии У. Черчилля с президентом Турецкой Республики Исметом Инёню в средиземноморском городе Адане 30–31 января 1943 г. (вблизи станции Енидже, в салон-вагоне. – А. Б.).

³ Kılıç A. Op. cit. P. 101.

⁴ Ibid. P. 96.

не раз упоминавшимся турецко-германским контактам. Так, О. Ишчи подчеркивает, что антисоветская пропаганда Ф. фон Папена получила полное одобрение в Анкаре¹. М. Ульгюль, указывая на ограниченное влияние германской пропаганды, все же признает, что подобные действия имели своим результатом взаимные подозрения Турции и Советского Союза, в результате чего их относительно мирные отношения между июнем 1941 г. и Сталинградской битвой не могли в будущем повлиять на политику обеих стран в положительном ключе. В результате после Сталинградской битвы единственным опасением Турции стал ее северный сосед². Продолжая эту тему, К. Джумхур подчеркивает, что вследствие поражения Германии в битве под Сталинградом с 1943 г. Москва начала оказывать давление на Турцию, требуя от Анкары вступления в войну и делая акцент на возможный ущерб Турции вследствие позиции нейтралитета после победы над Германией³. К. Джумхур, впрочем, на скрывает, что нейтралитет Турции не являлся положительным по отношению к Советскому Союзу. «После победы в битве под Сталинградом, — отмечает он, — СССР негативно относился к позиции Турции, а Анкара, в свою очередь, хотела, чтобы и Германия, и СССР вышли из войны с определенными потерями»⁴.

Как видим, турецкие исследователи, рассматривая политику Турции в 1941–1942 гг., не находят в ней существенных изъянов. Политика Анкары в отношении Советского Союза представляется им вполне нейтральной и даже благожелательной, имея в виду отказ от вступления в войну на

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 150.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 27.

³ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 38.

⁴ Там же.

стороне Германии в наиболее «горячий» для СССР период лета и осени 1942 г.¹ Обострение советско-турецких отношений турки склонны связывать с германской пропагандой и негативным отношением самого Советского Союза к Турции.

В связи с этим представляется необходимым исследовать, как рассматривается в турецкой исторической литературе знаменитое дело о покушении на германского посла Ф. фон Папена (24 февраля 1942 г.). Несмотря на то, что перипетии этой истории хорошо изучены², ее рассмотрение поможет понять, как современные турецкие исследователи оценивают внешнее влияние на политику страны в годы войны и степень советско-турецких осложнений.

Итак, речь идет о том, что, согласно утверждениям турецких историков, 24 февраля 1942 г. сотрудники Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) В. В. Павлов (сотрудник советского генерального консульства в Анкаре) и А. П. Корнилов (эксперт по транспортным операциям торгпредства СССР) были пойманы в Анкаре после покушения на Ф. фон Папена³. О. Ишчи пишет в связи с этим, что советские историки утверждали, что на самом деле это было работой спецслужбы нацистской Германии по срыву советско-турецких отношений и провоцированию

¹ Так, например, А. Кылыч утверждал, что «политика Турции в отношении России оставалась правильной», поскольку «не было и речи о вступлении Турции в войну на стороне оси, ни в трудные 1940 и 1941 годы, ни во время подавляющих успехов Германии в России» (см. *Kılıç A. Op. cit.* Рр. 110–112).

² См.: Сыракая С. Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 302–317; Киреев Н. Г. Указ. соч. С. 249–251.

³ В начале 1942 г. в Анкаре произошло неудавшееся покушение на Ф. фон Папена. 24 февраля от взрыва свертка в руках погиб шедший по бульвару Ата-тюрка в сторону района Чанкая мужчина, было ранено несколько прохожих. Позже было установлено, что погибшим был переселенец из Югославии, студент Стамбульского университета Омер Токат. Вскоре были задержаны два его товарища, Абдурахман и Сулейман. Арестованные заявили, что покушение было организовано находившимися в Турции советскими дипломатами с целью убийства Ф. фон Папена (см. *Киреев Н. Г. Указ. соч.* С. 249).

Турции на объявление войны Советскому Союзу. Однако с открытием советских архивов появилось несколько российских монографий¹, где опровергается версия германского заговора².

О. Ишчи считает это событие основным инцидентом, омрачившим советско-турецкие отношения. Более того, он называет его одной из ошибок И. В. Сталина, еще более обостривших русофобию в Турции³. Следует отметить, что Н. Тамкин не придает этому инциденту такого серьезного значения. Он полагает, что хотя покушение на Ф. фон Папена и было, попытка убийства Папена была второстепенной по отношению к «большим» вопросам советско-турецких отношений: будущему проливам и ситуации на советско-турецкой границе на Кавказе⁴.

Более развернутую картину событий дает С. Сыракая, посвятившая этому событию специальную статью. В связи с этим имеет смысл рассмотреть ее более подробно. Как и прочие турецкие исследователи, С. Сыракая склонна видеть в инциденте 24 февраля 1942 г. «советский след»⁵. При этом С. Сыракая признает, что приговор советским гражда-

¹ О. Ишчи в качестве примера приводит две книги: *Батурин Ю. М.* Досье разведчика. М.: Молодая гвардия, 2005; *Шарапов Э. П.* Наум Эйтингон – карающий меч Сталина. СПб.: Нева, 2003.

² *Isci Op. cit.* P. 164.

³ *Ibid.*

⁴ *Tamkin N. Op. cit.* Pp. 109, 111.

⁵ Того же мнения придерживается и российский исследователь А. А. Сотниченко, отмечая при этом, что, как и любая нейтральная страна того времени, Турция стала полем битвы разведок всего мира. Если немцы пытались контролировать многочисленные антисоветские пантюркистские организации и прессу, вербуй и забрасывая шпионов на территорию СССР, то советская разведка в Турции отвечала тем же, проводя спецоперации, «среди которых самая известная – покушение на посла Германии в Турции Франца фон Папена в 1942 году» – (см. *Сотниченко А. А.* Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // *Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией»*. Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. Сборник материалов / Редактор-составитель О. Ю. Кузнецов. Москва — Стамбул, 2012. С. 101).

нам был вынесен при отсутствии ясных доказательств¹. По ее мнению, Советский Союз был обеспокоен возможностью турецко-германского союза и вскоре стал воспринимать Турцию как *«страну, формально сохранявшую нейтралитет, но фактически сотрудничающую с Германией»* (выделено нами. – А. Б.), тем более что главной задачей Ф. фон Папена было склонить Турцию к войне против СССР². Данная точка зрения, как уже отмечалось выше, опровергается рядом других турецких и британских историков, полагающих, что Германия была более заинтересована в турецком нейтралитете.

С. Сыракая подчеркивает также, что в период процесса над советскими гражданами Турция старалась не реагировать на жесткую критику и даже оскорбления со стороны Советского Союза. В турецкой прессе, по ее словам, «довольно беспристрастным и официальным языком сообщается о критике Анкарского дела советским агентством ТАСС». Только «для соблюдения интересов страны, принимая во внимание сложившееся положение, в турецкой прессе упоминаются лишь отдельные выдержки из советских статей»³. В частности, не говорилось о статье Д. Заславского⁴, «полной жесткой критики и оскорблений»⁵. 19 июня 1942 г. в со-

¹ Сыракая С. Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 304–305.

² Там же. С. 304–305.

³ Там же. С. 309.

⁴ 5 апреля в газете «Правда» появилась статья Д. Заславского под заголовком «Немецкие провокаторы на трибуне турецкого суда». (Немецкие провокаторы на трибуне турецкого суда (Д. Заславский). Правда, 5 апреля 1942 г. № 35. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/03/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80-95-%D0%BE%D1%82-5.04.1942-%D1%81%D1%82%D1%80-4.jpg> (дата обращения: 20.07.2022). Помимо данной статьи в этом же номере была напечатана не менее жесткая заметка «Антисоветская провокационная стряпня в Анкарском суде», автор которой не был указан.

⁵ Сыракая С. Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45.

ветских газетах («Правда», «Известия» и «Комсомольская правда») в статье «Провокационный приговор»¹ было передано «недовольство советской общественности решением суда» и делался намек «на перемену в советско-турецких отношениях»². С. Сыракая подчеркивает, что в этот период дипломатические отношения между Советским Союзом и Турцией практически прекратились³. На позицию Москвы не повлиял и частичный пересмотр дела, «не освещенный советскими СМИ», в результате чего срок приговора по делу В. В. Павлова и А. П. Корнилова был снижен до 16 лет и 8 месяцев (в 1944 г. В. В. Павлов и А. П. Корнилов были выпущены на свободу)⁴.

По мнению С. Сыракая, более всего от жестких действий советской стороны выиграла Германия, которая желала испортить турецко-советские отношения и еще больше **вов-**лечь Турцию в орбиту своего влияния вместе с турецкой прессой, которая тайно или явно поддерживала Германию.

Официальное информационное агентство Германии «Дойче Нахрихтен Бюро» (ДНБ) опубликовало статью Д. Заславского, а 14 апреля 1942 г. Анатолийское агентство, заимствуя эту статью у ДНБ, внесло ее в печатный бюллетень⁵. И хотя, как отмечает С. Сыракая, «обе стороны (СССР и Турция – А. Б.) приняли необходимые меры, чтобы не было дальнейшего роста напряженности»⁶, Советский

С. 309. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ankarskogo-pokusheniya-na-otnosheniya-mezhdu-sssr-i-turtsiye> (дата обращения: 13.10.2020).

¹ После приговора Анкарского суда 17 июня 1942 г., согласно которому В. В. Павлов и А. П. Корнилов были приговорены к 20 годам заключения.

² Сыракая С. Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 310.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же. С. 310–311.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Так, она отмечает, что «турецкая пресса старалась максимально четко и беспристрастно представить события. В советской прессе, за исключением выпадов

Союз потерпел жестокое дипломатическое поражение. Как заключает автор статьи, «операция по покушению на фон Папена провалилась. Германский посол не погиб, зачинщики были найдены и привлечены к суду. Турецко-германские отношения не были испорчены или разорваны – даже наоборот: Турция стала более внимательно относиться к фон Папену <...> Во время слушания дела советской стороне было предъявлено обвинение — СССР предстал перед мировой общественностью инициатором неудавшейся попытки покушения»¹.

По сути, как следует из исследования С. Сыракая, в ходе «Анкарского покушения» повторилась ситуация берлинских переговоров 1940 г.: Советский Союз вновь потерпел неудачу, оставив информационное поле боя за своим противником. Причинами этого, по мнению турецких исследователей, являлись испорченные советско-турецкие отношения, отравленные ядом взаимных подозрений, и бесспорное преобладание германского влияния в Турции.

Итак, рассматривая политику Турции в 1941–1942 гг. в отношении Советского Союза, турецкие исследователи находят ее соответствующей политике нейтралитета и в значительной степени повлиявшей на положительный для Советского Союза исход Сталинградской битвы. Обострение советско-турецких отношений турецкие исследователи склонны расценивать как результат провокационной деятельности германской дипломатии и все более негативного отношения к Турецкой Республике со стороны Москвы. В этом отношении история покушения на Ф. фон Папена рассматривается в турецкой историографии как поражение советской дипломатии, посчитавшей антисоветские дей-

Заславского, не появлялось резких статей, и после вынесения решения суда советские газеты остановили публикации, связанные с покушением» (Там же. С. 311).

¹ Там же. С. 312.

ствия Берлина за политику самой Турции. На сегодняшний день турецкие историки признают враждебное отношение Анкары к Советскому Союзу на начальном этапе войны при отсутствии его демонстративного выражения. Такая политика, по их мнению, была подготовлена всем ходом советско-турецких отношений, в результате чего турецкий нейтралитет приобрел «плавающий» характер, что неизбежно отражалось на взаимоотношениях Советского Союза и Турции в течение всего периода советско-германского противостояния. Следует согласиться с мнением Н. Тамкина, который отмечает, что хотя попытка убийства Ф. фон Папена была второстепенной по сравнению с другими вопросами советско-турецких отношений, дело о покушении на германского посла продемонстрировало, насколько советско-турецкие отношения характеризовались взаимным недоверием¹.

2.2. На путях к послевоенному мироустройству (1943–1945 гг.)

Как турецкие, так и западные исследователи отмечают, что результаты Сталинградской битвы самым решительным образом повлияли как на ход войны, так и на состояние советско-турецких отношений. Концепция турецкой внешней политики начиная с февраля 1943 г. хорошо сформулирована в исследовании М. Ульгюля, который подчеркивает, что если ранее «нацистско-русская война принесла облегчение и радость в Турцию, поскольку две главные угрозы турецкой безопасности уничтожали друг друга², то теперь «период комфорта для Турции» закончился. «Сталинград-

¹ Tamkin N. Op. cit. P. 111.

² М. Ульгюль приводит в качестве примера один из лозунгов, которые, по его словам, отражали турецкие настроения: «немцы в постель, русские в могилу» (см. *Ulgul M.* Op. cit. P. 29).

ская битва изменила ход событий во Второй мировой войне и положила начало неизбежному разгрому гитлеровской Германии. <...> Сталинградская битва проложила путь к победе русских в Европе, и ввиду ослабления в результате войны Великобритании и Франции турецкие правители не хотели видеть полностью раздавленную Германию»¹. А. Кылыч, характеризуя турецкую внешнюю политику на заключительном этапе войны, также подчеркивал, что «турки были склонны надеяться на компромисс между Германией, Великобританией и Соединенными Штатами *в последнюю минуту*, чтобы предотвратить возможную советскую экспансию, а не принять безоговорочную капитуляцию Германии, которая разрушила бы баланс в Европе в пользу Советской России». Исследователь подчеркивал, что с этим страхом было связано нежелание турок «освобождаться» Красной армией².

Как отмечает М. Ульгюль, чтобы сохранить традиционную политику баланса сил, Турции необходимо было сильное государство против России в Европе³. Отныне тактикой турок было поддержание «мира» (т.е. нейтралитета – А. Б.) «до того, как Германия будет побеждена»⁴.

Вторая конференция в Касабланке⁵ еще в ноябре 1943 г. показала туркам, что их борьба не будет легкой. По словам М. Ульгюля, конференция завершилась неблагоприятными решениями для Турции. Главное состояло в том, союзниками была принята доктрина «безоговорочной капитуляции»

¹ *Ulgul M. Op. cit. P. 29.*

² *Kılıç A. Op. cit. P. 113.*

³ В дальнейшем это приведет к переориентации Анкары от Великобритании к США и полному отказу от традиционной политики балансирования в пользу блоковой ориентации — вступлению в НАТО в 1952 г.

⁴ *Ulgul M. Op. cit. P. 29.*

⁵ Первая конференция в Касабланке в период войны проходила с 14 по 24 января 1943 г.

Германии¹. «Для турок эта доктрина предусматривала не что иное, как большевистский контроль в Европе после войны и прекращение баланса сил, который предоставил жизненное пространство для небольших государств, таких как Турция». Это решение не позволяло Турции переориентировался с Великобритании на США, т.е. найти в ней новую точку опоры против Советского Союза. Следует отметить, что в рассматриваемый период надежды Анкары на США были напрасны. Как отмечает российский исследователь И. В. Смольняк, интересам Соединенных Штатов не соответствовало ввязываться в турецкие дела². На это «сетуют» в том числе и современные турецкие историки³. Согласно решениям конференции, Великобритания сохраняла свою ответственность за Ближний и Средний Восток, США в свою сферу ответственности получала Китай⁴.

Как следует из работы М. Ульгюля, после Сталинграда Турция сосредоточила свои усилия на том, чтобы минимизировать внешнеполитические потери. «Мощь Германии была подорвана, а Великобритания и Советский Союз стали союзниками. <...> Главной заботой турецких правителей был не агрессор, а возможный спаситель — Советский Союз»⁵. В качестве доказательства М. Ульгюль приводит разговор между генеральным секретарем МИД Турции Джеватом Аджикалыном и послом СССР в Тур-

¹ Имеется в виду заявление Ф. Д. Рузвельта, сделанное на пресс-конференции в Касабланке 24 ноября 1943 г., о том, что союзники будут вести войну против Германии, Италии и Японии до их «безоговорочной капитуляции» (Касабланкская конференция 1943 // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3589512 (дата обращения: 18.08.2022).

² Подробнее о политике США в отношении Турции в годы Второй мировой войны см. *Смольняк И. В.* Турция во внешнеполитических конструкциях США и СССР во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Вестник ВятГ У. 2016. № 9. С 13–24.

³ См.: гл. 3.2.

⁴ *Ulgul M.* Op. cit. P. 29.

⁵ Ibid. P. 28.

ции С. А. Виноградовым в ноябре 1943 г. когда последний обратился за помощью в греческом вопросе к Турции как союзнику Великобритании. «Аджикалын спросил: “что, если турецкая столица будет оккупирована немцами в качестве расправы? Когда Виноградов ответил, что в случае этой ситуации Россия поможет Турции, Аджикалын встал и сказал: это именно то, чего мы не хотим”». По мнению М. Ульгюля, ни Италия, ни Германия, ни Великобритания не влияли на тот момент на внешнюю политику Турции столь же значительно, как Советский Союз¹.

К схожим выводам приходит и Б. Р. Кунихолм. Он подчеркивает, что после Сталинградской битвы ситуация изменилась: немецкая военная угроза уменьшилась при увеличении угрозы со стороны СССР. В результате тревога Турции по поводу советских замыслов росла до самого окончания войны. «После зимы 1942–1943 годов турки снова посмотрели на Запад. На нескольких конференциях с лидерами союзников они показали, что опасаются советских намерений»². Б. Р. Кунихолм отмечал также, что хотя на «конференциях <...> между союзниками и Турцией в качестве источников опасения Турции выделялись два фактора: острота войны против Оси и историческое соперничество между Великобританией и Россией в Восточном Средиземноморье», в «соперничестве между двумя империализмами, угроза со стороны Советского Союза для турок было наиболее ощутимой»³.

Позиция СССР, по его словам, «стала еще более яростной» после упомянутой конференции в Адане в январе 1943 г.⁴ Последнее объясняется тем, что в ходе Аданской конференции наиболее важным было решение Великобри-

¹ Ibid.

² *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 21.*

³ Ibid. P. 21.

⁴ Ibid. P. 69.

тании и США снабдить Турцию современными видами вооружения, чтобы побудить ее вступить в войну против Германии и этим создать для западных держав выгодные политические позиции на Балканах до появления Советской армии. В связи с этим М. Алтынорс ссылается на советскую газету «Известия», где в сентябре 1943 г. была опубликована статья, в которой подчеркивалось, что Германия извлекла выгоду из турецкого нейтралитета. Отмечалось, что немцы воспользовались ситуацией на Балканах, где держали минимальные силы, и перебросили крупные воинские контингенты на Восточный фронт. И. В. Сталин предполагал, считает М. Алтынорс, что «терпимость» англичан и американцев к турецкому нейтралитету предотвратила возможность существенно ослабить немцев на Балканах. Советская пресса (по сути, советское политическое руководство. – А. Б.) настаивала, что переданное Турции оружие может быть использовано «против СССР, а не против Германии»¹.

По мнению турецких историков, в данном случае опасения «советов» были бы напрасны. Так, А. Кылыч подчеркивал, что «даже если бы союзники первыми оккупировали Болгарию, Югославию и Венгрию, влияние Сталина было таково, что русским было бы предложено участвовать в оккупации, и, возможно, России могли позволить “освободить” Турцию или войти в Турцию на правах союзника, если бы Турция участвовала в войне». «Кто мог тогда заставить Россию отказаться от Дарданелл», – задавал он риторический для турецкой историографии вопрос².

Таким образом, победа Советского Союза под Сталинградом внесла еще бóльшие осложнения в советско-турецкие отношения в связи с «небезупречным» поведением Анкары

¹ *Altınörs M.* Op. cit. P. 3.

² *Kılıç A.* Op. cit. P. 99.

в наиболее сложный для СССР период. О. Ишчи подчеркивает, что последствия сталинградского поражения Германии были предельно ясны с самого начала. «Турецкий нейтралитет решительно качнулся к Атлантике (к Великобритании и США. — *А. Б.*), в то время как турецко-германские отношения стали более нейтральными и холодными». Со своей стороны, «советы» прекрасно осознавали, что ухудшение турецко-германских отношений во многом связано с «осознанием Турцией серьезных успехов советских войск в битве на Волге в первые месяцы 1943 года»¹. Иными словами, советское правительство не считало необходимым скрывать, что охлаждение Турции к ее прежним симпатизантам не соответствует истинным чувствам Анкары. По сути, как отмечает Семих Гёкаталай², Советский Союз обвинил Турцию «в поддержке нацистов, поскольку та не вступила в войну с ними»³. Таким образом, подчеркивает О. Ишчи, отношение Турции к своим военным обязательствам (в данном случае перед Германией в виде пакта о ненападении от 18 июня 1941 г. — *А. Б.*) «стало источником постоянных опасений в Анкаре, главным образом из-за ухудшения военного положения Советского Союза»⁴.

Анкара не оставалась в долгу. По словам Б. Р. Кунихолма, если «Советы утверждали, что малые государства на границе Советского Союза (т.е. Турция — *А. Б.*) были враждебны к нему, что нейтралитет Турции был <...> более благоприятным по отношению к Германии и что позиция Турции обеспечила южный фланг Германии», то в ответ на это Турция «объясняла» западным союзникам, что ее

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 228.

² Семих Гёкаталай — исследователь Университета Сан-Диего (Калифорния, США).

³ *Gökatalay S.* Turkish press and the early cold war (1945–1950). In partial fulfillment the requirements for the degree of Master of Science in the department of Middle East Studies. Ankara, 2016. P. 13.

⁴ *Ibid.* P. 230.

поведение «было отчасти определено нацистско-советским пактом»¹. О. Ишчи указывал, что в конце войны И. Инёню, ссылаясь на пакт Молотова – Риббентропа, утверждал, что Турция предпочитала остаться нейтральной в то время, когда «Советы сочли необходимым пожать руку агрессору»².

Как бы подытоживая, А. Кылыч пишет, что «ввиду того, что главным критиком и обвинителем Турции в том, что касается ее внешней политики, являлась Советская Россия, следует помнить, что в 1939 году и вплоть до нападения немцев русские не только жили в мире с осяю, но называли их “верными союзниками” и придерживались благоприятной для них линии поведения. Только после того, как они действительно подверглись нападению, они стали “активными врагами фашизма”»³.

Более конкретное изменение позиции СССР в отношении к Турции турки видят в изменении его политики после конференции в Адане. После переговоров У. Черчилль 2 февраля 1943 г. написал И. В. Сталину письмо, в котором указал, что турки тревожатся за свое положение после войны, зная об отношении к ним со стороны СССР. Ответ И. В. Сталина, как отмечал А. Кылыч, был «довольно жестким». «Сталин указал, что турки далеко не всегда реагировали на дружеские жесты Советского Союза и что их международная позиция “оставалась туманной”». По мнению И. В. Сталина, было неясно, «как в нынешних обстоятельствах Турция думает соединить свои обязательства по отношению к СССР и Великобритании с ее обязательствами перед Германией»⁴. Таким образом, по мнению А. Кылыча, еще задолго

¹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 35.

² Isci O. Op. cit. P. 269.

³ Kılıc A. Op. cit. P. 113.

⁴ Ibid. P. 102. Имелись в виду обязательства, данные Анкарой Великобритании и Франции накануне Второй мировой войны, а также договоры с Советским Союзом и Германией перед нападением последней на СССР (см. гл. 1.1., 1.2).

до Тегеранской конференции во внешней политике Советского Союза обозначилась тенденция исключить Турцию из участников послевоенного мироустройства, которая доминировала до конца войны¹.

Следует отметить, что подобная точка зрения основана на уверенности в предвзятом отношении Советского Союза к Турецкой Республике и не учитывает того факта, что в рассматриваемый период военное положение СССР было еще не настолько обеспечено, чтобы пренебрегать услугами даже такого ненадежного партнера, как Анкара². Это подтверждается и в самих турецких исследованиях. Так, тот же А. Кылыч писал, что 24 ноября 1943 г. У. Черчилль проинформировал И. В. Сталина о своих планах в отношении Турции и особенно о предлагаемой совместной британо-советско-американской гарантии территориальной целостности Турции. И. В. Сталин в своем ответе выразил полное согласие с этими взглядами и заявил, что было бы очень желательно сделать все возможное, чтобы Турция вступила весной в войну на стороне союзников. *«По его словам, это имело бы большое значение в ускорении разгрома нацистской Германии (выделено нами. – А. Б.)»*³.

В то же время сама Турция не желала быть вовлеченной в войну. Все попытки Советского Союза обеспечить

¹ Это подтверждается и на отечественных материалах, однако гораздо более позднего времени. Так, в июле 1944 г. И. В. Сталин рекомендовал У. Черчиллю отказаться от попыток вовлечь Турцию в войну. При этом руководитель советского государства подчеркнул, что нейтралитет Турции исключает ее полноценное участие в послевоенном устройстве мира (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1–2. Т. 1. М., Политиздат, 1989. С. 278).

² У. Хейл отмечает, что в 1943 г. идея вступления Турции в войну по-прежнему поддерживалась СССР. Так, во время московской конференции министров иностранных дел стран-союзниц осенью 1943 г. 19 октября 1943 г. на встрече с госсекретарем США Корделлом Халлом В. М. Молотов подчеркнул, «что Турции необходимо прямо заявить о необходимости присоединения к Союзникам» (см. Hale W. Op. cit. P. 97).

³ Kılıç A. Op. cit. P. 102.

участие в ней Турции объясняются турецкими историками стремлением советской стороны ослабить военный потенциал Анкары, дабы обеспечить собственное доминирование на Балканах, не исключая оккупации самой Турции (т.е. проливов. — *А. Б.*). Наконец, само стремление Турции не допустить окончательного разгрома Германии не могло не вызвать ответной реакции Кремля. Судя по всему, понимали это и сами турки, не в силах ничего противопоставить растущему авторитету Советского Союза. Так, *О. Ишчи* подчеркивает, что наступление Красной армии на запад и «молчание» англичан «означало сдачу Советам Восточной Европы и Балкан». Турция со своей стороны вынуждена была ограничиться «тревогами о будущем»¹.

Таким образом, в рассматриваемый период в турецкой историографии выделяются два направления: отношение Советского Союза к вступлению Турции в войну и его попытки решить проблему контроля над черноморскими проливами, используя свое положение в антигитлеровской коалиции.

Для вступления Турции в войну, как утверждает *М. Бильгин*, «советы» использовали различные формы давления на Турцию. Так, по его словам, 28 июля 1943 г. *В. М. Молотов* «напомнил» генеральному секретарю МИД Турции *Дж. Аджикалыну*, что договор от 18 июня 1941 г., выгодный для Турции и Германии, был подписан в то время, когда было довольно хорошо известно, что Германия готовится к нападению на Советский Союз². «В другом угрожающем замечании, — продолжает *М. Бильгин*, — *Молотов* даже подразумевал применение советской силы». По словам советского наркома, «теперь международная обстановка и ее

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 229.

² *Bilgin M.* Op. cit. P. 46.

политические обстоятельства радикально изменились. Турции еще предстояло приспособиться к новым обстоятельствам <...> Такое поведение только подогревало подозрения Турции в отношении советских намерений». Наконец, «еще до Тегеранской конференции турецкий вопрос обсуждался на встрече Молотова с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом в Москве 1 ноября 1943 года. Была достигнута договоренность о том, что к Турции должно быть выдвинуто совместное требование о ее вступлении в войну»¹.

Данную тему продолжает М. Ульгюль, утверждая, что за месяц до Тегеранской конференции на уже упоминавшейся встрече Дж. Аджикалына и С. А. Виноградова (в ноябре 1943 г. — *А. Б.*) «советские чиновники» (в лице советского посла. — *А. Б.*) оказывали давление на турок, чтобы вовлечь их в войну. По мнению М. Ульгюля, «это показывает истинную природу советских намерений вовлечь Турцию в войну <...> Намерения Сталина состояли в том, чтобы <...> воспрепятствовать турецкой операции на Балканах (инициатива У. Черчилля. — *А. Б.*) и держать британские армии подальше от этого региона»².

На московской конференции 1943 г.,³ по словам М. Алтынорса, В. М. Молотов среди прочих выдвинул требование о «немедленном» вступлении Турции в войну. 1 ноября 1943 г. министры иностранных дел Великобритании и СССР подписали секретный протокол, который предус-

¹ Ibid. P. 47.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 29.

³ Московская конференция 1943 г. — конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившая в Москве с 19 по 30 октября 1943 г. В качестве главного мероприятия рассматривались вопросы высадки англо-американских войск в Северной Франции и открытия второго фронта весной 1944 г. В качестве «модератора» участие в конференции принимал В. М. Молотов, от Великобритании выступал министр иностранных дел Энтони Иден, от США — госсекретарь Корделл Халл.

матривал участие Турции в войне до конца 1943 г. и использование союзниками турецких авиабаз и других объектов¹.

Итак, с одной стороны, турецкие и британские историки отмечают, что на протяжении всего 1943 г. (до Тегеранской конференции) СССР прикладывал значительные усилия для привлечения Турции в войну, что могло обеспечить последнее участие в послевоенном мироустройстве. Как отмечал Т. Атаов, «на момент ноября–декабря 1943 г. участие Турции в войне было крайне желательно»². С другой стороны, турецкие и англо-американские исследователи указывают и на другую тенденцию – постепенное угасание интереса Москвы к возможному участию Анкары в антигитлеровской коалиции. Б. Р. Кунихолм в связи с этим пишет, что на отход России в конце 1943 г. от желательности вовлечения Турции «в войну против Оси» указывали два обстоятельства: Советский Союз хотел 1) создать ситуацию, которая позволила бы сделать возможной оккупацию Турции или 2) узаконить свои претензии на суверенитет Турции в проливах³. Об этом же говорит и У. Хейл. СССР, по его словам, «ясно давал понять о потере интереса к турецкому участию и противился любым попыткам использовать вооруженные силы Великобритании и США на балканской территории, поскольку это могло заблокировать послевоенные планы Сталина о доминировании в юго-восточной Европе»⁴.

То же отмечают и другие турецкие историки. М. Бильгин, ссылаясь на советские документы (к сожалению, не указывая, какие именно. – А. Б.), утверждает, что «советские руководители решили во что бы то ни стало обратить внимание Великобритании и США на турецкую проблему». По его словам, это было четко отражено в сообщении советского

¹ Altınörs M. Op. cit. P. 3.

² Ataöv T. İkinci Dünya Savaşı. Ankara: Birey ve toplum, 1985. S. 119.

³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 70.

⁴ Hale, W. Op. cit. P. 97.

посла С. А. Виноградова В. М. Молотову: «Турция теперь мешает союзникам транспортировать свои войска и технику на Балканы (это было связано с нежеланием Турции создавать для Германии повод для вмешательства. — А. Б.). По этой причине Турция становится помехой в глазах союзников. Теперь настало время для СССР получить британское и американское согласие на то, чтобы оказать давление на Турцию, чтобы добиться ее участия в войне. Если Турция откажется вступить в войну, это также будет полезно для нас, поскольку заложит основу для наших будущих требований (выделено нами. — А. Б.)»¹. В данном случае М. Бильгин имел в виду стремление заручиться поддержкой союзников для реализации требований в отношении проливов.

По выражению Б. Р. Кунихолма, на Тегеранской конференции² «кристаллизовалось» советское отношение к Турции, которое начало формироваться после Сталинграда³. М. Ульгюль обращает внимание на то, что на конференции «Сталин не так сильно, как Черчилль, желал втянуть Турцию в войну». Как отмечает М. Ульгюль, по этой причине И. В. Сталин поддерживал Ф. Д. Рузвельта, «который не хотел рисковать операцией “Повелитель (Оверлорд)” в Европе посылкой оборудования и войск в помощь Турции»⁴. Т. Атаов также указывает на то, что, формально поддер-

¹ Bilgin M. Op. cit. P. 43.

² Тегеранская конференция — первая за годы Второй мировой войны конференция «большой тройки» — лидеров трех стран: И. В. Сталина (СССР), Ф. Д. Рузвельта (США), У. Черчилля (Великобритания), состоявшаяся в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Вопросы, обсуждавшиеся в Тегеране, касались согласования военных действий против Германии и ее союзников. В результате дискуссий был окончательно решен вопрос об открытии США и Великобритании в течение мая 1944 г. второго фронта в Европе. Участники Тегеранской конференции пришли также к соглашению о необходимости принять меры для вовлечения Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции и об оказании помощи югославским партизанам (см. Тегеранская конференция (1943) // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4185205 (дата обращения: 21.08.2022)).

³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 70.

⁴ Ulgul M. Op. cit. P. 29.

живая У. Черчилля в плане вовлечения Турции в антигитлеровскую коалицию, И. В. Сталин выражал сомнение по поводу целесообразности такого шага. «Сталин признал, что Турция будет полезным союзником, но добавил, что кампания в восточном Средиземноморье будет пустой тратой времени, если прямой путь в Германию пройдет через Францию». Как подчеркивал исследователь, «Сталин хотел англо-американской помощи в Западной, а не в Южной Европе». По мнению Т. Атаова, в Тегеране лишь «Черчилль был самым активным сторонником вступления Турции в войну»¹. Тем не менее А. Гюдек отмечает, что несмотря на то, что в ответ на предложение У. Черчилля об участии Турции в войне «Сталин занял нейтральную позицию», лидерами держав было решено считать Тегеранскую конференцию последней возможностью, чтобы убедить Турцию вступить в войну к 15 февраля 1944 г. и «получить возможность использовать турецкие аэродромы, чтобы по окончании войны Турция смогла оказаться в числе государств-победителей»². По мнению Б. М. Поцхверия, И. В. Сталин дал согласие союзникам, стремившимся вовлечь Турцию в войну, поскольку правильно расценивал турецкую политику, полагая, что Турция не откажется от нейтралитета³.

Таким образом, как британские, так и турецкие исследователи утверждают, что в вопросе о привлечении Турции в войну Советский Союз играл провокационную роль, что выражалось не только в стремлении обеспечить свое доминирование в балканском регионе, но и решить ряд геополитических задач за счет суверенитета Турции. Именно этим О. Ишчи объясняет тот факт, что И. В. Сталин не проявил энтузиазма по поводу предложения У. Черчилля о турецко-

¹ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy P. 113.*

² *Гюдек А. Указ. соч.*

³ *Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 358.*

американском соглашении о ленд-лизе для Турции¹. «После Тегеранской конференции в ноябре 1943 года Инёню быстро осознал, что Сталин не был заинтересован крупномасштабным вооружением Турции, поскольку на пути Красной армии на Балканах могла бы встать оснащенная турецкая армия, действующая в тандеме с союзниками»². А. Кылыч в связи с этим приводил в своем исследовании слова Неджемеддина Садака (о нем см. выше), который в период войны утверждал, что «если бы Турция пошла на войну, когда она была без оружия, в полной изоляции и без надежды на помощь, немецкие войска заняли бы ее территорию в течение нескольких недель. Позже Красная Армия освободила бы ее, так как она освободила Польшу, Балтийские страны, Румынию, Болгарию»³.

Как подчеркивают исследователи, главной геополитической задачей, реализации которой Москва стремилась добиться в первую очередь, было решение проблемы черноморских проливов. В исследовании Ипек Арыюгул⁴ утверждается, что Советский Союз стремился к тому, чтобы успеть получить гарантии от Запада, «чтобы иметь контроль над проливами до конца войны. Известно, что премьер-министр Великобритании Черчилль обещал Сталину такой доступ на Тегеранской конференции в 1943 году и снова в Москве в 1944»⁵. М. Бильгин также утверждает, что во время войны советское правительство использовало различную тактику, чтобы поставить вопрос о проливах на конференциях и попытаться убедить Великобританию и Соединенные Штаты «в необходимости изменить Кон-

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 230.

² *Ibid.*

³ *Kılıç A.* Op. cit. P. 113.

⁴ Ипек Арыюгул – исследователь Университета Билькент (Анкара).

⁵ *Arioğlu İ.* American Turkish Relations 1945–1960: The Roots of a Long-Term Alliance (In Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree Of Master of Arts). Ankara, 2003. Pp. 9–10.

венцию Монтрё на новый режим, который удовлетворил бы Москву»¹. По его словам, эта тактика заключалась в том, чтобы, скрывая свою конечную цель (поставить Турцию в положение своего сателлита. – А. Б.), убедить союзников: единственная цель СССР состоит в пересмотре конвенции о проливах, а затем путем периодического давления двигаться к конечной цели².

Процесс этот, по мнению М. Бильгина, начался тогда, когда И. В. Сталин поднял вопрос о «портах теплых морей» на Тегеранской конференции. 30 ноября 1943 г. в беседе с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом И. В. Сталин сказал, что, поскольку у России нет выхода к теплым морям, необходимо установить новый режим проливов. «Он попросил помощи у Черчилля <...> Все трое согласились, что Дарданеллы должны быть свободны для торговли всего мира»³.

Несколько иная позиция у западных историков. Так, профессор Джеффри Робертс⁴ признает, что хотя инициатива о предоставлении Советскому Союзу права свободного и неограниченного доступа в проливы принадлежала У. Черчиллю, «Сталин, воспользовавшись случаем, поднял вопрос о контроле Турции над черноморскими проливами и необходимости пересмотра транзитного режима в пользу Советского Союза»⁵. На наш взгляд, более объективно вопрос рассмотрен в монографии Б. Р. Кунихолма. Он подчеркивает, что инициатива о «либерализации режима проливов для СССР» принадлежала У. Черчиллю, который хотел таким образом ускорить вступление Турции в войну. Б. Р. Куни-

¹ Bilgin M. Op. cit. P. 43.

² Ibid. P. 45.

³ Ibid.

⁴ Джеффри Робертс – профессор Университета Корк (Республика Ирландия).

⁵ Roberts G. Stalin at the Tehran, Yalta, and Potsdam Conferences // Project MUSE. Scholarly journals online. URL: https://www.academia.edu/21831434/Stalin_at_the_Tehran_Yalta_and_Potsdam_Conferences?auto=download&email_work_card=download-paper (дата обращения: 23.08.2022).

холм отмечает, что «Черчилль <...> сказал, что он лично выступает за изменение режима проливов, если Турция окажется упрямой»¹. «Сталин, который ранее отметил, что в надлежащее время вопрос может быть обсужден, сказал, что не спешит с этим вопросом. Черчилль повторил, что вопрос был законным и что он надеется увидеть российские военно-морские и торговые флоты на всех морях мира»².

Таким образом, У. Черчилль декларировал готовность Великобритании признать право СССР *иметь свободный и неограниченный доступ в проливы*. Советская сторона, поддерживая британскую инициативу, тем не менее предложила переключиться на более актуальные вопросы. Основываясь на документах Тегеранской конференции, следует признать справедливость оценок американского исследователя³. Что касается столь сдержанного отношения И. В. Сталина к британским инициативам, то оно говорит о том, что СССР были понятны причины, по которым У. Черчилль сделал свое предложение – заставить Турцию вступить в войну, предотвратив тем самым появление советских войск на Балканах. Так, Т. Атаов, оценивая итоги Тегеранской конференции, пишет, что «30 ноября Рузвельт, Черчилль и Сталин обсудили вопрос о доступе России к свободным ото льда портам на запад к Балтике, на юг через турецкие проливы и восток до Тихого океана. Ни Черчилль, ни Рузвельт не возражали против русских претензий в этом отношении, *однако определенных договоренностей достигнуто не было* (выделено нами. – А. Б.). Само советское руководство, начиная с конца 1943 г., было все меньше настроено на вступление Турции

¹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 44.

² Ibid. P. 42.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М.: Политиздат, 1978. С. 127, 141, 158.

в войну, поскольку стремительное наступление советских войск в южном направлении делало это невыгодным»¹.

Таким образом, *именно на Тегеранской конференции впервые за всю войну* Москва поставила вопрос о пересмотре конвенции Монтрё в свою пользу, используя влияние в антигитлеровской коалиции, резко усилившееся по мере приближения советских войск к границам Центральной и Юго-Восточной Европы. Турецкими историками не учитывается тот факт, что актуализация данного вопроса принадлежала британскому премьер-министру, в то время как И. В. Сталин, обосновавший на конференции право СССР на черноморские проливы, исходил из необходимости добиться подтверждения этого права со стороны союзников. Пересмотр режима черноморских проливов в условиях продолжающейся войны на тот момент не входил в планы советского лидера. Так, М. Бильгин отмечает, что в разговоре с У. Черчиллем В. М. Молотов также «сказал премьер-министру Великобритании, что Советский Союз как черноморская держава проявляет особый интерес к Дарданеллам, но советское правительство пока не собиралось на этом настаивать»².

С другой стороны, понятно и негативное отношение турецких исследователей к самой постановке этого вопроса, поскольку на конференции *без участия Турции* обсуждалась проблема, затрагивавшая ее суверенитет. Как отмечает О. Ишчи, после Тегеранской конференции «турецкие политики начали осознавать, что окончание войны не приведет к возвращению к положению дел образца 1939 года»³.

Комментируя положение Турции после Тегеранской конференции, Т. Атаов обращал внимание на заметно ухудшившееся международное положение Турции. По словам

¹ Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 114–115.

² Bilgin M. Op. cit. P. 43.

³ İsci O. Op. cit. P. 230.

Т. Атаова, в связи с изолированным положением страны и все более очевидным поражением Германии турецкое правительство решило вступить в войну¹. Данное решение, как подчеркивают турецкие историки, не означало, что Анкара была готова начать военные действия против Германии даже после официального разрыва отношений². К тому же, как отмечал Т. Атаов, «в это время западные лидеры не хотели видеть Турцию на войне, чтобы не вызывать недовольство СССР»³. Поэтому в условиях, по выражению Т. Атаова, «новой изоляции»⁴ турки были вынуждены проводить более примирительную политику в отношении Советского Союза, вернувшись на короткое время к практике 30-х гг. – конструированию положительного имиджа СССР в глазах турецкого общественного мнения⁵.

К. Джумхур указывает, что «на почве политического напряжения этого периода» Турция применяла различные меры, «чтобы не потерять доверие Советского Союза». С 1944 г. Анкара остановила продажу сырья Германии, не приняла крымских татар, которые воевали против Советской армии, запретила проход германских судов через проливы и т. д.⁶. Т. Атаов отмечал также, что в середине мая 1944 г. турецкая полиция пресекла деятельность пантюркистской организации, требовавшей независимости для тюрков, проживающих в Советском Союзе. В полном соответствии с риторикой 20–30-х гг. президент Турецкой

¹ Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 31.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Т. е. после периода «первой изоляции» – национально-освободительной борьбы, кемалистской революции и вхождения республиканской Турции в международное сообщество уже в новом качестве.

⁵ Bilgin P., Coş K. Op. cit. P. 53.

⁶ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 40.

Республики И. Инёню в публичном выступлении, посвященном Национальному дню молодежи (19 мая 1944 г.) говорил о Советской России как о «старом и подлинном друге Турции времен войны за независимость»¹.

Была предпринята попытка ликвидировать последствия «пантуранистских устремлений», серьезно осложнивших советско-турецкие отношения в 1941–1942 гг. Как уже отмечалось, Ш. Чалыш подчеркивал, что ввиду сближения Турции во второй половине 1944 г. с Великобританией и США возникла необходимость запретить пантуранистскую деятельность и принять меры по избавлению от людей, которые были известны как пантуранисты, чтобы частично урегулировать отношения с Советским Союзом по этому вопросу². Поэтому сначала маршал Февзи Чакмак (несомненно, под давлением И. Инёню. – А. Б.) в 1944 г. был вынужден уйти в отставку с поста начальника Генерального штаба. В мае 1944 г. были арестованы крупнейший турецкий идеолог и теоретик пантюркизма Нихал Акыз и его соратники. По словам Ш. Чалыша, поводом для ареста послужили его обвинения Ш. Сараджоглу и правящей Народно-республиканской партии Турции в коррупции³.

Как отмечал Т. Атаов, именно военные успехи СССР сделали невозможным для Турции по-прежнему избегать союза со странами антигитлеровской коалиции. Анкара решила разорвать дипломатические отношения с Германией 2 августа 1944 г.⁴ Однако политика нейтралитета «с турецкой спецификой» была продолжена. Как было отмечено выше, разрыв с Германией не означал, что Анкара была готова

¹ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy.* P. 119–120.

² *Çalış Ş.* Op. cit. P. 108.

³ *Ibid.*

⁴ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy.* P. 123.

3 января 1945 г. Турция разорвала свои дипломатические и коммерческие отношения с Японией.

начать против нее военные действия. По словам Т. Атаова, «премьер Сараджоглу отметил, что решение Турции разорвать отношения с Германией *не является объявлением войны*», премьер-министр отметил, что лишь будущее должно было решить это (выделено нами. – А. Б.). Турецкий исследователь подчеркивает, что, тем не менее, после разрыва германо-турецких отношений «правительство <...> освободило обвиняемых в нападении на фон Папена из тюрьмы»¹ (см. выше).

Таким образом, разрядка в советско-турецких отношениях не состоялась. В турецкой историографии вину за это полностью возлагают на Советский Союз. Турецкие историки подчеркивают не только равнодушие, но и явную незаинтересованность Москвы в приобретении еще одного партнера по коалиции. О. Ишчи следующим образом описывает реакцию руководителей внешней политики СССР на известие о разрыве турецко-германских отношений: «За несколько часов до заявления Турции о разрыве всех торговых и дипломатических отношений с Германией посол США в Москве (Аверелл Гарриман². – А. Б.) встретился с заместителем наркома по иностранным делам Андреем Вышинским, чтобы “почувствовать настроение Кремля”. Он заявил, что США рассматривают разрыв с Германией как первый шаг к вовлечению Турции в войну. Вышинский, однако, сказал А. Гарриману, что просто не верит, что такой курс действий послужит какой-либо полезной цели, и отметил, что Турция *“теперь должна быть оставлена на произвол судьбы* (выделено нами. – А. Б.)”»³. Выделенный фрагмент заслуживает особенного внимания, поскольку

¹ Ibid. Pp. 123–124.

² Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) – американский промышленник, государственный деятель и дипломат. В 1941–1943 гг. – специальный представитель президента США в Великобритании и СССР. Отвечал за межсоюзническое взаимодействие по ленд-лизу. В 1943–1946 гг. – посол США в СССР.

³ Isci O. Op. cit. P. 254.

является в турецкой историографии лейтмотивом для объяснения политики Советского Союза в отношении Турции до конца войны.

По мнению О. Ишчи, «Советы <...> решили держаться в стороне от Турции» и отказывались признать, что разрыв Турции с Германией или даже вступление в войну наступит достаточно скоро, чтобы оказать реальную помощь в разгроме Германии. В соответствии с этой политикой Советы получали любые выгоды от действий Турции без всяких обязательств перед Турцией после войны»¹. Поэтому, заключает исследователь, когда 26 августа 1944 г. турецкое правительство сообщило Советскому правительству, что оно в значительной степени выполнило желания союзников² и что тесное сотрудничество между двумя правительствами стало более реальным, «российское правительство ответило, что вступление Турции в войну *не принесет никакой пользы и больше не требуется* (выделено нами. – А. Б.)». «Затем турецкое правительство предложило совместное заявление, подчеркивающее дружественные отношения между Турцией и Россией, на что российское правительство ответило, что такое заявление ничего не добавит к уже заключенным договорам»³.

Б. Р. Кунихолм дает иную интерпретацию событий. Он пишет, что Н. Менеменджиоглу в конце мая 1944 г. предложил соглашение между Турцией и СССР, предусматривающее политическое сотрудничество. Советское правительство было готово заключить такое соглашение в случае разрыва Турцией отношений с Германией и вступления в войну на стороне союзников⁴. Иными словами, американ-

¹ Ibid. P. 255.

² Имелся в виду разрыв дипломатических отношений с Германией и разблокирование проливов для судов антигитлеровской коалиции.

³ Ibid. P. 255.

⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 55.

ский исследователь утверждает, что политический диалог между Москвой и Анкарой был еще возможен в случае *немедленного* вступления Турции в войну. Этого не произошло.

Таким образом, О. Ишчи фиксирует сознательный отказ Советского Союза от любых форм сотрудничества с Турцией еще до окончательного разгрома Германии. Следует отметить, что во многом советские прогнозы о бесперспективности военного сотрудничества с Турцией оказались верны. Прежде всего это касалось сомнительной политики турецкого нейтралитета на предшествующем этапе войны и явное нежелание Анкары воевать с Германией. С другой стороны, подчеркнутое неприятие любых инициатив турецкой стороны по восстановлению советско-турецких отношений, хотя бы в частичном виде, дало основание турецким историкам утверждать о желании Советского Союза добиться в перспективе территориальных компенсаций за счет Турецкой Республики. Об опасности такого сценария писал А. Кылыч¹. Он же указывал, что, несмотря на разрыв турецко-германских отношений 2 августа 1944 г., «зима 1944–1945 годов закончилась глубоким беспокойством Турции в отношении Советской России. И правительство, и народ становились все более обеспокоенными продвижением русских на Балканах и англо-американским умиротворением по отношению к ним». По его мнению, как и в 1943 г., действия России вновь указывали на желание либо создать ситуацию, которая сделала бы возможной оккупацию Турции, либо ограничить турецкий суверенитет в проливах².

Впрочем, Б. Р. Кунихолм указывает на то, что в рассматриваемый период возможности для оздоровления советско-турецких отношений отсутствовали и причины заключались

¹ *Kılıç A.* Op. cit. Pp. 99, 113.

² *Ibid.* Pp. 108, 168.

не только в методах советской внешней политики. Так, он отмечает, что «перехваты» (т.е. дешифровка дипломатической переписки. – *А. Б.*) указывали на то, что после Тегерана Турция продолжала попытки создать антисоветский блок из стран оси и западных участников антигитлеровской коалиции для предотвращения «большевизации» Европы. «В феврале 1944 года, – отмечает Б. Р. Кунихолм, – Менеменджюоглу объявил, что Турция и другие балканские страны потеряли бы многое и ничего не приобрели бы от союза с СССР, и говорил о британско-американско-германском союзе против Советского Союза»¹. «Если первая фаза ее (Турции. – *А. Б.*) дипломатии военного времени состояла в том, чтобы противостоять военным угрозам со стороны как нацистов, так и Советов, то теперь она вступила во вторую: ограничить влияние России в Восточной Европе в конце войны»².

Стали ощутимы и последствия нейтралитета с «турецкой спецификой». Они хорошо изучены в монографии Б. Р. Кунихолма, который отмечал, что в результате «взаимные обвинения в прошлой политике испортили отношения». Советский посол в Турции С. М. Виноградов подтвердил недовольство Советского Союза турецкими торговыми и договорными отношениями с Германией, обстоятельствами покушения на Ф. фон Папена и «предполагаемым пантурсизмом» на Кавказе³. На последнее обстоятельство как одну из причин неудачи в восстановлении советско-турецкого диалога после войны указывает и Ш. Чалыш. Он подчеркивает, что причина того, что Турция пережила чувство изоляции после Второй мировой войны и вынуждена была «бороться» с русскими в одиночку до 1947 г.,⁴ заключалась

¹ Kuniholm B. R. P. 172.

² Ibid. P. 51.

³ Ibid. P. 173.

⁴ 1947 г. – начало оказания в рамках «Доктрины Трумэна» военной и материальной помощи народам, борющимся с коммунизмом (в данном случае – Греции

в том, что последние не забыли отметить «тюркистские подходы» некоторых кругов во время войны¹.

Наиболее острой проблемой оставались проливы. Обратимся вновь к монографии Б. Р. Кунихолма, поскольку турецкая позиция по этому вопросу близка точке зрения американского исследователя. В условиях «все большей изоляции, – пишет Б. Р. Кунихолм, – Турция <...> начала менять свою позицию, надеясь успокоить союзников примирительной политикой»². То же самое отмечает и турецкий исследователь Хазал Папучуллар, считающая, что Турция хорошо осознавала проблемы, с которыми ей придется столкнуться в будущем ввиду того, что «отчуждение Великобритании и США совпало с советскими амбициями именно в отношении проливов»³.

Еще в июне 1944 г. последовали турецкие уступки союзникам. Так, в результате прохода двенадцати немецких судов из Черного в Эгейское море союзники в очередной раз выразили протест Анкаре. Советские и британские дипломатические представители и ранее жаловались на нарушение конвенции Монтрё, однако эти жалобы, по мнению Б. Р. Кунихолма, «не имели большого эффекта, потому что вопросы были незначительными и касались противоречивых толкований конвенции»⁴⁵. Однако теперь турки были более склонны учитывать требования союзников.

Рассматривая проблему проливов в советско-турецких отношениях, этот исследователь обращает внимание прежде

и Турции). Более подробно см. далее в сносках.

¹ Çaliş Ş. Op. cit. P. 111.

² Ibid. P. 51.

³ Papuçular H. Op. cit. P. 8.

⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 53.

⁵ По мнению Н. Г. Киреева, ситуация была иная. Характеризуя атмосферу того периода, он пишет, что нарушения Германией конвенции Монтрё продолжались, пока ее войска не были изгнаны Советской армией из черноморских портов. «В 1944 г. <...> немцы пытались выводить свои небольшие военные вспомога-

всего на особенности КМ-36, подчеркивая, что «Конвенцию Монтрё никогда не было легко интерпретировать»¹. Излагая проблемы с определением статуса боевых кораблей в военное время, Б. Р. Кунихолм обращает внимание на то, что военные корабли (далее ВКР. – А. Б.) «были узко определены» (ст. 2; Приложение II)², а суда «водоизмещением менее 100 тонн были исключены из определения»³. «Как следствие, конвенция должным образом не учитывала новые типы судов, вспомогательных для обычных военных кораблей. Также не учитывались те суда весом до 100 тонн, которые, хотя они и не были охвачены определениями, фактически могли использоваться в военных целях»⁴.

По мнению Б. Р. Кунихолма, сложности с правовыми определениям ряда «военных» статей КМ-36 объясняли и, судя по его монографии, даже оправдывали позицию министра иностранных дел Турции Нумана Менеменджиоглу,

тельные корабли, закамуфлированные под торговые. Часто они проходили как торговые *под честное слово Папена* (выделено нами. – А. Б.). По требованию английских и советских дипломатов турки нехотя стали проверять некоторые суда, и оказывалось, что они провозят вооружение, электронное оборудование, боеприпасы и даже переодетых в гражданское военных. Произошел случай, когда шедшее из Черного моря в Эгейское судно «Кассель» турки попытались досмотреть, но получили от экипажа отказ. Досмотр все же состоялся, и стало очевидно, что это – вспомогательное военное судно <...> перевозившее 30-тонный кран и тяжелую пулеметную установку» (см. *Киреев Н. Г.* Указ. соч. С. 244.). Все это фиксируют британские и турецкие исследователи, но с иными выводами (см. далее).

¹ Ibid. P. 53.

² Следует отметить, что Б. Р. Кунихолм допустил ошибку, поскольку ст. 2. Раздела «А» *Стандартное водоизмещение* (Приложение II) дает определения подводным лодкам. Ст. 2. Раздела «В» *Классы* дает определение авианосцам. Возможно, эту статью имеет в виду американский исследователь, называя определение военных кораблей «узким». Следует, однако, отметить, что полностью понятие надводного корабля содержится в ст. 1 упомянутого Раздела «А», и оно представляется достаточно проработанным: см. КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247?section=text> (дата обращения: 20.02.2022).

³ В ст. 6. Раздела «В» *Классы* действительно дается определение лишь вспомогательным надводным *кораблям*, стандартное водоизмещение которых выше 100 тонн (102 метрические тонны). (см. КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов).

⁴ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 53.

политику которого Н. Г. Киреев называет политикой «нейтралитета в пользу Германии»¹. По мнению же Б. Р. Кунихолма, ввиду сложившихся обстоятельств Н. Менеменджиоглу лишь строго следовал букве закона². Он подчеркивает, что Н. Менеменджиоглу полагал, что иное толкование может принести только ущерб Турции. Согласно толкованию Н. Менеменджиоглу, Турция не нарушала конвенцию, не пропуская в Черное море военные корабли антигитлеровской коалиции³. Что касается пропуска закамуфлированных под гражданские военных судов Германии, то Б. Р. Кунихолм объясняет это тем, что в соответствии с КМ-36 турки имели право только на быстрый осмотр кораблей, которые, по заверению Ф. фон Папена, были вспомогательными военноморскими судами, «их ограниченный осмотр не выявил ничего, что могло бы противоречить словам посла Германии, и судам было разрешено проходить»⁴⁵.

Как представляется, такое объяснение скорее оправдывает турок, чем юридически обосновывает их действия⁶. Даже турецкие исследователи не отрицают того факта, что Н. Менеменджиоглу был настроен откровенно антироссийски⁷. «Доводы» Ф. фон Папена лишь подтверждают аргументы

¹ Киреев Н. Г. Указ. соч. С. 265.

² Kuniholm B. R. Op. cit. P. 53.

³ Ibid. P. 54.

⁴ Б. Р. Кунихолм имеет в виду ст. 3 КМ-36, согласно которой судно, вошедшее в проливы из Эгейского или Черного морей, должно было быть досмотрено «с максимально возможной быстротой». Согласно же ст. 4, «во время войны, когда Турция не является воюющей стороной, торговые суда, независимо от флага и груза (выделено нами. – А. Б.), будут пользоваться правом свободы прохода и плавания в Проливах, на условиях, предусмотренных в статьях 2 и 3». (КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов). Б. Р. Кунихолм упускает из виду, что речь идет о санитарном досмотре и стремлении путем быстрого досмотра предотвратить возможные негативные последствия.

⁵ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 54.

⁶ При этом, разумеется, надо иметь в виду, что в это время Европейская Турция была сдавлена с юга и севера оккупационными войсками вермахта в Болгарии и Греции.

⁷ Isci O. Op. cit. P. 96.

Н. Г. Киреева, что история с германским военным судном «Кассель» показывает, насколько неудовлетворительным был турецкий досмотр судов, что признает и сам Б. Р. Кунихолм. Во многом поэтому 15 июня 1944 г. И. Инёню отправил в отставку министра иностранных дел Н. Менеменджиоглу, поскольку его политика прогерманского нейтралитета уже не соответствовала изменившейся международной обстановке, а именно высадке англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г.¹ По словам того же Б. Р. Кунихолма, У. Черчилль в личном послании убедил И. Инёню, что отставка Н. Менеменджиоглу необходима². Б. Р. Кунихолм признает, что «после отставки Менеменджиоглу турки отныне запрещали проходить через проливы определенным классам германских кораблей и приказали проводить интенсивную проверку *всех* (выделено нами. – А. Б.) немецких судов, претендующих на проход»³.

Тем не менее, характеризуя Н. Менеменджиоглу, имеющего как в российской, так и в турецкой историографии репутацию германофила, Б. Р. Кунихолм объясняет его действия прежде всего «страхом перед Советами. Его основной задачей при исполнении служебных обязанностей была защита национальных интересов Турции – цель, которую он выполнил *при полном одобрении правительства* (выделено нами. – А. Б.)»⁴.

Итак, по мнению Б. Р. Кунихолма, в период войны Турция справилась с ролью регулятора правового режима черноморских проливов. Некоторые нарушения Анкарой своих контрольных функций этот исследователь связывает со сложным геополитическим положением страны, а политику Н. Менеменджиоглу – прежде всего с тем, что в понимании

¹ Киреев Н. Г. Указ. соч. С. 265.

² Kuniholm B. R. Op. cit. P. 54.

³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 54–55.

⁴ Ibid. P. 54.

главы турецкого МИДа опасность со стороны Советского Союза была большей по сравнению с германской угрозой. Данные аргументы не могут быть приняты в расчет, поскольку предпочтения в пользу одной из воюющих сторон поставили под сомнение компетенцию Турции как регулятора проливов. Как отмечалось, печальный опыт турецкого «суверенитета» над проливами в годы Второй мировой войны, как мы увидим в дальнейшем, послужил основной причиной постановки СССР вопроса о пересмотре ряда положений конвенции Монтрё.

Вплоть до окончания войны советско-турецкие отношения отличались разным уровнем враждебности. По словам Х. Папуччулар, позиция Советского Союза по отношению к Турции оставалась проблематичной, «показывая признаки будущих напряженных месяцев»¹. Б. Р. Кунихолм отмечает, что в 1944 г. Советский Союз продолжал «отражать попытки Турции либо возобновить существующие договора, либо вести переговоры по новым. Летом 1944 года Советы отказались удовлетворить просьбу своих западных союзников о том, чтобы попросить Турцию сделать что-либо меньшее, чем вступить в войну»². Как подчеркивает Б. Р. Кунихолм, вопреки интересам антигитлеровской коалиции Советский Союз жестко настаивал на участии Турции в войне.

Иными словами, по мнению исследователя, Советский Союз сознательно преследовал цель втянуть неподготовленную Турцию в войну, спровоцировав, таким образом, ее «освобождение» и последующую оккупацию³. Данная точка зрения распространена и в турецкой историографии.

Г. Баба подчеркивает, что Анкара была особенно обеспокоена стремлением СССР к проливам, опасаясь, что СССР может убедить США и Великобританию в справед-

¹ *Papuççular H.* Op. cit. P. 8.

² *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 70.

³ *Ibid.* P. 55.

ливости своих требований. По мнению Г. Баба, обеспокоенность была обоснованной. Он отмечает, что в 1944 г. в телеграмме Управления британскими доминионами говорилось, что для улучшения отношений с Советским Союзом США и Великобритании могут предложить турецкому правительству «сделать <...> заявление о том, что они (турки. – А. Б.) приветствуют освобождение Эгейского моря» для открытия нового маршрута поставок в Россию через проливы. «В телеграмме Рузвельта Черчиллю также говорилось, что проливы станут предметом переговоров союзников»¹.

Турецкие историки отмечают, что это произошло на конференции в Москве в 1944 г.² Данная конференция была важным этапом на пути к Ялте. В связи с этим исследователи отмечают, что на Московской конференции в отличие от Тегерана именно И. В. Сталин предложил конкретное обсуждение вопроса о пересмотре конвенции Монтрё. Также они подчеркивают, что в своих претензиях он получил полную поддержку премьер-министра У. Черчилля³.

Наиболее развернутое мнение И. В. Сталина на решение «проливного» вопроса во время Московской конференции излагает Ф. Ахмад. По его словам, «вопрос о проливах снова возник, когда Сталин и Черчилль встретились в Москве в октябре 1944 года, чтобы обсудить послевоенную Европу

¹ *Baba G.* Op. cit. P. 78.

² Четвертая Московская конференция, известная как второй визит Черчилля в Москву (9–19 октября 1944 г.) проходила между основными союзниками во Второй мировой войне. Главными представителями СССР на конференции были руководитель советского государства И. В. Сталин и нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов. Основными представителями Великобритании были премьер-министр У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден. Вопросами, которые обсуждались на конференции, были: вступление Советского Союза в войну против Японии, послевоенный раздел Балкан в форме предлагаемого т.н. «Соглашения о процентах» (неофициальная договоренность о разделе Юго-Восточной Европы по процентному соотношению. – А. Б.) и будущее Польши.

³ *Arioğul İ.* Op. cit. P. 10; *Papuçcular H.* Op. cit. P. 8.

и разделить ее на сферы влияния¹. Сталин вновь поднял вопрос о Болгарии² и пересмотре конвенции 1936 года. «Как насчет прав России на контроль над Черноморскими проливами?» [спросил он]. Конвенция Монтрё 1936 года о входе в Черное море дала Японии столько же прав, сколько и России. Если Британия заинтересована в Средиземном море, то Россия была в равной степени озабочена режимом Черного моря, который все еще находится под контролем Турции». «“Что будет делать Британия, если Испания или Египет получают право закрыть Суэцкий канал, или что скажут Соединенные Штаты, если какая-то южноамериканская республика получит право закрыть Панамский канал? Россия оказалась в худшем положении”». Ф. Ахмад пишет, что У. Черчилль предложил решить вопрос так, чтобы «не пугать Стамбул»³. То же отмечает и Б. Р. Кунихолм.

М. Бильгин также подчеркивает, что премьер-министр Великобритании согласился с тем, что «у России есть право и моральные претензии (на проливы. — А. Б.)». На втором заседании 17 октября У. Черчилль «продолжал следовать своему примирительному заявлению о необходимости компромисса между устремлениями России и территориальной целостностью и суверенитетом Турции. Он заверил Сталина, что выступает за свободный доступ в Средиземное море для советских торговых судов и военных кораблей». Как и Ф. Ахмад, М. Бильгин обращает внимание на то, что

¹ Имеется в виду «Соглашение о процентах», предложенное У. Черчиллем И. В. Сталину на 4-й Московской конференции в октябре 1944 г.

² 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии, придерживающейся в период войны политики нейтралитета. 8 сентября 1944 г. Советская армия вошла на территорию Болгарии, где с 8 на 9 сентября власть перешла к сторонникам антигитлеровской коалиции. В дальнейшем благодаря поддержке СССР Болгария получила право на участие в войне против Германии на ее завершающей стадии. Таким образом, Болгария в конце войны оказалась среди держав-победительниц, что с точки зрения будущего мирного договора имело для нее ключевое значение (см. История южных и западных славян. Т. 2. С. 43, 157). Ценой этого стало вхождение страны в сферу влияния Советского Союза.

³ *Ahmad F. Op. cit.* P. 23.

Великобритания хотела привести Турцию к этому (ревизии КМ-36. – *А. Б.*) «осторожными шагами»¹. Подобно другим исследователям, он утверждает, что одной из основных целей манипуляций Москвы было «изолировать Турцию» и уничтожить англо-турецкий альянс» (Анкарское соглашение 1939 г. – *А. Б.*)». В этом случае «советы», в случае вступления Турции в войну, могли оккупировать турецкие проливы как «освободители»².

Соглашаясь с М. Бильгином, М. Ульгюль утверждает, что британская политика в отношении СССР не отличалась от «политики умиротворения» Н. Чемберлена в отношении А. Гитлера до Второй мировой войны. Поэтому эта ошибочная тактика во внешней политике по отношению к Советскому Союзу была одним из важных факторов, которые открыли путь к предстоящим советским требованиям в 1945 г.³ В связи с этим интересно отметить, что Б. Р. Кунихолм, наоборот, отмечает, что к концу войны турки надеялись на жесткую позицию Великобритании относительно требований СССР в «проливном» вопросе⁴.

Анализируя выводы упомянутых исследователей, следует выделить в них ряд неточностей. Во-первых, явно преувеличено расположение У. Черчилля к Советскому Союзу. Следует отметить, что турецкие исследователи считают заинтересованность Великобритании в своем советском союзнике едва ли не основной причиной неспособности британских дипломатов оказать реальную помощь Турции против советских претензий. Между тем в июле 1944 г. в ответ на известие о решении Анкары разорвать турецко-германские отношения И. В. Сталин рекомендовал У. Черчиллю отказаться от попыток вовлечь Турцию

¹ *Bilgin M.* Op. cit. P. 47.

² *Ibid.* P. 51.

³ *Ulgul M.* Op. cit. P. 29.

⁴ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 173.

в войну. Как отмечает Х. Папучуллар, в письме, которое И. В. Сталин отправил У. Черчиллю, «Сталин заявил, что Турция не должна была вести войну после разрыва отношений с Германией и что ее не следовало принимать во внимание в отношении послевоенного урегулирования»¹. При этом руководитель советского государства подчеркнул, что нейтралитет Турции исключает ее полноценное участие в послевоенном устройстве мира. Данное утверждение подтверждается материалами переписки И. В. Сталина с У. Черчиллем².

Такая позиция подразумевала выдвижение Турции после войны ряда претензий, которых за период войны накопилось немало. Понимало это и британское правительство. Поэтому со стороны Великобритании позиция к Турции постепенно менялась на более благожелательную. Как отмечают сами турки, Великобритания настаивала на том, чтобы дать Турции время для вступления в войну, чтобы тем включить ее в процесс послевоенного диалога. Что касается ревизии КМ-36, то У. Черчилль и А. Иден договорились со Сталиным о целесообразности пересмотра конвенции Монтрё, однако в отсутствие Рузвельта окончательное решение по этому вопросу принято не было³.

Во-вторых, забывается, что действия самой Анкары в значительной степени стали основанием к постановке Советским Союзом вопроса об изменении в свою пользу ряда ключевых положений конвенции Монтрё. Сами турецкие историки отмечают, что в ходе военных действий турецкие власти в Анкаре не давали разрешение на проход судов западных союзников с грузом военной помощи для

¹ *Papuççular H.* Op. cit. P. 8.

² Сталин – У. Черчиллю, 15 июля 1944 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1. С. 278.

³ *Ataöv T.* Turkish Foreign Poilicy. 123–124.

СССР¹. Поэтому вполне понятно согласие Великобритании и США на предъявление СССР «морального иска» Турции после войны, как и то, что он, как видно из турецких публикаций, не стал сюрпризом и для самих турок.

Характеризуя «дялтинский» период советско-турецких отношений, следует отметить, что они пребывали в стадии повышенного напряжения. Весной 1945 г. в Анкаре предполагали, что Великобритания отнесется к советским требованиям пересмотра проливов с «непримиримостью» и будет способствовать «продвижению» турецких интересов на конференции ООН в Сан-Франциско². Однако, несмотря на то, что на союзнической конференции на Мальте (30 января – 3 февраля 1945 г.) У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт договорились о нежелательности продвижения Советской армии в Центральной Европе, их переговоры не затронули Турцию. Судя по всему, именно ситуация, в которой оказалась Турция в конце войны: отсутствие необходимой информации, неясные перспективы своего места в послевоенном мироустройстве, ожидаемые советские территориальные претензии после войны и ощущение политического одиночества – привела к тому, что турецкое руководство не вполне адекватно оценивало сложившуюся внешнеполитическую ситуацию. Как отмечает Х. Папуччулар, после того, как на Ялтинской конференции У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт в принципе согласились с И. В. Сталиным по поводу предварительных требований относительно проливов, «первая половина 1945 года была настолько сложной для Турции, что политики в Анкаре

¹ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 37; Гюдек А. Указ. соч.

² Международная конференция, проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 года. В конференции участвовали 50 государств, которые являлись учредителями Организации Объединенных Наций. Конференция была созвана от имени Великобритании, СССР и США.

всерьез начали оценивать опасность советского господства в стране»¹.

Так, Б. Р. Кунихолм утверждает, что турки, получив информацию (инспирированную Берлином. – А. Б.) о возможных советских требованиях относительно военной базы «в Галлиполи» (Дарданеллах. – А. Б.), надеялись, что забота о собственном положении в Средиземном море помешает британцам согласиться с этими «крайними требованиями»². Тот же Б. Р. Кунихолм пишет, что Н. Менеменджюглу³ сообщил в январе 1945 г., что недавние встречи генерала Ш. де Голля с И. В. Сталиным показали, что «советы» не останутся равнодушными к восточному Средиземноморью и претендуют на базы в Средиземноморье⁴. Посол в Москве Селим Сарпер⁵ согласился с анализом ситуации, «отметив советские амбиции по созданию средиземноморского флота. Эти амбиции были впоследствии подтверждены М. М. Литвиновым⁶ в его июньской записке 1945 года для

¹ *Papuççular H.* Op. cit. P. 8.

² *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 173.

³ После своей отставки с поста министра иностранных дел Н. Менеменджюглу стал послом Турции во Франции.

⁴ Речь идет о пребывании в Москве со 2 по 10 декабря 1944 г. бывшего главы правительства «Сражающейся Франции», председателя Совета Министров Франции (Временного правительства). Ш. де Голля. В ходе встречи он обсудил с И. В. Сталиным вопросы, касающиеся послевоенного устройства Европы. Однако никаких требований, касающихся баз в Восточном Средиземноморье, И. В. Сталин не предъявлял (см. *Голль Ш. де*. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. URL: <http://militera.lib.ru/memo/french/gaulle3/02.html> (дата обращения: 31.08.2022)).

⁵ Селим Сарпер (1899–1968) – турецкий дипломат и политик. В 1944–1946 гг. посол Турции в СССР. Вел переговоры с советским правительством относительно территориальных претензий СССР к Турции и по вопросу о ревизии ряда положений конвенции Монтрё.

⁶ Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя – Макс Валлах) (1876–1951) – советский дипломат. В 1921–1930 гг. – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. – СССР). В 1930–1939 гг. – нарком по иностранным делам СССР. В 1934–1938 гг. представлял СССР в Лиге Наций. В 1941–1943 гг. – посол СССР в США и одновременно в 1942–1943 гг. – посланник СССР на Кубе.

Молотова (более подробно этот вопрос разобран в гл. 2.3. – *А. Б.*)»¹.

Б. Р. Кунихолм подчеркивает, что надежды турок на то, что союзники не поддержат советские идеи относительно проливов, оказались беспочвенными. В своем исследовании он отмечает, что в британском МИДе было признано, что частично проливы «потеряли свое прежнее значение», поскольку владение аэродромами в Болгарии, в районе Эгейского моря или в Турции, позволило бы контролировать судоходство через Босфор и Дарданеллы. По мнению Б. Р. Кунихолма, это «было четким заявлением о ситуации в восточном Средиземноморье». Британские авиационные и военно-морские базы в Эгейском море могли «ограничить советский проход через Проливы, но советские базы в Болгарии могли аналогичным образом угрожать британскому судоходству, независимо от статуса Турции». Б. Р. Кунихолм тем самым заключает, что британские стратеги приходили к выводу, что контроль Турции за проливами не влиял (т.е. не улучшал. – *А. Б.*) на положение Великобритании в Средиземном море, поскольку британские авиационные и военно-морские базы в Эгейском море и советские военные базы в Болгарии позволяли Великобритании и СССР «взаимно» угрожать друг другу².

Такова была внешнеполитическая ситуация к началу Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.)³, когда, по выражению М. Ульгюля, «турки устало наблюдали» за тем, как вопрос о проливах обсуждался великими державами.

¹ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 173.

² *Ibid.* P. 168.

³ Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав – вторая по счету многосторонняя встреча лидеров трех стран антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании – во время Второй мировой войны. Созданный в Ялте биполярный мир с разделением Европы на восток и запад (Ялтинско-Потсдамская система мира) сохранился более чем на 40 лет. На конференциях победителей в Тегеране и Ялте была сформирована идеология Организации Объединенных Наций.

О том же говорит и Б. М. Поцхверия, отмечая, что Турции отводилась лишь роль наблюдателя. Это, однако, не мешало туркам следить за конференцией, от решений которой во многом зависела их судьба¹.

Самым большим страхом турок в отношении проливов было остаться один на один с могущественным Советским Союзом². Тем не менее М. Ульгюль признает, что во время Ялтинской конференции «позиция русских не вызывала тревогу у западных государств и Турции»³. И. Арыогул даже ошибочно утверждает, что в ходе Ялтинской конференции не было никаких дебатов по проливам и было лишь решено обсудить изменения в КМ-36 на встрече министров иностранных дел в Лондоне⁴. Т. Атаов также отмечал, что «Рузвельт выразил твердую убежденность в том, чтобы Советский Союз имел беспрепятственный доступ к порту с теплой водой». У. Черчилль поддержал инициативу И. В. Сталина о встрече министров иностранных дел в Лондоне⁵. Правда, М. Ульгюль подчеркивает, что США, стремясь сохранить статус-кво, в целом не поддерживали даже частичной ревизии КМ-36, считая, что Турция была хорошим хранителем проливов, и хотели «защитить саму основу режима»⁶.

Сталин поднял вопрос о проливах на седьмом пленарном заседании Ялтинской конференции 10 февраля 1945 г. Как отмечают турецкие историки, И. В. Сталин заявил, что конвенция Монтрё «изношена» и должна измениться⁷. По словам Б. Р. Кунихолма, «как и в Москве, он денонсировал

¹ Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 360.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 33.

³ *Ulgul M.* Op. cit. P. 29.

⁴ *Arioğul İ.* Turkish Foreign Policy. P. 12.

⁵ *Ataöv T.* Turkish foreign policy. P. 125.

⁶ *Ulgul M.* P. Op. cit. 31–32.

⁷ *Türkiye Cumhuriyeti Tarihi.* Cilt. II. Ankara, 2004. S. 459.

договор (т. е. призвал отказаться от КМ-36 де-факто. – А. Б.), “в котором Турция *держит Россию за горло*” (выделено нами. – А. Б.)¹. О. Ишчи указывает на слова И. В. Сталина, что «интересы России в проливах могут быть приняты во внимание, *не ущемляя законных интересов Турции* (выделено нами. – А. Б.)»². У. Черчилль, по словам Б. Р. Кунихолма, напомнил Сталину, «что Великобритания “сочувствует пересмотру договора”», но он не слышал твердых советских предложений³. У. Черчилль попросил, чтобы Турция получила “некоторую уверенность в том, что ее независимость и целостность будут гарантированы”, и Сталин согласился, что “такие гарантии должны быть выражены”⁴. Таким образом, отсутствие конкретных предложений по изменению режима проливов корректирует мнение Б. М. Поцхверия о том, что союзники не принимали советские предложения, не идя далее второстепенных поправок в Конвенции⁵.

В том же духе высказываются О. Ишчи⁶ и М. Ульгюль. Так, М. Ульгюль пишет, что было решено, что на следующем совещании, которое должно было состояться в Лондоне, министры иностранных дел СССР, Великобритании и США должны были рассмотреть, какие изменения следует внести в договоренности о проливах, и доложить об этом

¹ *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 170.*

В своих исследованиях данную фразу приводят также Т. Атаов и М. Ульгюль (см. *Ataöv T. Op. cit. P. 125; Ülğül M. Op. cit. P. 33*).

² *Isci O. Op. cit. P. 52.*

³ Следует признать правоту У. Черчилля. В Тегеране, как отмечалось, И. В. Сталин лишь обозначил проблему проливов. На конференции в Москве И. В. Сталин также только призвал отменить режим КМ-36. На конференции в Ялте он заявил о том, что порядок, установленный конвенцией Монтрё, изжил себя и, упомянув о праве Турции регулировать проход через проливы в произвольном порядке, предложил изменить его, не сделав конкретных предложений (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборники документов. Т. 3. С. 216.). Как мы увидим в дальнейшем, у советского руководства были на то основания.

⁴ *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 171.*

⁵ *Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 360.*

⁶ *Isci O. Op. cit. P. 171.*

своим правительствам. Выше упоминалось, что предложение о том, чтобы три министра иностранных дел рассмотрели вопрос на своем первом совещании после Ялтинской конференции, принадлежало И. В. Сталину. Это отмечает и Т. Атаов¹.

Правительство Турции должно было быть проинформировано с заверением, «что его независимость и целостность никоим образом не затрагиваются»². Эти решения были письменно зафиксированы в документах конференции³. Однако М. Ульгюль подчеркивает, что «хотя советские требования на Ялтинской конференции были понятны и совсем не удивительны <...> одна деталь была <...> ошибкой западных государств, которая в свою очередь поощрила советских правителей (к территориальным требованиям по отношению к Турции. – А. Б.)». По мнению М. Ульгюля, упущение состояло в том, что в протоколах конференции не было зафиксировано письменного *обязательства* СССР не посягать на суверенитет и территориальную целостность Турции, а лишь устное заверение об этом. Ввиду этого «западные страны упустили важную возможность предотвратить чрезмерные требования России в июне 1945 года. Если бы СССР написал свое обязательство уважать территориальную целостность Турции, он, возможно, не потребовал бы городов в Восточной Анатолии»⁴.

Следует также отметить, что несмотря на справедливость утверждения Б. Р. Кунихолма о том, что политика британцев в вопросе о проливах на тот момент не была «анти-

¹ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy.* P. 125.

См. подробнее: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. С. 216–217.

² *Ulgul M. Op. cit.* P. 32.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. С. 240.

⁴ *Ulgul M. Op. cit.* P. 32.

российской»¹, следует все же повторить, что постепенно Великобритания «охладевала» к идее изменения режима проливов в благоприятную для СССР сторону. Выше отмечалось, что британская позиция по отношению к Турции постепенно менялась на более благожелательную. На Ялтинской конференции именно Великобритания настаивала на том, чтобы дать Турции время для вступления в войну. По предложению У. Черчилля на конференции было решено, что последней датой для объявления войны Германии является 1 марта 1945 г. После объявления Турцией войны Германии (23 февраля 1945 г.) Турция от имени держав-победительниц официально получила приглашение на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско².

Таким образом, Турецкая Республика вошла в число основателей Организации Объединенных Наций, став одним из участников по созданию послевоенного миропорядка. Тем не менее, как отмечают турецкие историки, это не вывело Турцию из режима относительной международной изоляции. П. Бильгин и К. Джош справедливо указывают, что Турция в последний момент и только на бумаге вступила в войну, став одним из основателей Организации Объединенных Наций³. А. Кылыч также отмечал, что решение о вступлении Турции в войну было принято вопреки желаниям СССР, поэтому День Победы не вызвал радости в Турции, поскольку там были слишком озабочены отношениями с Советским Союзом⁴. Тем не менее, по мнению О. Ишчи, И. В. Сталин на Крымской конференции «занимал более гибкую позицию по отношению к Турции, чем на Московской конференции»⁵. Что же касается

¹ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 172.

² *Купеев Н. Г.* Указ. соч. С. 269.

³ *Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 47.

⁴ *Kılıç A.* Op. cit. P. 109.

⁵ *Işci O.* Op. cit. P. 52.

отношения советского лидера к Турции, то, по справедливому замечанию Н. Г. Киреева, Советский Союз имел основание возражать против участия в войне тех стран, которые «спекулятивно» желали «оказаться рядом с теми, кто станет победителем»¹.

А. Гюдек подчеркивает, что с окончанием войны не только Советский Союз, но и другие государства-победители негативно восприняли позднее вступление Турции, и это было очевидным по многим вопросам. Прежде всего это были требования СССР, касающиеся контроля над черноморскими проливами и территориями на восточных границах Турции². М. Ульгюль указывает на то, что уже после Ялтинской конференции В. М. Молотов сказал послу Турции в Москве С. Сарперу, что Советское правительство желает обсудить с правительством Турции вопрос о пересмотре конвенции Монтрё³. С. Сарпер отказался вести двусторонние переговоры, сославшись на международный характер КМ-36.

Таким образом, турецкие историки отмечают, что к Ялтинской конференции Турция подошла с грузом серьезных проблем. Главными из них являлись советско-турецкие противоречия, а именно понимание Анкарой того факта, что политика Турции во время войны, ее недружественный нейтралитет в отношении СССР давали Москве карт-бланш для ревизии системы взаимоотношений двух стран. О неизбежности постановки вопроса по поводу пересмотра ряда положений конвенции Монтрё турецкая сторона имела четкое представление, относительно территориальных требований в Восточной Анатолии — достаточно смутное. По мнению турецких историков, ситуация, сложившаяся после Ялтинской конференции, определялась попытками

¹ Киреев Н. Г. Указ. соч. С. 269.

² Гюдек А. Указ. соч.

³ Ulgul M. Op. cit M. P. 33.

Турции выйти из международной изоляции и началом наиболее драматического периода в отношениях между СССР и Турцией за всю войну.

На наш взгляд, следует согласиться с оценкой ситуации, данной К. Джумхуром, который отмечал, что «на протяжении Второй мировой войны Турция активно и настойчиво вела политику нейтралитета и сумела воздержаться от военных действий. Благодаря этой политике Анкара сумела сохранить целостность страны и не подвергалась разрушительному эффекту войны. Однако из-за отказа принять участие в военных операциях против Германии вместе с антигитлеровской коалицией после 1945 г. Анкара осталась практически одна на международной политической арене. Острые проблемы <...> политического одиночества Турции явно проявили себя в отношениях с Москвой в послевоенный период»¹.

2.3. Начало «холодного мира» (1945–1946 гг.)

16 марта 1921 г. в Москве представителями Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) и правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) была установлена северо-восточная граница Турции, существующая до настоящего времени (Договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г.). Был зафиксирован отказ двух стран от принятия договоров и актов, к принятию которых понуждалась бы другая сторона². Согласно договору, Батуми оставался за Грузией. Карс и Ар-

¹ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 40.

² Договор между Россией и Турцией. 16 марта 1921 г. Ст. 1 // Орешкова С. Ф., Ульянов Н. Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. М.: Гуманитарий, 2006. С. 216.

даган передавался Турции. Москва признавала южные границы Турции.

19 марта 1945 г. Советский Союз денонсировал другой основополагающий для советско-турецких отношений документ – Парижский договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г., отказавшись, таким образом, его пролонгировать (договор должен был истечь 7 ноября 1945 г. – А. Б.)¹. Как отмечает М. Бильгин, в это время на внешнюю политику Турции повлияли два разных события. С одной стороны, Турция и Великобритания стали ближе друг к другу после непростого периода «охлаждения» в последние годы войны. Таким образом, наметились пути выхода Турции из международной изоляции, куда загнала ее политика «активного нейтралитета»². С другой стороны, начался беспокойный период между СССР и Турцией. М. Бильгин отмечает, что в начале марта, после объявления Турцией войны державам оси (23 февраля 1945 г.), советское радио и пресса начали кампанию против Турции, обвиняя ее в сотрудничестве с Германией. «Более конкретное событие произошло с уведомления Москвы 19 марта 1945 г. о расторжении российско-турецкого договора от декабря 1925 года, который должен был быть продлен 7 ноября 1945 года». Глава советского МИД В. М. Молотов передал записку С. Сарперу, который вылетел в Анкару для консультаций³.

Турецкие исследователи уверены в том, что постановка проблемы проливов и территориальных уступок была подготовлена историей советско-турецких отношений в период войны, а не стала продуктом послевоенного времени. На это обращает внимание О. Ишчи, отмечая, что многие историки Второй мировой войны склонны «принципиально» игно-

¹ О сути договора см.: гл. 1.1. Договор не являлся военным союзом.

² См.: гл. 3.1.

³ *Bilgin M.* Op. cit. P. 53.

рировать «советский фактор» «в дипломатии Турции военного времени», считая, что новая глава советско-турецких отношений открылась лишь на заключительной стадии войны. Между тем, по мнению О. Ишчи, период «с момента от начала Ялтинской конференции в феврале 1945 года до требований Сталина к турецким концессиям (проливам и восточным территориям. – А. Б.) в июне 1945 года» был результатом военного времени и заслуживает более пристального внимания¹.

Следует отметить, что о возможности постановки такого рода вопросов советское руководство предупреждало Анкару заранее (см. выше). Так, из исследования О. Ишчи следует, что уже после Крымской конференции В. М. Молотов предоставил послу Турции в Москве С. Сарперу советский вариант обсуждаемого в Ялте вопроса о проливах. «Молотов сказал, что советские руководители поставили вопрос о пересмотре Конвенции Монтрё на обсуждение, и союзники не выступили против этой идеи». «Тем не менее, – продолжал В. М. Молотов, – мы <...> не представили конкретный план на данный момент, но мы сделаем это в будущем. Когда это произойдет, советскому правительству необходимо будет провести переговоры с Турцией по этому вопросу»². Как отмечает О. Ишчи, заявление В. М. Молотова усилило как подозрения Турции в отношении советских намерений, так и традиционное опасение о возможности предварительной договоренности между СССР и Великобританией за спиной Турецкой Республики³. Тем не менее премьер-министр Турции Ш. Сараджоглу сообщил новому британскому послу сэру Морису Петерсону⁴, что он будет

¹ *Isci O. Op. cit.* Pp. 264–265.

² *Ibid.* P. 52.

³ *Ibid.*

⁴ Морис Петерсон (1889–1952) — британский государственный деятель и дипломат. В 1942–1944 гг. заместитель министра иностранных дел Великобрита-

рад любым советам его правительства относительно того, какую позицию должна занять Турция, когда Советский Союз открыто предъявит свои требования¹. Тем самым Турция выражала надежду на поддержку Великобритании. Что касается заявления В. М. Молотова, то, по словам М. Ульгюля, в своем ответе С. Сарпер подчеркнул *международный характер конвенции* (выделено нами. – А. Б.), отказавшись вести диалог в двустороннем формате².

Таким образом, еще до денонсации договора о дружбе и нейтралитете турецкое правительство имело представление о будущих советских требованиях и не имело лишь точной информации об их размере. Следует согласиться с турецкими авторами, что в этих условиях «интернационализация» проблемы проливов, т. е. сближение с Великобританией, была единственной возможностью для Турции не допустить перевода проблемы проливов в формат двустороннего обсуждения с Советским Союзом.

В своей монографии Т. Атаов отмечал, что из записки, которую В. М. Молотов 19 марта представил С. Сарперу, следовало, что в связи с глубокими переменами, особенно в период Второй мировой войны, договор о дружбе и нейтралитете больше не соответствует новой ситуации и нуждается в «серьезном улучшении»³. По словам П. Бильгин и К. Джоша, В. М. Молотов указывал на то, что договору исполнилось 20 лет, и изменения были необходимы, чтобы «отразить условия дня»⁴. Осторожный тон упомянутых исследователей контрастирует с резким мнением А. Кылыча, который считал, что «Турция стала первой целью по-

тании, в 1944–1946 гг. посол Великобритании в Турции, сменив на этом посту Х. Нэтчбулл-Хьюджессена. В 1946–1949 гг. Чрезвычайный и Полномочный британский посланник в СССР.

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 52.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 33.

³ *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy. P. 126.

⁴ *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 53.

слевоенного российского империализма», а «в советской записке было грубо сказано, что турецко-советский договор 1925 года о нейтралитете и ненападении больше не “соответствовал новой ситуации”»¹. Следует отметить: заявляя турецкому послу о денонсации договора, В. М. Молотов выразил надежду, что «турецкое правительство оценит доброжелательную позицию Москвы»². Вряд ли подобная надежда могла быть выражена, если бы заявление было выражено в грубой форме. Как представляется, своей формулировкой А. Кылыч попытался отразить страхи турок в связи с самим заявлением и тем, что за этим может последовать.

В ответном письме МИД Турции от 4 апреля 1945 г. была выражена готовность «внимательно <...> рассмотреть любые предложения, которые Советское правительство выдвинуло бы, чтобы заключить договор, более соответствующий нынешним интересам двух стран»³. Турки шли на это после предварительных консультаций с дипломатическими представителями Великобритании и США. По словам С. Гёккалалая, поэтому Анкара была готова отреагировать на советские требования и согласиться на «компромиссную политику»⁴.

Как отмечает в связи с этим Б. Р. Кунихолм, «Турция была готова изменить Конвенцию Монтрё, но не могла уступить территории или базы Советам. Однако в свете своей уязвимости к советскому давлению правительство Турции 4 апреля сообщило Советскому Союзу, что готово изучить любые предложения, которые Советы могут сделать в отношении другого пакта»⁵. Таким образом, отсутствие конкрет-

¹ *Kılıç A.* Op. cit. P. 117

² *Bilgin M.* Op. cit. P. 53.

³ *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy. P. 126.

⁴ *Gökatalay S.* Op. cit. P. 15.

⁵ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 255.

ных предложений по заключению нового договора 19 марта 1945 г. опровергает точку зрения С. Бильге, который утверждал, что в марте 1945 г. В. М. Молотов предложил С. Сарперу изменить договор Монтрё и совместно защищать проливы, поскольку сама Турция не сможет защитить проливы от могущественного государства»¹. П. Бильгин и К. Джош отмечают, что когда С. Сарпер спросил о подробностях «улучшения» конвенции, Молотов отказался разъяснять детали, но подтвердил заинтересованность СССР в изменении ряда статей КМ-36². По словам М. Бильгина, «Молотов ответил, что турецкое правительство для начала должно выразить свою готовность к заключению договора, прежде чем можно было бы говорить о новом проекте»³. Таким образом, из монографии М. Бильгина следует, что Москва с самого начала стремилась обосновать необходимость серьезного реформирования конвенции Монтрё *инициативой самой Турции*.

М. Ульгюль отмечает, что во время конференции в Сан-Франциско, разговаривая с министром иностранных дел Турции Хасаном Сака, В. М. Молотов снова заявил, что они не готовы предложить условия, но могут выслушать предложения Турции. В ответ на это Х. Сака ответил, что они желали бы услышать в первую очередь советские предложения. По словам М. Ульгюля, «эта цепь упрямства» прервалась на встрече С. Сарпера и Виноградова 21 мая⁴. До этого, как отмечает Н. Тамкин, 8 мая 1945 г. С. А. Виногра-

¹ Bilge S. A. An Analysis of Turkish-Russian Relations // Perceptions. 1997. Vol. II. URL: https://www.google.com/search?q=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=1C1SVED_en RU 436 RU 436 &aq=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome..69i57.1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 31.10.2021).

² Bilgin P., Coş K. Op. cit. P. 53.

³ Bilgin M. Op. cit. P. 53.

⁴ Ulgul M. Op. cit. P. 33.

дов сообщил в Москву о предложении С. Сарпера нового двустороннего договора о дружбе¹.

Таким образом, на этапе денонсации договора 1925 г. и позже Москва не выдвигала Анкаре конкретных требований в рамках нового договора, рассчитывая в дальнейшем реализовать свои требования в максимальной степени.

Следует отметить, что, не предъявив конкретных требований относительно ревизии конвенции Монтрё в ходе первой встречи между В. М. Молотовым и С. Сарпером, советское руководство активно прорабатывало этот вопрос. Б. Р. Кунихолм указывает на то, что в докладе М. М. Литвинова для В. М. Молотова от июня 1945 г. (конкретная дата не указана. – *А. Б.*)² автор определил ценность каждой турецкой территории для СССР «в соответствии с традиционными геополитическими целями»: контроль над Черноморским проливом, проникновение в Средиземное море, создание там военно-морских баз и «прорыв в океан»³. М. М. Литвинов писал, что контроль над проливами и свободный выход для советского флота из Черного моря может рассматриваться как предпосылка для приобретения баз уже в Мировом океане⁴. Оценивая данный проект, Б. Р. Кунихолм приводит слова российского историка С. В. Мазова⁵, по мнению которого доклад М. М. Литвинова был первой попыткой СССР стать океанской сверхдержавой⁶.

Как уже отмечалось, советский демарш не стал неожиданностью. Н. Тамкин подчеркивает, что такой шаг ожидался в Лондоне и Анкаре. Договор, датированный 1925 годом,

¹ *Tamkin N.* Op. cit. P. 175.

О «майских» встречах С. А. Виноградова и С. Сарпера см. далее.

² См.: гл. 2.2.

³ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 167.

⁴ Ibid.

⁵ Сергей Васильевич Мазов (род. в 1954 г.) – советский и российский историк, доктор исторических наук. Специалист по истории Африки и холодной войны.

⁶ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 167.

«был откровенно устаревшим»¹. Т. Атаов указывал, что к концу Второй мировой войны великие державы понимали необходимость ревизии конвенции Монтрё². Б. Р. Кунихолм пишет, что посол США в Анкаре в 1945–1948 гг. Эдвин Уилсон, рассказывая Г. Трумэну, сменившему Ф. Д. Рузвельта на посту президента США, о последних событиях в Турции, сообщал о «разумном» отношении Турции к изменению конвенции и отмечал, что к самому советскому заявлению о денонсации прежнего договора турецкие лидеры отнеслись «философски»³.

Анкара осознавала также, что ее сомнительная политика нейтралитета в годы войны с точки зрения буквы договора 1925 г. должна была поставить вопрос о его ревизии. П. Бильгин и К. Джош в связи с этим пишут, что «денонсация СССР Договора 1925 года не стала шоком для турецких политиков. Сарпер предупреждал Анкару еще в декабре 1944 года, что СССР, скорее всего, денонсирует Договор 1925 года и предложит некоторые изменения в Конвенции Монтрё». Посол Турции в Москве предупреждал также, что отношение его советских коллег к Турции было далеко не «дружественным»⁴.

О. Ишчи отмечает, что после объяснения с В. М. Молотовым по окончании Крымской конференции С. Сарпер, действуя по указанию Анкары, общался и с другими советскими лидерами (О. Ишчи не называет, с кем именно. – *А. Б.*)⁵. По его словам, «советское отношение к нам (туркам. – *А. Б.*) нельзя назвать дружелюбным. Можно сказать, что оно осторожное или даже холодное <...> Россияне считали, что Турция эмоционально (откровенно. – *А. Б.*) встала на сто-

¹ *Tamkin N.* Op. cit. P. 174.

² *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy P. 127.

³ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 255.

⁴ *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 54–55.

⁵ О. Ишчи не называет, с кем именно.

рону Германии и встанет на сторону Британии в случае российско-британских осложнений¹. Русские, вероятно, решат вопрос о проливах с Турцией, когда придет подходящее время <...> Можно ожидать, что русские прекратят действие турецко-советского договора 7 мая 1945 года, за шесть месяцев до окончания срока действия договора»².

Таким образом, из публикаций следует, что Анкара также готовилась с досрочной денонсации. Поэтому первой реакцией Турции на послание Молотова от марта 1945 года было заявление о своей готовности обсудить новый договор³. Как отмечает С. Гёкаталай, «когда 22 марта 1945 года премьер-министр Сака направил британским чиновникам телеграмму о денонсации советско-турецкого договора о нейтралитете, правительство Турции не было против изменения режима управления проливами <...> Тем не менее, турецкое правительство хотело решать проблемы между Турцией и Советским Союзом *на международных встречах, а не путем двусторонних переговоров* (выделено нами. – А. Б.)»⁴. По мнению С. Гёкаталай, в Турции надеялись, что Великобритания поддержит условия, предложенные Советскому Союзу Турцией⁵ (см. выше).

Однако надежды Турции оправдались не в полной мере. По словам А. Кылыча, когда Турция столкнулась с первой советской нотой от 19 марта 1945 г., «она оказалась один на один с Россией. <...> *Ни США, ни Великобритания не были слишком озабочены Турцией и ее проблемами* (выделено нами. – А. Б.)»⁶. Данное утверждение можно считать

¹ То же отмечает К. Джумхур, анализируя политику Советского Союза в послевоенный период (см. далее).

² *Isci O.* Op. cit. P. 52.

³ *Ibid.* P. 55.

⁴ *Gökatalay S.* Op. cit. P. 14.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Kilic A.* Op. cit. P. 116.

основным лейтмотивом турецких исследований при оценке международного положения Турции после войны. Так, турецкий дипломат Орхан Эралп подчеркивает, что «в конце войны авторитет СССР в Европе был бесспорен»¹. Т. Атаов также замечает, что судьба Второй мировой войны решалась на Восточном фронте. «Англо-американский фронт был периферийной стороной боевых действий»². В результате, по словам С. Гёкателья, США и Великобритания не имели возможности гарантировать Турции помощь, «так как война все еще продолжалась, а Советский Союз был их союзником»³.

Не получив поддержки «в решительный момент» со стороны великих держав, турецкие политики стремились не выражать свое отношение к советским требованиям публично⁴. Так, премьер-министр Ш. Сараджоглу в своем выступлении в Национальном собрании 11 мая 1945 г. заявил, что Турция, празднуя победу союзников над нацистами, подразумевает под этим «не только Великобританию и Соединенные Штаты, но и Советский Союз»⁵.

Таким образом, следует согласиться с мнением А. Кылыча о том, что сама Турция «в принципе согласилась с тем, что договор 1925 года может потребовать пересмотра», поручив своему послу в Москве обратиться к советскому правительству, чтобы изучить условия, при которых может быть заключено новое соглашение⁶.

Н. Тамкин отмечает, что встреча в Сан-Франциско между В. М. Молотовым и министром иностранных дел

¹ *Eralp O. Türkiye Cumhuriyeti'nin İkinci Dünya Savaşından Sonra Akdettiği Anlaşmalar // İstanbul Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi. Yıl: 1. Sayı: 1. İstanbul, 1983. S. 58.*

² *Ataöv T. N.A.T.O. and Turkey: Publisher, Sevinç Print. House, 1970. P. 12.*

³ *Gökatalay S. Op. cit. P. 16.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Kilic A. Op. cit. P. 117.*

Турции Х. Сака «не указывала на дальнейшее ухудшение отношений»¹. По его словам, «всю весну 1945 года Сарпер вел переговоры с Виноградовым, направленные на достижение взаимопонимания для нового советско-турецкого договора»². Н. Тамкин пишет, что «8 мая (1945 г. — А. Б.) Виноградов сообщил о предложении Сарпера о новом двустороннем договоре о дружбе; шаг, который российские историки называют “четким сигналом для Москвы, что [Турция] ищет особые отношения с Советским Союзом”, даже рискуя вызвать недовольство Великобритании»³. «<...> Присутствие Сарпера в Анкаре означало, что британцы ничего не знали об этих переговорах»⁴.

После нескольких «многообещающих» частных бесед с С. А. Виноградовым С. Сарпер вернулся в Москву — с предложением по новому союзному договору. Подразумевалась возможность заключения оборонительного договора. Как утверждает Н. Тамкин, в дешифрованных МИД СССР турецких дипломатических телеграммах сообщалось, «что Турция искренне стремилась улучшить отношения с Москвой, но, в отличие от советской интерпретации, стремилась сделать это в рамках <...> союза с Великобританией»⁵. Следует отметить, что сам Н. Тамкин не объясняет, каким образом Турция могла совмещать одновременно союз с СССР и Великобританией. Турецкий исследователь Барин Кайяоглу объясняет это тем, что И. Инёню как преемник К. Ататюрка рассчитывал,

¹ *Tamkin N.* Op. cit. P. 174.

² *Ibid.*

³ *Tamkin N.* Op. cit. P. 174.

⁴ *Ibid.* P. 175.

Впоследствии М. Петерсон, будучи проинформирован о переговорах Сарпера — Виноградова, «был недоволен тем, что ему не сообщили об этом ранее» (см. *Tamkin N.* Op. cit. P. 176).

⁵ *Ibid.*

что какая бы сторона ни оказала давление на Турцию, та сможет опереться на поддержку другой стороны и, используя традиционную политику балансирования, оставаться нейтральной¹.

По словам Н. Тамкина, на деле И. В. Сталин воспользовался турецкими предложениями как возможностью реализовать свои требования при заключении нового советско-турецкого договора². Так, во время второй беседы между С. Сарпером и В. М. Молотовым 7 июня 1945 г. (первая встреча состоялась 19 марта 1945 г. – А. Б.) последний заявил, что есть два условия для заключения нового договора между Турцией и Россией: исправление турецко-советской границы, установленной договором 1921 г., что означало отказ Турции от Карса и Ардагана, и предоставление баз для Советского Союза в Дарданеллах. Третье условие, как отмечают П. Бильгин и К. Джош, состояло в том, чтобы выработать двустороннее соглашение о будущем статусе проливов и конвенции Монтрё, в которую должны были быть внесены соответствующие поправки, т.е. создание баз, которые будут выделены СССР для «совместной обороны Стамбульского пролива и пролива Чанаккале» (Босфора и Дарданелл. – А. Б.)³.

По мнению С. Гёкатала, «причиной советских территориальных требований было стратегическое значение этих провинций (Карс и Ардаган) в отношении транспортировки нефти, добываемой на Кавказе и в Иране. Таким образом, <...> это требование непосредственно угрожало нацио-

¹ *Kayaoglu B.* Loving and Hating America in Turkey and Iran: A Cold War Story of Alliance Politics and Authoritarian Modernization, 1945–1980. Dissertation presented to the Graduate Faculty of the University of Virginia in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy Department of History University of Virginia. Ankara, 2014. P. 38.

² *Tamkin N.* Op. cit. P. 175.

³ *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 55.

нальному суверенитету и территориальной целостности Турции»¹.

В качестве компенсации за возможную потерю Карса и Ардагана Турции возвращались бывшие османские владения – г. Алеппо². При этом, как отмечает М. Бильгин, в разговоре с С. Сарпером Молотов «“мрачно намекнул”, что существует четвертый нерешенный вопрос»³. По мнению М. Ульгюля, четвертым требованием могли быть «некоторые <...> изменения в Турецкой Фракии в пользу Болгарии и Греции»⁴. Б. Р. Кунихолм дает иную версию «четвертого пункта Молотова». По его словам, он состоял в разрыве Анкарского соглашения с Великобританией или переориентации внешней политики Турции в пользу СССР⁵. По словам М. Бильгина, «посол Турции предварительно ответил, что его правительство не может вновь ставить на обсуждение вопрос о договоре 1921 года, по которому стороны в свое время было пришли к соглашению. *Он даже не мог рассмотреть вопрос о предоставлении России баз в проливах* (выделено нами. – А. Б.)»⁶.

Позже, уже в ходе Потсдамской мирной конференции⁷, как указывает Т. Атаов, В. М. Молотов заявил У. Черчиллю, что части Советской Армении и Советской Грузии в 1921 г., согласно Московскому договору, были отторгнуты от СССР,

¹ *Gökatalay S.* Op. cit. P. 17.

² *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy. P. 126.

³ *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

⁴ *Ulgul M.* Op. cit. P. 35.

⁵ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 258.

⁶ *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

⁷ Потсдамская конференция 17 июля 1945 г. – 2 августа 1945 г. – третья и последняя официальная встреча лидеров «большой тройки» (И. В. Сталина, Г. Трумэна и У. Черчилля) – трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Потсдамская конференция состоялась после победы над гитлеровской Германией и в преддверии вступления СССР в войну с Японией для выработки послевоенной программы мира и безопасности в Европе и мире в целом.

и никакие соглашения не могут быть достигнуты до урегулирования этого территориального вопроса¹. В разговоре с У. Черчиллем В. М. Молотов практически дословно повторил свой ответ во время третьей встречи с С. Сарпером 18 июня 1945 г. Как отмечают П. Бильгин и К. Джош, во время второй встречи 18 июня (П. Бильгин и К. Джош не учитывают встречу В. М. Молотова и С. Сарпера 19 марта 1945 г. – А. Б.) В. М. Молотов повторил свои требования и подчеркнул, что «без согласия по этим вопросам СССР не возобновит переговоры»². В ответ на это, по словам М. Бильгина, С. Сарпер заявил, что «на этом его переговоры в Москве закончились и, если будут еще какие-либо переговоры, проходить они будут уже в Анкаре»³. Это была последняя встреча С. Сарпера с В. М. Молотовым по вопросу о ревизии конвенции Монтрё и территориальных требованиях СССР. Следует уточнить данный пункт. 18 июня 1945 г. С. Сарпер заявил о согласии турецкого правительства рассмотреть советские требования при условии, что в рамках обсуждаемого проекта нового договора СССР снимет территориальные требования Турции в отношении Карса, Ардагана и Артвина (Артвин наряду с Карсом и Ардаганом являлся приграничным пунктом Турции на границе с Грузией и Арменией. – А. Б.)⁴.

Мнение о том, что ухудшение советско-турецких отношений достигло своего апогея сразу после войны в 1945 г., т.е. когда Москва денонсировала Договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. и когда были выдвинуты требования в отношении проливов и восточных провинций Турции, разделяют и другие турецкие исследователи. Как отмечал,

¹ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy P. 127.*

² *Coş K., Bilgin P. Op. cit. P. 55.*

³ *Bilgin M. Op. cit. P. 56.*

⁴ *Родионов А. А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М.: Международные отношения, 2006. С. 22.*

А. Кылыч, во время беседы с В. М. Молотовым 7 июля 1945 г. С. Сарпер сразу же отклонил территориальные условия, «даже не запросив указаний своего правительства», поскольку «пересмотр границ 1921 года означал возвращение России провинций Карс и Ардаган в Восточной Турции, которые царская Россия захватила после войны 1877–1878 гг., а Советская Россия вернула в 1921 году». По его мнению, если бы Турция проявляла какой-либо интерес к сирийским владениям, советская сторона проинформировала бы об этом Сирию — давнего соперника Турции¹. И. Арыогул также подчеркивает, что советские запросы прямо ставили под угрозу национальную безопасность страны, в результате «Турция обратилась к США за помощью»².

Некоторый диссонанс в единство мнений вносят П. Бильгин и К. Джош. Они отмечают, что хотя намеки на изменение политического дискурса после заявления В. М. Молотова (т.е. официальных требований Советского Союза. — А. Б.) были очевидны, а обильные комментарии со стороны официальных лиц Анкары в отношении текста «молотовской декларации» означали начало эры «искренней дружбы», действия турецких политиков еще не указывали на решительное изменение образа СССР. «Общее впечатление в Министерстве иностранных дел в Анкаре было выжидательным», — подчеркивают они³. С мнением турецких исследователей согласны Мелвин Пол Леффлер⁴

¹ Kilic A. Op. cit. P. 117.

Причиной турецко-сирийских осложнений была турецкая провинция Хатай — область на юге Турции, перешедшая к ней в 1938 г. Принадлежность Хатая долгое время оставалась причиной напряженности в отношениях между Турцией и Сирией. Последняя не признавала турецкого суверенитета над Хатаем до начала 2005 г.

² Arioğul İ. Op. cit. P. 12.

³ Cos K., Bilgin P. Op. cit. P. 55

⁴ Мелвин Пол Леффлер — профессор Университета Вирджинии (США).

и Дэвид С. Пейнтер¹. По их мнению, «турки были скорее взволнованы, чем обеспокоены»².

Второе предложение В. М. Молотова (7 июня 1945 г. – А. Б.), как отмечалось, было направлено на двустороннее изменение конвенции Монтрё, на что С. Сарпер сказал, что «этот вопрос не может быть обсуждаем в формате двух государств»³. Турецкие и британские историки подчеркивают, что позиция Анкары по данному вопросу *с самого начала была однозначной*. Как отмечает Б. Р. Кунихолм, министр иностранных дел Турции Хасан Сака⁴ полагал, что «советское правительство навязывает двусторонние обсуждения турецкому правительству»⁵. Поэтому, возвращаясь с конференции в Сан-Франциско, он остановился в Лондоне, где на пресс-конференции заявил, что «многостороннее соглашение Монтрё не может быть пересмотрено только Турцией и Советским Союзом»⁶. С. Бильге подчеркивает, что относительно территориальных требований Москвы и создания советской военной базы в проливах Х. Сака также заявил, «что, если эти требования будут приняты, Турция фактически будет присоединена (в данном случае аннексирована. – А. Б.) Россией»⁷. То же, как отмечают турецкие исследователи, подчеркивал в своем заявлении премьер-министр Турции Ш. Сараджоглу, указавший на то,

¹ Дэвид С. Пейнтер – доцент Джорджтаунского университета (США).

² *Leffler Melvyn P., Painter David S. Origins of the Cold. An International History.* 2nd edition. New York; London, 2005. P. 26.

³ *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

⁴ Хасан Хюсюн Сака (1885–1960) – турецкий государственный деятель, премьер-министр Турции (1947–1949).

⁵ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 256.

⁶ *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy. P. 126.

⁷ *Bilge S. A. An Analysis of Turkish-Russian Relations. // Perceptions.* 1997. Vol. II. https://www.google.com/search?q=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=1C1SVED_en_RU_436_RU_436_&oq=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome..69i57..1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 31.10.2021).

что во внешней политике Турции не произошло никаких изменений: «как и в прошлом, современная внешняя политика Турции направлена на защиту независимости и суверенитета Турции»¹. Он слово в слово повторил заявление Х. Сака.

Общественная же реакция на советские требования в Турции была «подобна взрыву». 29 июня 1945 г. радио Анкары объявило, что «Советская Россия предложила новый договор, который был бы равносителен совместному контролю проливов Россией и Турцией»². Нация, по словам А. Кылыча, «немедленно объединилась против неизбежной советской агрессии». Президент Турции И. Инёню в своем ноябрьском «послании о республике» по сути выразил готовность к войне³. Еще ранее перед отбытием на свой посольский пост в Анкаре 25 апреля 1945 г. новый американский посол Эдвин С. Уилсон на упомянутой выше встрече с Г. Трумэном, отметив плохую оснащенность турецкой армии, тем не менее утверждал, что «если бы СССР желал просто изменить Конвенцию Монтрё, туркам, вероятно, было бы разумным быть готовыми к сотрудничеству, но если бы он выдвинул требования, влияющие на независимость Турции, они бы сопротивлялись»⁴.

По словам С. Бильге, градус возмущения в Анкаре в 1945 г. был такой, что в магазинах пришлось поменять салаты с русскими этикетками на американские⁵. М. Бильгин указывает на то, что Ш. Сараджоглу на встрече с американским послом 2 июля 1945 г. отметил, что «если они (американцы. – А. Б.) не окажут своей поддержки, результат будет очень плохим для Турции». Турецкий премьер под-

¹ Coş K., Bilgin P. Op. cit. P. 55.

² Kilic A. Op. cit. P. 117.

³ Ibid.

⁴ Isci O. Op. cit. P. 269.

⁵ Bilge Suat A. Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. P. 352 (цит. по: Uğul M. Op. cit. Pp. 44–45).

черкивал также, что «даже в случае наихудшего сценария Турция без колебаний возьмет в руки оружие»¹. По словам С. Бильге, принятие Турцией советских требований означало конец Турции как независимого государства².

Наряду с этим большинство турецких историков отмечает доброжелательную и терпеливую позицию Турции, ее безупречную позицию с точки зрения буквы Московского договора 1921 г., готовность заключить приемлемый новый договор и агрессивные планы Москвы. Так, тот же А. Кылыч писал, что полное значение советских намерений в отношении Турции стало ясно через несколько месяцев после окончания войны в Европе, когда «яростная пропагандистская кампания была развязана советской прессой и радио»³. При этом А. Кылыч не склонен сравнивать пропагандистскую кампанию в СССР с реакцией на события в самой Турции, которая, по его же словам, была не меньшей. Со своей стороны, М. Ульгюль считает, что требования к турецким землям ничем не отличались от итальянских претензий на западные территории Турции до войны⁴, и любой шаг к признанию этого требования являлся бы поводом к войне для Турции. «Мало того, что Советское правительство не уважало независимость и территориальную целостность своего южного соседа, оно также отказалось от принципов, сформировавших основу советско-турецкой дружбы в межвоенный период»⁵.

Менее эмоциональную оценку советским предложениям (формально это были именно предложения. – А. Б.) дают другие исследователи. Так, исследователь Б. Кайяоглу ука-

¹ *Bilgin M.* Op. cit. P. 56.

² *Bilge S. A.* An Analysis of Turkish-Russian Relations URL: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/A.SuatBilge.pdf> (дата обращения: 28.04.2020).

³ *Kilic A.* Op. cit. P. 117.

⁴ См.: гл. 1.1.

⁵ *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 35, 37.

зывает на то, что вначале турецкое правительство не делало большой проблемы из советских требований. На встрече с турецким верховным командованием в июле 1945 г. президент И. Инёню выразил желание остаться в дружбе с Москвой¹. К. Джумхур подчеркивает, что после поражения Германии Москва, предвидя грядущее противостояние с Великобританией и США, «не видела причин в сотрудничестве с *потенциальным врагом под названием Турция* (выделено нами. – А. Б.). Совершенно очевидно, что в данных условиях без ущерба в сферах национальной безопасности и суверенитета найти общий путь для формирования нового сотрудничества с СССР практически было невозможно»². Данный вывод полностью совпадает с мнением О. Ишчи.

М. Бильгин исследовал также реакцию турецкого посла в Москве на советские требования. Судя по его монографии, в своем докладе Анкаре С. Сарпер верно оценил намерения советской стороны. «Он отметил, что русские хотели бы решить проблему проливов в будущем. Для достижения этой цели они сделают попытку, чтобы Турция согласилась с этим *еще до созыва международной конференции по данному вопросу* (выделено нами. – А. Б.)». Тем не менее реакция С. Сарпера на советскую ноту была умеренной, он заверял Анкару, что «русские не будут пытаться достичь двустороннего соглашения с Турцией, поскольку этот вопрос был международным»³. То же отмечает и Н. Тамкин. Он подчеркивает, что «хотя Сарпер был встревожен советскими условиями, он не унывал». По словам С. Сарпера, на тот момент не было ничего, «что могло бы вызвать пессимизм». Переговоры же относительно территориаль-

¹ *Kayaoglu B.* Op. cit. P. 38.

² *Джумхур К.* Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 44–45.

³ *Bilgin M.* Op. cit. P. 54.

ных требований СССР, по мнению турецкого посла, могли лишь помешать возможности «реальных переговоров по проливам»¹. Очевидно, он полагал, что это осознавали и в Москве. По словам П. Бильгина и К. Джоша, С. Сарпер считал, что денонсация договора 1925 г. означала лишь «улучшение» положений КМ-36 с точки зрения советских интересов².

С. Сарпер не исключал даже, что «Советам может быть разрешено использовать базы в районе проливов в военное время»³. Следует отметить, что это подтверждается в воспоминаниях посла СССР в Турции Алексея Алексеевича Родионова⁴. Он подчеркивал, что, согласно заявлению С. Сарпера, точка зрения турецкого правительства состояла в том, чтобы как минимум заменить денонсированный договор договором такого же характера. Как максимум можно было заключить союзный договор, который предусматривал бы союз между Турцией и СССР против агрессии европейской или средиземноморской державы. В случае войны СССР с какой-либо европейской державой Турция брала бы на себя обязательства не пропускать через проливы сухопутные и морские силы этой страны. С. Сарпер также отмечал, что конвенция Монтрё может быть пересмотрена в будущем на международной конференции, где СССР и Турция будут выступать с *единой позицией, как союзники* (выделено нами. – А. Б.)⁵. Не исключено, что предложения Турции, традиционно балансировавшей на британо-советских противоречиях, не были вполне искренними. Однако это была теоретическая база

¹ Tamkin N. Op. cit. P. 178.

² Coş K., Bilgin M. Op. cit. Pp. 54–55.

³ Tamkin N. Op. cit. P. 176.

⁴ Алексей Алексеевич Родионов (1922–2013) – советский дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Турции в 1974–1983 гг.

⁵ Родионов А. А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. С. 107–108.

для переговоров. А. А. Сотниченко считает, что С. Сарпер предлагал условия, на которых возможно было предотвратить развертывание американских баз с ядерным оружием на границах с СССР, что произошло в 1950-е гг. «Однако В. М. Молотов не отступил ни от одного из своих требований и отказался заключать договор, что негативным образом отразилось на дальнейших отношениях между СССР и Турцией»¹. Впоследствии это признавал и сам руководитель советской внешней политики (см. далее). Как отмечает в связи с этим Б. М. Поцхверия, «из-за постоянного требования относительно создания военной базы вопрос о свободном проходе советских военных кораблей остался в стороне»².

По словам британского посла в Анкаре М. Петерсона, денонсация не вызвала особой тревоги у турецкого правительства из-за «обнадеживающих» объяснений советского посла. В своих беседах с С. Сарпером С. А. Виноградов оставил у того впечатление, что найдет подходящую форму для переговоров в Москве³. Поэтому, получив ноту В. М. Молотова, турецкий посол отправился в Анкару в мае 1945 г. для двух «неофициальных» встреч с советским послом С. А. Виноградовым (8 и 21 мая 1945 г. – А. Б.). На этих и других последующих встречах С. Сарпер сообщил своим коллегам из СССР, что Турция согласится на некоторые из их просьб (например, с закрытием проливов для военных кораблей нечерноморских государств и разрешением прохода военных кораблей СССР во время войны). М. Бильгин обращает внимание на то, что С. Сарпер отметил также, что для того, чтобы разделить допол-

¹ Сотниченко А. А. Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. Сборник материалов. С. 104.

² Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 362.

³ Bilgin M. Op. cit. P. 55.

нительное бремя, вызванное изменением режима проливов, СССР должен заверить Турцию в своей «поддержке» ее безопасности¹. Следует прийти к заключению, что под безопасностью турецкий посол подразумевал солидарность позиций Турции и СССР на предстоящей конференции по проливам.

Тем не менее, заключает М. Бильгин, продолжение переговоров «было иллюзией», поскольку С. Сарпер попал в «советскую ловушку»². «Относительно оптимистичная атмосфера, которую он почувствовал, вскоре сменилась огромной горечью, когда Москва попросила Анкару согласиться с ее необоснованными требованиями»³. Н. Тамкин отмечает, что перехваченная шифровка о второй (де-факто третьей. – А. Б.) встрече С. Сарпера с В. М. Молотовым 18 июня 1945 г. «показала, что оптимизм был необоснованным. Тон Молотова был резким, и он повторил советские требования. <...> Сарпер теперь пессимистично относился к будущим переговорам»⁴ (см. выше).

Следует отметить и другое. Как и М. Бильгин, М. Ульгюль считает: на «майских» переговорах 1945 г. С. Сарпер был обманут советским коллегой. «В то время, – отмечает М. Ульгюль, – как Виноградов сосредоточился на том, как два государства должны обеспечивать безопасность Черного моря, не касаясь, собственно, Конвенции Монтрё, Сарпер спросил, подразумевает ли он союз. Виноградов ответил на этот вопрос: “Да, может быть” <...> События на Потсдамской конференции в июле 1945 года показывают нам, что в реальные намерения Советского Союза не входило всту-

¹ Ibid. P. 55.

² По словам М. Бильгина, тактика Москвы состояла в том, чтобы обосновать свои действия перед Великобританией и США тем, что она действует в ответ на просьбу Турции, и тем самым предотвратить их негативную реакцию (Ibid.).

³ Ibid.

⁴ Tamkin N. Op. cit. P. 178.

пать в союз с турецким правительством, чтобы узаконить свои требования»¹.

Иными словами, по мнению турецких историков, приняв ничего не значащую реплику советского посла за предложение о новом договоре, С. Сарпер осложнил положение Турции на Потсдамской конференции, так как отсутствие негативной реакции турецкого посла в Москве на «предложение» советского представителя давало И. В. Сталину основание утверждать на конференции в Потсдаме, что турки сами потребовали нового альянса, а Советский Союз лишь пошел им навстречу².

Следует все же отметить, что мнение о «прекраснодушии» турецкого посла представляется необоснованным. С. Сарпер вполне отдавал себе отчет в «сложном» отношении Советского Союза к его стране и был совершенно прав в том, что решение такого важного международно-правового вопроса, как изменение режима конвенции Монтрё, было невозможно в рамках двусторонних советско-турецких отношений, что и показали дальнейшие события.

Среди турецких историков разнятся и оценки характера советских угроз. По мнению С. Бильге, процесс превращения Турции «в государство-сателлита» активизировался после войны, когда 19 марта 1945 г. В. М. Молотов сообщил С. Сарперу об отмене договора «о дружбе и братстве 1925 года»³. По мнению М. Ульгюля, «ретроцессия» (обратная уступка, возвращение. – *А. Б.*) турецких территорий «имела второстепенное значение для советских правителей по сравнению с базовыми требованиями к турецким проли-

¹ *Ulgul M.* Op. cit. P. 33.

² *Ibid.*

³ *Bilge S. A. An Analysis of Turkish-Russian Relations. // Perceptions. 1997. Vol. II. URL: https://www.google.com/search?q=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=1C1SVED_en_RU_436_RU_436_&oq=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome..69i57..1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 31.10.2021).* Здесь С. Бильге делает ошибку, путая договор о дружбе и нейтралитете с договором о дружбе и братстве 1921 г.

вам». В то же время он подчеркивает, что «несмотря на то, что советские правители отказались (в дальнейшем. — А. Б.) от территориальных требований для обсуждения вопроса о проливах, мы не могли бы сказать, что территориальные требования были только тактическим шагом...»¹.

Есть, впрочем, и другие исследователи, которые предлагают рассматривать послевоенный кризис советско-турецких отношений в комплексе взаимоотношений двух стран в 20–40-е гг. В своей докторской диссертации Б. Кайяоглу отмечает, что в изменении внешнеполитического курса СССР после войны в равной степени была виновата и турецкая сторона. Соглашаясь с тем, что требования СССР о базах и территориях нанесли серьезный удар по советско-турецким отношениям и подтолкнули Анкару к Западу, Б. Кайяоглу отмечает, что советско-турецкие отношения были корректными — даже дружескими — начиная с 1920-х гг., обращая внимание на то, что в межвоенный период турецкое правительство старалось не делать большой проблемы из советских требований аналогичного характера². В своем исследовании Ф. Ахмад также приходит к выводу, что главная причина советских требований состояла в том, что «отношения между Анкарой и Москвой больше не были прежними после войны, потому что Советский Союз был убежден, что нейтралитет Турции благоприятствовал Берлину». При этом он подчеркивает, что *«официальных требований со стороны Москвы не было, были только предложения»* (выделено нами. — А. Б.)³.

Точку зрения Б. Кайяоглу на характер взаимоотношений СССР и Турецкой Республики в 1920–1940-е гг. поддержи-

¹ *Ulgul M.* Op. cit. P. 38.

² *Ibid.* P. 38.

Имеется в виду территориальные претензии СССР к Турции и попытки изменить режим КМ-36 в межвоенный период. См. подробнее в гл. 1.1.

³ *Feroz A.* Op. cit. P. 25.

вают П. Бильгин и К. Джош, которые склонны идти дальше многих из своих коллег, исследуя истоки советско-турецких отношений¹. Так, они приходят к выводу, что внешнеполитический дискурс Турции по поводу идентичности СССР за два десятилетия «прошел полный круг». «В межвоенный период СССР не один раз, не дважды, а четыре раза заявлял о своих интересах так, чтобы Турция изменила свою позицию по многим вопросам, включая режим проливов <...> и ее восточных границ»². Тем не менее, отмечают они, турецкие политики предпочитали изображать эти потенциально опасные предложения «как простые внешнеполитические вызовы», сохраняя «идентичность» своего северного соседа как «искреннего друга»³. Т. е., по мнению авторов, значение потенциально взрывоопасного момента было сознательно преуменьшено⁴.

После войны, когда турецкие политики «решили *обострить отношения с СССР и стремились к безопасности в союзе с Западом* (выделено нами. – А. Б.), в их дискурсе идентичность северного соседа была представлена как “СССР, царский экспансионист”, что, в свою очередь, сделало сохранение <...> “искренней дружбы” “невозможным, а разрыв с СССР неизбежным”»⁵. В данном случае выражение «обострить отношения с СССР» не следует понимать буквально. Подобно другим турецким историкам, П. Бильгин и К. Джош считают, что невозможность после советских требований продолжить с СССР прежнюю политику подвела турецких руководителей к необходимости бросить вызов Советскому Союзу в форме открытого отказа от его требований, рассчитывая на поддержку западных

¹ См.: гл. 1.1.

² Там же.

³ Coş K., Bilgin P. Op. cit P. 57.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 58.

союзников Советского Союза¹. Поворот этот не был одно-моментным, а происходил по мере осознания руководителями Турции невозможности оставаться в прежнем формате советско-турецких взаимоотношений, а «пока турецкие политики пытались решить, как именно реагировать, какое-то время они молчали»². В самом дискурсе политики Анкары, отмечают П. Бильгин и К. Джош, «произошел поворот». В то время как в предыдущих случаях Турция не отклоняла советские предложения по изменению режима Монтрё, «на этот раз министр иностранных дел публично отверг любые возможные двусторонние решения, которые должны были быть найдены для решения советских проблем». Эти слова Ш. Сараджоглу означали изменение образа СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции, поскольку, в отличие от предыдущих лет, предложение В. М. Молотова было представлено турецким премьер-министром как подрывающее суверенитет Турции³.

В особенности изменение дискурса в конструировании образа СССР, по мнению П. Бильгин и К. Джоша, было заметно в позиции сторонников сохранения прежних советско-турецких отношений. Так, генерал в отставке Казым Карабекир⁴, который был одним из важнейших участников становления дружеских отношений между Турцией и СССР в 20-е гг., в 1945 г. вновь выразил желание, чтобы между Турцией и СССР сохранялись хорошие отношения. «Тем не менее, Карабекир также предупредил, что, если СССР будет настаивать на проведении “царской

¹ Ibid. P. 45.

² Ibid. P. 56.

³ Ibid. Pp. 55–56.

⁴ Муса Казым Карабекир (1882–1948) – османский и турецкий военный и политический деятель. В конце Первой мировой войны командовал армейским корпусом. В 1920 г. руководил военными действиями против Армении. Был спикером Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ). В 1945 г. депутат ВНСТ.

политики” и требовать территориальных уступок, вражда девятнадцатого века, безусловно, возродится». С точки зрения П. Бильгин и К. Джоша, это был еще один показатель «сдвига» в дискурсе турецкой политики. Как и в случае со словами Ш. Сараджоглу, использование К. Карабекиром термина «царская политика» применительно к СССР сигнализировало о возможности возврата к представлениям о России, существовавшим до начала советско-турецкого сближения. «Всего несколько месяцев назад (т.е. до заявления В. М. Молотова. – А. Б.) актуальность прежней идентичности СССР как “царского экспансиониста” была отвергнута турецкими политиками в пользу послевоенной идентичности “искреннего друга”». Теперь же, подчеркивают П. Бильгин и К. Джош, один из архитекторов имиджа СССР в межвоенный период публично ставил под сомнение актуальность этой идентичности¹.

Следует отметить, что степень резкости заявления К. Карабекира исследователями явно преувеличена. Тем не менее, как отмечают П. Бильгин и К. Джош, если молодая Турецкая Республика не могла позволить себе пренебрегать союзом с СССР в межвоенную эпоху, когда ее отношения с Западом были еще трудными, то теперь «Турция смогла позволить себе твердо противостоять СССР так, как не могла раньше»².

Касаясь дальнейших событий, следует отметить, что в целом оправдался расчет турецких дипломатов и на интернационализацию спора с Советским Союзом. М. Бильгин отмечает, что британская реакция на советские требования «была энергичной». МИД Великобритании счел эту акцию «противоречащей сталинским заверениям в Ялте»³. По словам М. Бильгина, «британский МИД был также удивлен, что

¹ Coş K., Bilgin P. Op. cit. P. 56.

² Ibid. P. 57.

³ Bilgin M. Op. cit. P. 56.

Молотов уже предложил турецко-советское соглашение по Проливам, в то время как британское и американское правительства все еще ожидали предложений Кремля, которые последний обещал передать им в Ялте»¹. Таким образом, Великобритания обвиняла Советский Союз в желании поставить ее перед свершившимся фактом.

Поэтому, М. Бильгин подчеркивает, что Великобритания *твердо* поддержала Турцию. «И Анкара, и Лондон отодвинули в сторону свои разногласия, связанные с войной, и начали фокусироваться на советской угрозе, поскольку Турция была последним оплотом перед советским продвижением на Ближний Восток, где лежали жизненно важные британские интересы»².

Более того, как указывает М. Бильгин, «в ответ на запрос Турции о консультации в связи с неприемлемыми советскими требованиями британский посол сообщил правительству Турции 20 июня (1945 г. – А. Б.), что нет необходимости добавлять что-либо к тем замечаниям, которые Сарпер уже сделал Молотову. Петерсон также поинтересовался, желает ли турецкое правительство, чтобы Великобритания вмешалась в ситуацию до предполагаемой встречи “большой тройки”»³. По словам М. Бильгина, после последнего (третьего. – А. Б.) объяснения В. М. Молотова и С. Сарпера с согласия Анкары Лондон предложил Вашингтону совместную линию в отношении Советского Союза⁴. Однако Соединенные Штаты отклонили это предложение.

Таким образом, турецкие авторы справедливо отмечают: внешнеполитическая ситуация накануне Потсдамской конференции сделала невозможным для Советского Союза решить в рамках двусторонних переговоров с Анкарой

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

комплекс проблем, связанных с Турцией, в свою пользу. М. Бильгин подчеркивает, что хотя в Лондоне по-прежнему поддерживали советские предложения «о свободном проходе через проливы в условиях мира и войны», там полагали, что «у СССР не было оснований для требований военных баз в проливах, и эти требования должны были быть решительно отвергнуты»¹. По мнению британских аналитиков из генерального штаба, в случае упорства советской стороной в своих требованиях вопрос о турецких территориях и проливах следовало передать либо на обсуждение «4-х великих держав» (включая Францию. – А. Б.), либо в ООН, подчеркивая при этом необходимость не оставлять его в формате двустороннего обсуждения между Анкарой и Москвой, «поскольку Москва в этом случае добьется своего (выделено нами. – А. Б.)»².

В дальнейшем ход переговоров по «проливному» и территориальным вопросам подтвердил невозможность для Советского Союза реализовать свои требования. В целом факты потсдамских переговоров, изложенные в монографиях Т. Атаова и М. Бильгина и Б. Р. Кунихолма, соответствуют советским публикациям документов³. Следует, тем не менее, отметить, что, по мнению Б. Р. Кунихолма, «советские протоколы заседания сильно исказили разговор 24 июля. По советской версии создается впечатление, что Советы не интересовались проливами и что они считали, что с Турцией следует (лишь. – А. Б.) проконсультроваться по вопросу пересмотра Конвенции Монтрё»⁴. Б. Р. Кунихолм имеет в виду тот день, когда было принято решение об отдельных кон-

¹ Ibid. P. 57.

² Ibid.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 17 июля – 2 августа 1945 г. М.: Политиздат, 1980.

⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 261.

сультациях каждой из сторон с турецким правительством¹. Согласно советским публикациям протоколов Потсдамской конференции (см. в сносках) обмен мнениями по вопросу о конвенции Монтрё состоялся 22 июля 1945 г.

22 июля 1945 г. советский проект пересмотра конвенции Монтрё был представлен на рассмотрение глав союзных правительств. Советская делегация учла негативный опыт переговоров с турецким правительством и заявила, что в случае категорического отказа Турции принять территориальные претензии СССР советская сторона готова заключить с Турцией соглашение только в отношении проливов². Объяснение подобному повороту предлагает Б. Р. Кунихолм. По его словам, «Черчилль, поддерживая свое предложение о пересмотре Конвенции Монтрё, считал, что предложение Молотова (о территориальных уступках. – *А. Б.*) выходит далеко за рамки разговоров, которые он и Иден имели со Сталиным и Молотовым по этому вопросу (в Ялте. – *А. Б.*). Он был уверен, что турки никогда не согласятся на такие переговоры, и сказал, что он свободен от каких-либо обязательств перед новыми предложениями. Сталин признал, что это предложение вышло за рамки их разговоров (вопрос о проливах, обсуждаемый на Ялтинской конференции. – *А. Б.*), после чего Трумэн предложил отложить вопрос, поскольку он не был готов высказать свое мнение»³.

Таким образом, У. Черчилль дал ясно понять, что советский документ идет гораздо дальше того, что может предложить СССР Великобритании, имея в виду подписание советско-турецкого договора о совместной обороне. Попытки И. В. Сталина и В. М. Молотова указать на то, что опыт прошедшей войны показал опасность для СССР

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. С. 177, 186–188.

² Там же. С. 145.

³ *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 261.*

чрезмерной зависимости от Турции в отношении режима проливов, не возымели успеха. У. Черчилль был готов согласиться на советский контроль в проливах только с участием Великобритании и США¹. Это отбрасывало СССР к временам Лозанны, поэтому советская сторона предпочла свернуть дискуссию. Итоговым документом по проливам стала резолюция о необходимости ревизии конвенции Монтрё, предусматривающая отдельные консультации каждой из сторон с турецким правительством². В интерпретации Б. Р. Кунихолма это решение «Большой Тройки» изложено следующим образом: «в англо-американской версии протокола <...> отмечалось, что в качестве следующего шага этот вопрос (частичный пересмотр КМ-36. – А. Б.) должен стать предметом прямых переговоров между каждым из трех правительств и правительством Турции»³.

При этом Т. Атаов отмечал, что «три правительства (СССР, США и Великобритании. – А. Б.) согласились с тем, что конвенция о проливах, заключенная в Монтрё, *должна быть пересмотрена, так как она не соответствовала условиям настоящего времени* (выделено нами. – А. Б.)»⁴. Таким образом, турецкие историки не отрицают, что и после провала советских претензий на Потсдамской конференции ни одна из союзных держав не сомневалась в обоснованности требований Советского Союза о поправках в действующую конвенцию о проливах. Однако в условиях отсутствия согласованной позиции держав по поднятой проблеме это заранее обрекало саму идею пересмотра конвенции на неудачу.

Тем не менее, по мнению турецких и западных исследователей, положение могло быть изменено в том случае,

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. С. 159–161.

² Там же. С. 477.

³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 261.

⁴ Ataöv T. Turkish foreign policy. P. 128.

если бы СССР отказался от заранее невыполнимых требований – совместного с Турцией контроля над проливами. Т. Атаов пишет, что «в соответствии с соглашением, достигнутым на Потсдамской конференции, правительство Соединенных Штатов представило 2 ноября 1945 года ноту правительству Турции»¹. Согласно этой ноте, проливы открывались «для торговых судов всех народов во время мира и войны» с закрытием Босфора и Дарданелл для военных кораблей неприбрежных стран. Исключения допускались только в особых случаях в виде согласия самих черноморских государств или по решению ООН². Столь выгодные для СССР предложения со стороны США Б. Р. Кунихолм объясняет тем, что американцы не хотели брать на себя ответственность за безопасность проливов³.

Таким образом, положение СССР как сильнейшей черноморской державы и его членство в Совете Безопасности ООН практически полностью гарантировали Черное море от проникновения ВКР нечерноморских держав, по крайней мере в мирное время. Это была реальная основа для переговоров. Как отмечает Б. Р. Кунихолм, Турция была согласна вести диалог с СССР в рамках американского проекта⁴, «хотя у турок было несколько замечаний»⁵. Как можно сделать вывод из монографии Б. Р. Кунихолма, причина неудачи американской ноты состояла в том, что предложения госдепартамента по разным причинам не соответствовали политике заинтересованных сторон. По его словам, турки не дали формального ответа, «поскольку ни Советы, ни англичане не выразили своего отношения. Министр иностранных

¹ Ibid. P. 128.

² Ibid.

³ *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 266.*

⁴ Ш. Сараджоглу в декабре 1945 г. заявил своему правительству, «что примет предложения США в качестве основы для обсуждения» (см. *Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 129*).

⁵ *Kuniholm B. R. Op. cit. P. 267.*

дел Турции (Хасан Сака. – А. Б.) считал, что если Турция примет их (американские предложения. – А. Б.), советы заявят, что они недовольны предложениями, а затем увеличат их требования. Непосредственной реакцией советского посла в Турции Сергея Виноградова было заявление, что безопасность СССР была недостаточной, и требование баз в Турции сохранилось»¹. Конец обмена мнениями между державами и Турцией по вопросу о проливах был положен нотами СССР и Турции от 24 сентября и 18 октября 1946 г.² В Турции 18 октября 1946 г. считается завершением для нее Второй мировой войны³.

Таким образом, причины непонятного упорства СССР в реализации явно невыполнимых требований следует искать не в объективных, а в субъективных причинах, главной из которой являлась переоценка советским руководством (конкретно И. В. Сталиным) возможностей СССР после победы над Германией. Так, впоследствии В. М. Молотов в беседе с писателем Федором Чуевым признавал, что требования к Турции в 1945–1946 гг. были несправедливыми: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был

¹ Ibid.

² Нота МИД СССР от 24 сентября 1946 г. была ответом на турецкую ноту от 22 августа 1946 г. В этой ноте правительство Турции заявляло, что требование СССР о совместной обороне проливов затрагивает суверенитет Турции и угрожает ее безопасности. В ответной ноте правительство СССР утверждало, что требования СССР, имеющего в Черном море самую протяженную границу, вытекают из его жизненных интересов, а также соответствуют интересам безопасности черноморских стран, в том числе и самой Турции. Последним ответом Турции на советские ноты по вопросу о черноморских проливах явилась нота от 18 октября 1946 г. В этом документе отвергались претензии и упреки, высказанные советской стороной относительно случаев неисполнения турецким правительством своих функций по контролю над режимом проливов в годы войны. СССР оставил эту ноту без ответа. Советское правительство не потребовало также созыва конференции по пересмотру конвенции Монтрё, а когда наступил срок окончания ее действия, не сообщило об аннулировании конвенции. Таким образом, конвенция Монтрё действует до сих пор.

³ *Поцхверия Б. М.* Указ. соч. С. 363.

выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 году, после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считая замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки»¹.

К каким же результатам, по мнению турок, привел кризис в советско-турецких отношениях в связи с требованием СССР реформировать конвенцию Монтрё? По их мнению, по сравнению с Турцией Советский Союз понес гораздо бóльшие внешнеполитические потери. Согласно утверждению М. Ульгюля, советскую политику в отношении Турции в 1945 г. следует охарактеризовать как провал, поскольку ни одно из требований Советского Союза не было реализовано. Одной из основных причин М. Ульгюль считает территориальные требования, «которые вызвали более негативную реакцию, чем требование о базах (в проливах. — А. Б.)»². Как утверждает С. Бильге, «уважение к территориальной целостности Турции было одним из главных условий дружбы с Турцией, и нарушение этого условия вызвало не только негативную реакцию со стороны турецких политиков, но и турецкой общественности и прессы. Когда Соединенные Штаты настаивали на базах в Турции в последующие годы, это не вызвало общественной реакции, а в конце 1950-х годов Турция даже вызвалась предоставить базы для американских баллистических ракет»³. Эта ситуация была расценена как естественные результаты альянса с западными государствами, они не рассматривались как неуважение к независимости Тур-

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 102.

² *Ulgul M.* Op. cit. P. 44.

³ Имеется в виду установка «Юпитеров» — американских баллистических ракет средней дальности, ставших исходной точкой для советско-американских осложнений и знаменитого Карибского кризиса начала 1960-х гг.

ции»¹. При этом С. Бильге забывает, что в рассматриваемое время Турция являлась членом НАТО и, следовательно, была вынуждена исполнять свои обязанности как участник коллективной обороны. По мнению же О. Ишчи, именно И. В. Сталин нарушил Ялтинскую схему, стремясь расширить советскую периферию влияния на кавказскую границу Турции и Ирана². Вторым результатом турецкие ученые считают полный поворот во внешнеполитической традиции республиканской Турции. Как отмечает М. Бильгин, «советская угроза стала основным фактором, который возродил традиционное англо-турецкое стратегическое сотрудничество в начале эпохи холодной войны» (частично анкарский диалог продолжался в период войны. – А. Б.)³. П. Бильгин и К. Джош также подчеркивают, что переосмысление идентичности СССР сконструировало новую «реальность», в рамках которой принимались конкретные внешнеполитические решения, в том числе послевоенный поворот Турции от СССР к «Западу»⁴. М. Ульгюль утверждает, что, требуя неприемлемых условий, советское правительство само толкнула Турцию в «объятия» западных государств и заставило ее отказаться от традиционной политики баланса сил еще в начале холодной войны⁵. Продолжая эту мысль, турецкие исследователи А. Давут Хан и С. Бугра указывают, что «как следствие, Турция стала членом НАТО в 1952 году. Это был конец периода нейтралитета, который она так старалась сохранить любыми средствами во время войны и после нее. Было очевидно, что использование одной могущественной страны против

¹ *Bilge Suat A.* Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. P. 352. (Цит. по: *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 44–45).

² *Isci O.* Op. cit. P. 259.

³ *Bilgin M.* Op. cit. P. 56.

⁴ *Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 58.

⁵ *Ulgul M.* Op. cit. P. 37.

другой для сохранения статуса уже невозможно. Период невмешательства в активную международную политику закончился»¹.

Таким образом, в современной турецкой историографии традиционно преобладает негативная оценка той роли, которую сыграл Советский Союз в послевоенной истории советско-турецких отношений. Следует признать справедливость выводов в той части, которая касается выдвижения СССР заведомо невыполнимых требований по исправлению советско-турецкой границы, хотя это было обусловлено в первую очередь ошибками И. В. Сталина. При этом некоторые исследователи обращают внимание на то, что советские предложения не носили законченного характера, т.е. сохранялась возможность для переговоров. Подчеркивая справедливый характер турецкой политики, многие авторы не обращают внимания на то, что советские требования к Турции в отношении проливов не оспаривались никем из держав антигитлеровской коалиции, в том числе самой Турцией, и были продиктованы печальным опытом турецкого суверенитета над проливами в период Второй мировой войны. В самой турецкой историографии преобладает тенденция ограничить исследование территориальных и «проливных» претензий Советского Союза послевоенным периодом, т.е. показать, что политика Турции в этом вопросе изначально носила принципиальный характер, и не акцентировать внимание на том периоде, когда Турция была вынуждена придерживаться менее жесткой риторики и стараться не замечать советских требований. Таким образом, более объективный характер носят те исследования, в которых данная проблема рассматривается, начиная с межвоенного периода.

¹ *Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy // Vistula University – Warsaw, Poland. 1(39): 2014. P. 149.*

Глава 3

Взаимоотношения Турции с державами оси и западными участниками антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)

3.1. Был ли нейтралитет Турции «активным»? (1941–1944 гг.).

В турецкой историографии положительно оценивают нейтралитет Турции в годы войны, при этом в отношении нейтралитета делается ряд оговорок и дается теоретическое обоснование. Делаются попытки понять корни «турецкой философии нейтралитета». Отмечается, что внешняя политика Турции во время Второй мировой войны осуществлялась в русле «активного нейтралитета». В этот период Турция была близка с западными участниками антигитлеровской коалиции, особенно с Великобританией, которая настойчиво хотела, чтобы Турция приняла активное участие в войне. Благодаря переговорам с Великобританией и США Турции удалось избежать этого. Не скрывается как то, что у Турции были хорошие отношения со странами оси, особенно с Германией, так и то, что на протяжении почти всей войны Турция экспортировала в Германию хром, который был жизненно важен для немецкой военной промышленности. Главной проблемой Турции считается не германская угроза и опасность втягивания в войну, а советская угроза и риск ее распространения в послевоенное время. Отмечается, что причиной была тяжесть исторического прошлого во взаи-

моотношениях двух стран. В турецкой историографии это традиционно называют «османским прошлым»¹.

Что касается исследователей, то оценки турецкого нейтралитета разными историографическими школами² в целом схожи. Так, представитель западного направления историографии С. Кара утверждает, что внешняя политика Турции во время Второй мировой войны была хорошим примером «успешной, профессионально управляемой сложной дипломатией». Одним из наиболее важных успехов внешней политики Турции, по его мнению, было то, что она поддерживала более-менее нейтральные и дружественные отношения с обеими сторонами конфликта³. Он указывает на то, что в период войны Турция придерживалась «достаточно стабильной позиции», не связываясь ни с одной из сторон конфликта как до войны, так и во время ее. «Политика двух сторон», по его мнению, являлась дипломатическим достижением Турции, поскольку благодаря этому Турция избежала германского вторжения⁴. Селим Дерингиль отмечал, что у турецкого руководства в этом плане был исключительно практический подход⁵.

Представитель нового направления в турецкой историографии Ф. Ахмад со своей стороны считает, что нейтралитет Турции не всегда понимается правильно. По его мнению, «некоторые критики склонны к моральному осуждению некоторых политических действий Турции в военное время». Он отмечает, что с точки зрения национальных интересов Турции такое осуждение необоснованно. Похожую позицию занимает М. Алтынорс. Соглашаясь с тем, что

¹ Nur Altınörs M. Op. cit. Pp. 3–4.

² По отношению к политике Турции в период Второй мировой войны понятие «историографические школы» носит условный характер (см. Введение, с. 10.)

³ Kara S. Op. cit.

⁴ Ibid.

⁵ Deringil S. Turkish Foreign Policy During the Second World War. P. 4.

внешняя политика Турции во время Второй мировой войны часто подвергалась критике «как не моральная, не этическая и беспринципная», в том числе и некоторыми турецкими историками¹, он подчеркивает, что оставаться нейтральным во время войны было «единственной формулой» для достижения национальной безопасности². Другие исследователи западной школы – А. Давут Хан и С. Бугра, – отмечая наличие историографического направления, которое не одобряет политику Турции во время войны, подчеркивают, что благодаря ей «Турции удалось избежать страданий <...> и экономического кризиса, который глубоко разрушил многие другие страны» (т.е. те, которые были вынуждены встать в очередь за экономической помощью по плану госсекретаря США Джорджа Маршалла. – А. Б.)³.

Ряд историков западной школы обращают внимание на то, что хотя нейтралитет Турции во время Второй мировой войны достаточно изучен, некоторые важные моменты все еще требует более глубокой и тщательной проработки. Так, М. Онсой и Г. Баба обращают внимание на то, что для турецкой правящей элиты сохранение нейтралитета *было высшим приоритетом любой ценой*, и это было связано с *психологией национальной безопасности*, глубоко укоренившейся в результате Первой мировой войны⁴. Они указывают также и на то, что Турция была *одной из немногих стран*, остававшихся нейтральными во время Второй мировой войны. Выше отмечалось, что, по мнению турецких историков, политика нейтралитета была большим испытанием для правительства страны, поскольку права малых нейтральных стран в военное

¹ Имеется в виду С. Дерингиль.

² Nur Altınörs M. Op. cit. Pp. 3–4, 6.

³ Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy. P. 149.

⁴ Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 140.

времени часто игнорировались¹. Последнее, безусловно, относится к «польскому синдрому», чем, согласно утверждению турецких историков, страдала турецкая элита после раздела Польши². Подобное понимание войны турецкими лидерами, полагает О. Йылдырым, «привело к очень тяжелой борьбе <...> во время Второй мировой войны, ввиду попытки сохранить хорошие отношения с обеими сторонами (странами оси и антигитлеровской коалицией. – А. Б.) <...> Благодаря этой борьбе Турция сумела сохранить свой нейтралитет»³.

Уже отмечалось, что есть исследователи, которые не одобряют политику Турции во время войны. Так, М. Алтынорс указывает, что С. Дерингиль склонен оценивать внешнюю политику Турции во время Второй мировой войны с моральных позиций⁴. Г. Баба отмечает, что во время войны политика Турции по невмешательству была основана на «выжидательном подходе», при этом Анкара наблюдала за тем, «какой блок преобладает, чтобы решить, какой из них поддержать». Он считает, что несмотря на то, что такая политика помогла Анкаре выиграть время (т.е. присоединиться к победителям – А. Б.), это не избавило ее от послевоенных трудностей⁵. Среди исследователей «националистического» направления есть те, кто отрицательно относится к турецкому нейтралитету. Так, К. Джумхур считает, что в дальнейшем такая политика дорого обошлась стране, обрекая ее на международную изоляцию⁶. Наконец, следует выделить Т. Атаова – в 60–80-е гг. представителя

¹ Ibid. Pp. 123–124. См. также гл. 1.2.

² Feroz A. Op. cit. P. 32.

³ Yıldırım O. Op. cit.

⁴ Nur Altınörs M. Op. cit. Pp. 3–4, 6.

⁵ Baba G. Op. cit. P. 77.

⁶ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 19–20.

школы турецких историков, придерживавшихся левой политической ориентации (о его позиции см. далее).

Таким образом, теоретическая база исследований турецкого нейтралитета во многом носит оправдательный характер. Это не исключает критики внешнеполитической доктрины Турции времен Второй мировой войны, как и желания переосмыслить ряд ее концептуальных положений. Следует отметить, что подобная полифония мнений принадлежит представителям разных историографических школ. В связи с этим следует выделить основные черты турецкого нейтралитета.

Прежде всего отметим, что основы турецкого нейтралитета стали складываться еще до Второй мировой войны. Политика Турции во время Второй мировой войны в основном опиралась на наследие внешней политики К. Ататюрка. Главный принцип внешней политики К. Ататюрка был сформулирован в девизе: «Мир дома и мир во всем мире». В соответствии с этим принципом во внешней политике периода Второй мировой войны Турция придерживалась курса на «активный» нейтралитет, при этом принципиальные установки доктрины К. Ататюрка не подлежали изменению. Уже отмечалось, что основной целью турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было избежать войны любой ценой. Внешняя политика Турции в рассматриваемый период подразумевала «свободу рук», насколько это было возможно, не связывая себя ни с одной из сторон как до войны, так и во время нее.

В связи с этим С. Кара заключает, что ко времени Второй мировой войны Турция уже имела хорошо продуманную и многоплановую внешнюю политику. В его понимании это было связано с реалистичным подходом, т.е. состояло в понимании сильных и слабых сторон государства, и осторожным руководством внешней политикой со стороны ту-

рецкого правительства. Для Турции, подчеркивает С. Кара, не имели значения такие понятия, как «наследственный враг», «традиционная дружба» или «традиционный партнер». «Вкратце, главная цель турецкой внешней политики во время войны состояла в том, чтобы выжить и защитить свое положение в международной системе <...> Все решения, попытки и действия правительства были сделаны с целью достижения этих целей»¹.

То же отмечает М. Алтынорс. Приводя в пример слова генерального секретаря турецкого МИДа, а затем министра иностранных дел Турции в 1942–1944 гг. Н. Менеменджиоглу, он писал, что тот «считал, что Турция практически ничего не выиграет, но многое потеряет, вступив в войну»². Т. Атаов подчеркивал, что «принципиальной основой турецкой внешней политики были, конечно же, требования национального интереса (т.е. политика невмешательства. — А. Б.)»³. М. Ульгюль присоединяется к мнению коллег, отмечая, что еще в 1939 г. турки согласились принять меры против Германии лишь в том случае, если Германия создаст прямую угрозу для Турции⁴. Согласно утверждению М. Бильгина, во время войны основным направлением внешней политики Турции было оставаться вне войны, пытаясь придерживаться сбалансированной политики между странами оси и антигитлеровской коалицией⁵. А. Давут Хан и С. Бугра называют внешнюю политику Турции в период войны «своеобразной», но в целом присоединяются к общему мнению, считая, что курс Анкары являлся результатом заранее продуманной политики «дружбы и баланса». Тем не менее они отмечают, что несмотря на то, что принцип

¹ Kara S. Op. cit.

² Nur Altınörs M. Op. cit. Pp. 3–4.

³ Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 130.

⁴ Ulgul M. Op. cit. P. 22.

⁵ Bilgin M. Op. cit. P.

нейтралитета доказал свою эффективность, он имел свои недостатки¹.

Основные принципы турецкого нейтралитета были сформулированы в 1940–1941 гг. По мнению турецких историков, 1940 г. был самым тяжелым годом для Турции из-за непредвиденных событий, таких как падение Франции и распространение войны на Балканы². Роль страны «как нейтральной державы, поставляющей стратегические материалы для воюющих сторон³, и стража проливов, оказалась под угрозой»⁴. В середине 1941 г. Турция находилась практически в дипломатической изоляции ввиду военных успехов Германии и советско-германского пакта о ненападении. Исходя из этого, в турецкой литературе подчеркивается, что в Анкаре реалистично рассматривали свои возможности и придерживались прагматичного подхода, не оставляющего места для авантюризма. Поэтому, как пишет О. Ишчи, «не могло быть и речи о вступлении Турции в войну на стороне Оси, ни в трудные 1940 и 1941 годы, ни во время подавляющих успехов Германии в России»⁵.

В соответствии с этим политика Турции строилась по принципу «приоритетного партнерства». Турецкие историки утверждают, что до января 1943 г., когда СССР нанес сокрушительное поражение Германии, «главной заботой Турции была германская угроза»⁶. Учитывая сложнейшую ситуацию, в которой оказалась Турция в 1940–1941 гг., вывод турецких

¹ *Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War on Turkey's Foreign.* Pp. 147, 149.

² *Önsoy M., Baba G. Op. cit.* P. 126. См. подробнее гл. 1.2.

³ Согласно Ф. Ахмаду, чтобы не использовать свою армию в военных действиях, турки распределяли «стратегически важный экспорт» для обеих противоборствующих сторон (см. *Feroz A. Op. cit.* P. 28).

⁴ *Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War on Turkey's Foreign.* P. 134.

⁵ *Isci O. Op. cit.* Pp. 111–112.

⁶ *Bilgin M. Op. cit.* P. 43.

историков следует признать обоснованным. При этом, по мнению А. Давут Хана и С. Бугра, «германская угроза» на самом деле была лишь аргументом в пользу нейтралитета ввиду требований Великобритании вступить в войну¹.

III. Чалыш со своей стороны считает, что суверенитет Турции в период войны был *прогерманским*, подчеркивая, что турки «проявили свою симпатию к Германии в этой войне с самого ее начала (выделено нами. – А. Б.) <...> Турция, по сути, с самого начала считала германский договор (18 июня 1941 г. – А. Б.) дополнительным договором к трехстороннему соглашению (Анкарскому. – А. Б.) <...> Многие турецкие государственные деятели выразили свои чувства в пользу победы Германии над Советами». Возможно, делает вывод III. Чалыш, поэтому, помимо экономических причин, Турция не разорвала свои дипломатические и торговые отношения с Германией до 1944 г., несмотря на огромное давление западных держав во время войны². А. Давут Хан и С. Бугра также подчеркивают, что разрыв отношений с Германией и Японией и объявление войны Берлину и Токио произошло, прежде всего, «из-за давления со стороны держав Альянса»³. Т. Атаов обращает внимание на слова президента Турции И. Инёню, который отмечал, что позиция нейтралитета «была полезна для победы союзников. Что касается нашего объявления войны оси, это было *результатом союзнического требования* (выделено нами. – А. Б.)»⁴.

С учетом политики Турции в годы войны с мнением выше указанных турецких исследователей следует согласиться. Это подтверждается и материалами других историков. А. Кылыч

¹ Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy. P. 147.

² Çalış Ş. Op. cit. P. 105.

³ Davut Han A., Bugra S. Op. cit. Pp. 138–139.

⁴ Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 132.

отмечает, что Турция была экономически зависима от Германии, и «несомненно» в период войны атмосфера для тесного сотрудничества с Германией была «благоприятной»¹. В связи с этим О. Ишчи указывал на то, что в рассматриваемый период министр иностранных дел Турции Н. Менеменджиоглу выступал за укрепление связей с Германией, прежде всего экономических². По мнению С. Кара, «хорошие отношения» с Германией объяснялись тем, что наличие скрытой германской угрозы было наиболее важным аргументом Турции в плане отказа от вступления в войну³.

Державы оси были в целом довольны политикой Турции и в отношении проливов⁴. Благодаря этому, когда Турция попыталась изменить данную политику в пользу антигитлеровской коалиции и облегчить проход ВКР через Босфор и Дарданеллы, она сумела сделать это, не обостряя отношения с Германией⁵.

Ф. Ахмад подчеркивает, что положение Турции стало наиболее трудным после зимы 1942 г., когда «Сталинградская битва (и битва при Эль-Аламейне⁶. – А. Б.) сорвала замыслы Гитлера на востоке и предвосхитила крах Третьего рейха». Помимо прочего «это также усилило давление союзников на турок, чтобы они отказались от своей нейтральной позиции»⁷.

В результате неблагоприятная ситуация, по мнению М. Ульгюля, подтолкнула турецких правителей к проведе-

¹ *Kılıc A.* Op. cit. P. 74.

² *Isci O.* Op. cit. P. 96.

³ *Kara S.* Op. cit.

⁴ О причинах этого см.: гл. 2.1.

⁵ *Yıldırım O.* Op. cit.

⁶ Битва при Эль-Аламейне – сражение Североафриканской кампании Второй мировой войны, в ходе которой британские войска под командованием генерала Бернарда Монтгомери нанесли поражение североафриканской итало-немецкой группировке фельдмаршала Эрвина Роммеля в октябре–ноябре 1942 г.

⁷ *Ahmad F.* Op. cit. P. 29.

нию политики, противоречащей ее союзу с Великобританией. Чтобы подготовиться для послевоенной борьбы с СССР, «турки отклонили приглашения союзников присоединиться к войне, а также отказались от помощи Красной Армии», решив «сохранить свои экономические и политические связи с Германией как можно дольше»¹. Данное мнение полностью совпадает с точкой зрения Ш. Чалыша, изложенное им при оценке политической и экономической линии турецкого правительства в годы войны.

Итак, турецкие авторы свидетельствуют о том, что политика дружественных отношений с Германией была составной частью активного турецкого нейтралитета в годы войны. Под «активностью» в данном случае подразумевается стремление Анкары усилить благодаря турецко-германским отношениям свой экономический потенциал, а в случае поражения СССР распространить свое влияние на советские территории с тюркским населением².

Турецко-германские отношения неотделимы от экономической политики, проводимой Турцией в годы войны. Как отмечает петербургский востоковед А. А. Сотниченко³, «значение экономических отношений между Германией и Турцией в период Второй Мировой войны трудно переоценить»⁴. Эта тема является одним из ключевых направлений в турецкой историографии. Подчеркивается, что развитие торговых отношений было исключительно важно для двух государств. Так, М. Онсой и Г. Баба отмечают, что за подписанием 18 июня 1941 г. германо-турецкого

¹ *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 29–31.

² См. подробнее в гл. 2.1.

³ Сотниченко Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

⁴ *Сотниченко А. А.* Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. Сборник материалов. С. 100.

договора о дружбе последовало заключение нескольких коммерческих соглашений, включая торговое соглашение, известное как соглашение Клодия, подписанное в октябре 1941 г. и предусматривающее обмен турецкого сырья на немецкие военные материалы¹. Турция согласилась поставить 45 000 тонн хрома в Германию в 1941–1942 гг., несмотря на свое обязательство продавать весь хром, произведенный до января 1942 г., британцам².

Т. Атаов отмечает, что потеря импорта сырья из Турции нанесла бы серьезный удар по экономике Германии. По его словам, Германия тщательно изучила возможность получения необходимого импорта из других стран, но сочла его нецелесообразным, поскольку импорт из других стран «уже использовался в полной мере», в то время как необходимые средства для покупки в странах с твердой валютой не были доступны по политическим причинам. С другой стороны, Германия вместе с аннексированными территориями была самым важным рынком Турции, где она могла продавать 50% своего экспорта³.

Таким образом, признается, что Турция косвенно помогла Германии, продавая ей важный в стратегическом плане

¹ В октябре 1941 г. Турция и Германия подписали соглашение Клодия, названное в честь немецкого переговорщика Карла Клодия. Турция согласилась экспортировать до 45 000 тонн хромовой руды в Германию в 1941 и 1942 годах и 90 000 тонн этого минерала в 1943 и 1944 годах при условии поставок Германией военного оборудования в Турцию. В попытке предотвратить поставки стратегического минерала в Германию Великобритания и США специально пошли на покупку турецкого хрома в большом количестве. В рамках «пакетной сделки» англо-американцы также закупили турецкие сухофрукты и табак (см. German–Turkish Treaty of Friendship. Clodius Agreement. From Wikipedia, the free encyclopedia). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/German%E2%80%93Turkish_Treaty_of_Friendship \1 «~: text=%D0%92%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D0%B5%201941%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F.%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D (дата обращения: 29.10.22).

² *Önsoy M., Baba G. Op.cit. P. 140.*

³ *Ataöv T. Turkish Foreign Policy. P. 40.*

хром. Тем не менее Т. Атаов подчеркивает, что больше всего хрома Турция продала Великобритании. «Более того, Британия могла получить весь турецкий хром за весь военный период, только если бы она приняла ранее турецкое предложение о покупке турецкого хрома в течение всего периода войны». Он отмечает, что Турция начала продавать свой хром в Германию *только с 1943 года и сократила все поставки в начале 1944 года*. Кроме того, Т. Атаов указывает, что поставки хрома дали Турции важное преимущество, сделав Германию и Великобританию участниками тендера по закупке этого необходимого для военной промышленности сырья, т.е. заставив эти страны бороться за турецкий рынок¹.

С 3 декабря 1941 г. Турция получала помощь по ленд-лизу² как часть стратегии стран антигитлеровской коалиции, направленной на противодействие экономическому и дипломатическому влиянию Германии в Турции³. Это не помешало Н. Менеменджиоглу, по словам О. Ишчи, обратиться к Ф. фон Папену с идеей улучшения и расширения сферы турецко-германских отношений. При этом расширить турецко-германские экономические отношения предлагалось таким образом, «чтобы не осложнить отношения Турции с Советским Союзом и не сделать ее (Турции. – А. Б.) отношения с союзниками менее надежными»⁴. В результате 12 июня 1942 г. Турция и Германия подписали соглашение о кредите, по которому Германия обязывалась предоставить Турции заем на сумму в 50 млн лир на покупку вооружения и военных материалов, в том числе самолетов, танков, зенитных и противотанковых пушек и т.д. Торговый договор между Германией и Турцией был заключен 18 апреля

¹ Ibid. P. 134.

² См.: гл. 2.2.

³ *Isci O.* Op. cit. P. 96.

⁴ Ibid.

1943 г., торговля, как и прежде, должна была вестись на основе безналичного расчета (клиринга). Товарный список оставался почти прежним¹.

Ф. Ахмад отмечает, что, несмотря на отставку Н. Менемджюглу 16 июня 1944 г., «перестройку» своего внешнеполитического курса и сокращение более чем вдвое экспорта товаров странам оси, Турция сохранила экспорт хромитов в Германию. По словам Ф. Ахмада, Турция соглашалась прекратить экспорт хромитов лишь после обеспечения его импорта со стороны союзников². В итоге, несмотря на то что 20 апреля 1944 г. Турция прекратила прямой экспорт хромовой руды в Германию, она продолжала экспортировать хромовую руду в Германию через нейтральные страны³.

Таким образом, опираясь на исследования турецких авторов, следует отметить, что в период войны Турция при помощи политики «двух сторон» активно пыталась не только сохранить, но и усилить свой экономический потенциал. Последствия такого курса нельзя назвать удовлетворительными. Отмечается, что несмотря на то, что Турция не принимала участия во Второй мировой войне, расходы на оборону были значительными и быстро росли, что отрица-

¹ Внешняя торговля Германии в XX веке — Documentation. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_XX_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5#:~:text=12%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%201942%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F,%D0%B2%20%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%201318%20%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BD (дата обращения: 29.10.2022).

² Ahmad F. Op. cit. P. 29.

³ Внешняя торговля Германии в XX веке. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_XX_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5 (дата обращения: 29.10.2022).

тельно сказалось на экономике страны и ее развитии¹. Так, в 1940–1945 гг. рост валового национального продукта был отрицательным, за исключением 1942 г. Поэтому общий эффект войны для Турции был крайне негативным².

Что касается отношений с Советским Союзом, то, по мнению М. Ульгюля, «ни Италия как главная угроза территориальной целостности Турции до войны, ни Германия как зачинщик войны, ни Великобритания как союзник Турции не влияли на внешнюю политику Турции так же значительно, как Советский Союз»³. Поэтому М. Онсой и Г. Баба еще одной причиной нейтралитета Турции считают «обострение ощущения угрозы, исходящей от России»⁴. То же самое отмечает О. Йылдырым, с точки зрения которого советское отношение к турецким проливам и страх перед советской экспансией также были одной из причин нейтралитета Турции в первые годы Второй мировой войны⁵. В целом, по словам А. Давут Хана и С. Бугра, появление советской угрозы сыграло важную роль в процессе принятия решений в Турецкой Республике⁶. М. Ульгюль указывает на то, что такая позиция в отношении Советского Союза не всегда находила понимание даже среди западных союзников Турции. По его словам, в британских дипломатических документах турецкий страх перед русскими описывается как «просто идиотский», «безумный русский комплекс», «национальный психоз»⁷.

Есть и другое мнение. П. Бильгин и К. Джош утверждают, что в официальном внешнеполитическом дис-

¹ *Bilgin P., Coş K.* Op. cit. P. 47.

² *Davut Han A., Bugra S.* Op. cit. P. 149.

³ *Ulgul V.* Op. cit. P. 28.

⁴ *Önsoy M., Baba G.* Op. cit. P. 131.

⁵ *Yıldırım O.* Op. cit.

⁶ *Davut Han A., Bugra S.* Op. cit. Pp. 138–139.

⁷ *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 19–21.

курсе Турции отрицательное отношение к Советскому Союзу не просматривается. «В то время (т.е. на протяжении почти всего периода войны – А. Б.), – отмечают они, – турецкие политики *публично* (выделено нами. – А. Б.) отвергли вероятность столкновения между Турцией и СССР. В интервью министр иностранных дел Нуман Менеменджиоглу описал СССР как “искреннего друга Турции” и заявил, что “многовековые амбиции русских в отношении проливов были вымышленными мифами”». Это было продолжением прежнего турецкого курса межвоенного периода¹.

Таким образом, «советский фактор» влиял самым непосредственным образом на степень нейтралитета Турции. При этом можно сделать вывод, что отношение Турции к СССР в рассматриваемое время при общем «нерасположении» к Советскому Союзу носило ситуативный характер. Коренной перелом в войне, обозначившийся после победы под Сталинградом, вынудил Анкару серьезно изменить дискурс своей внешней политики.

По мнению О. Ишчи, в течение большей части рассматриваемого периода – между февралем 1943 г. (победа СССР под Сталинградом) и августом 1944 г. (окончанием турецко-германских дипломатических и торговых отношений) – проблема, стоявшая перед турецким правительством, состояла в том, чтобы выбрать для себя наиболее удобный вариант вступления в войну². Как отмечает Т. Атаов, на момент ноября–декабря 1943 г. участие Турции в войне было крайне желательно³. Тем не менее И. Инёню решительно сопротивлялся давлению У. Черчилля с целью вовлечь Турцию в войну⁴. Т. Атаов освещает одну из общепринятых версий,

¹ Coş K., Bilgin P. Op. cit. P. 53.

² İsci O. Op. cit. P. 229.

³ Ataöv T. İkinci Dünya Savaşı. S. 119.

⁴ Altınörs Nur M. Op. cit. Pp. 3–4.

согласно которой Турция не могла стать воюющей стороной даже после перелома в войне в пользу союзников. По его словам, хотя Великобритания предоставляла Турции различное оборудование, это было всего 4–6% от необходимого количества «военного материала». «Признанная неспособность западных держав удовлетворить потребности Турции в вооружениях *была основным фактором, заставившим Турцию не участвовать в войне* (выделено нами. – А. Б.)»¹. Турецкие авторы согласны с этим утверждением², однако следует отметить для Турции это был прежде всего повод для неучастия в войне.

Большинство турецких исследователей склоняется к положительной оценке турецкого нейтралитета, подчеркивая, что тем самым Турция сумела укрепить свое положение, «не становясь в зависимость ни от одной стороны»³. М. Онсой и Г. Баба попытались раскрыть корни «турецкой философии нейтралитета». По их мнению, последнее заключалось в том, что выбор нейтралитета турецкой правящей элитой «не был сделан на *основе простых расчетов получения прибыли от торга с воюющими сторонами, а был их приоритетом номер один, поскольку психология национальной безопасности глубоко укоренилась в прошлом опыте Турции* (выделено нами. – А. Б.)»⁴. М. Алтынорс в связи с этим также отмечает, что «сохранение нейтралитета во Второй мировой войне было правильным решением для интересов Турции. Плохая экономика, технологически недостаточная армия, нехватка рабочей силы, разрушительные последствия недавних войн, осознание советской угрозы во время

¹ Ataöv T. Turkish foreign policy. 1939–1945. P. 132.

² Barlas D., Yılmaz Ş. Op. cit. P. 12; Гюдек А. Указ. соч.; Önsoy M. Baba G. Op. cit. Pp. 139, 143.

³ Feroz A. Op. cit. P. 29.

⁴ Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 140.

и после войны, общественное мнение были факторами, играющими роль во внешней политике Турции во время Второй мировой войны»¹.

Итак, турецкие историки полагают, что нейтралитет в годы войны был не только обоснован, но и, несомненно, спас страну от разрушительных последствий². Есть, однако, и другие мнения. Рассматривая политику нейтралитета Турции, М. Онсой и Г. Баба подчеркивают, что к началу 1944 г. Турция оказалась полностью изолированной от лагеря союзников и оставалась таковой в международной политике, что означало банкротство турецкой политики нейтралитета³. Х. Папуччулар отмечает, что натянутые отношения между Турцией и союзниками, основанные на нежелании первых вступать в войну, особенно обозначились во время встреч в Тегеране⁴ и в Каире⁵ в ноябре–декабре 1943 г.⁶ «Это привело к постепенной международной изоляции, которая нанесла ущерб дипломатическому положению Анкары». Ссылаясь на исследования других ученых, Х. Папуччулар указывает на то, что изоляция Турции на международной арене продолжалась с 1944 г. по 1946 г.⁷ Признавая, что в период войны Турция сумела сохранить свою близость как к странам оси, так и к союзникам, Г. Баба подчеркивает, что «у этой политики был один важный недостаток: это означало, что Турция не могла иметь право голоса в каких-либо инициативах по

¹ Altunörs M. Op. cit. P. 29.

² Так, С. Кара отмечает, что Турция не хотела вступать в войну, рассматривая ее как военный конфликт европейских держав (Kara S. Op. cit.).

³ Önsöy M., Baba G. Op. cit. P. 140.

⁴ В Тегеранской конференции турки не участвовали.

⁵ См.: гл. 2.2.

⁶ Papuççular H. Op. cit. P. 8.

⁷ Ibid.

выработке международной или региональной безопасности для послевоенного мира»¹.

Наиболее критичное отношение к внешней политике Анкары в период «активного» нейтралитета, несмотря на разницу в ее оценках, высказывают Б. Йылдырым и К. Джумхур. По словам Б. Йылдырыма, если бы Турция вступила в войну, она могла быть признана европейской страной, которая боролась за своих европейских союзников и защищала европейские ценности. «Если бы это было так, Турция могла бы, наконец, осуществить свою мечту о европеизации»². По мнению К. Джумхура, политика нейтралитета стала основной причиной «политического одиночества»³ Турции после завершения войны. «В этих условиях Турция, которая была не способна отвечать советскому давлению (в отношении ревизии конвенции Монтрё. – *А. Б.*), соответственно, начала искать свои интересы и поддержку в рамках военно-политического блока НАТО. Однако данная попытка не отвечала национальным интересам Турции (выделено нами. – *А. Б.*) и являлась лишь неким инструментом самосохранения»⁴.

Итак, турецкие авторы свидетельствуют о том, что политика дружественных отношений с Германией была составной частью «активного турецкого нейтралитета» в годы войны. Под «активностью» подразумевается стремление Анкары усилить свой экономический потенциал, а в случае поражения СССР распространить свое влияние на тюркское население Советского Союза. Последствия такого курса

¹ *Baba G.* Оp. cit. P. 77.

² *Yıldırım O.* Оp. cit.

³ Впервые данный термин по поводу международного положения Турции в послевоенный период применил Морис Петерсон – посол Великобритании в Турции в 1942–1944 гг.

⁴ *Джумхур К. С.* Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 19–20.

нельзя назвать удовлетворительными. Несмотря на то, что большинство турецких историков считает, что политика «активного суверенитета» помогла Турции в трудное время усидеть «на двух стульях», общий итог войны был негативным, поскольку обрек страну на то, чтобы в течение нескольких послевоенных лет выходить из состояния «политического одиночества».

3.2. Вопрос о вступлении Турции в войну и ее взаимоотношениях с Великобританией и США (1941–1945 гг.)

К 1939 г. Турция все более ориентировалась на Великобританию и Францию. При этом, несмотря на все свои шаги в сторону Запада, турецкое правительство стремилось не допускать ухудшения отношений с СССР. Причина такой равновекторной политики состояла в том, что Анкара подозрительно относилась к внешней политике Советского Союза, что не смогло изменить двадцатилетие относительно дружественных отношений двух стран. Что касается взаимоотношений Турции с Великобританией и США в период Второй мировой войны, то до Сталинградской битвы турецкий нейтралитет устраивал как страны оси, так и державы антигитлеровской коалиции ввиду неподготовленности турецкой армии к войне и того важного в геостратегического положения, которое занимала Турция. Поэтому У. Черчилль полагал, что Великобритания не может просить турок ни о чем другом, кроме как не допускать вторжения держав оси в проливы. В этом его активно поддерживал и президент США Ф. Д. Рузвельт. После победы СССР в Сталинградской битве, когда поражение Германии стало вырисовываться все более отчетливо, Великобритания потребовала у Турции вступления в войну. Менее требовательными были Соединенные Штаты, не имевшие на тот момент серьезного

интереса к турецким делам и которых вполне устраивала регулирующая роль Турции в проливах. Впоследствии умеренная позиция США в отношении Турции сыграла одну из решающих ролей в том, что правящая элита страны увидела в них единственного покровителя, на которого можно опереться в послевоенном мире. Это же сыграло важную роль во вступлении 18 февраля 1952 г. Турции в НАТО. На сегодняшний день переоценка спасительного зонтика США и НАТО для Турции является одним из новых направлений в турецкой историографии¹. Однако турецко-американское сближение после войны выходит за рамки настоящего исследования.

Как известно, Турция вступила в войну лишь 23 февраля 1945 г. под сильным англо-американским давлением. Тема эта достаточно «избита» в турецкой историографии, где это объясняется прежде всего «национальным интересом»² и той ролью, которую Турция играла в соперничестве СССР с англо-американским блоком за послевоенное устройство мира. В связи с этим следует остановиться на турецко-британских отношениях в годы Второй мировой войны и месте Великобритании и США в советско-турецких отношениях. В монографии М. Бильгина исследуется проблема британо-турецких отношений на раннем этапе холодной войны. Как отмечает этот историк, до начала 1943 г. Британия не настаивала на том, чтобы подтолкнуть Турцию к войне, полагая, что нейтралитет был взаимовыгодным, поскольку Турция блокировала Германию и тем самым

¹ *Мрасси Р.* Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой Республики. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 20.05.2020. URL: <https://www.disscat.com/content/evolyutsiya-kontseptualnykh-osnov-vneshnei-politiki-turetskoi-respubliki> (дата обращения: 28.10.2018); Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации: 1920–1991 гг.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2017. С. 12.

² Т. е. стремлением во что бы то ни стало избежать вступления в мировой конфликт.

препятствовала ее доступу на богатый нефтью Ближний Восток. «Однако, – отмечает он, – в 1943 г. Британия пришла к выводу, что нейтралитет Турции <...> наносит ущерб союзническому делу. По этой причине Черчилль решил призвать Турцию принять участие в войне»¹. Решение это не соответствовало планам Турции, избравшей в период войны политику твердого нейтралитета, хотя, как утверждается в турецкой исторической литературе, подлинной причиной была недостаточная помощь со стороны Великобритании в военно-техническом оснащении турецкой армии². Отказ Турции вызвал двухлетний кризис в британо-турецких взаимоотношениях и в какой-то степени обусловил примирительную позицию британского премьера «в отношении устремлений России (в плане проливов. – А. Б.)»³.

Не соответствовал турецкий политике нейтралитета, по мнению М. Ульгюля, и общий курс, взятый западными державами в отношении Германии на второй конференции в Касабланке, заключавшийся в доктрине «безоговорочной капитуляции» Германии⁴. Для турок это означало появление советской зоны влияния в Европе и прекращение политики балансирования между ведущими державами, представляющей, как пишет М. Ульгюль, «жизненное пространство для таких небольших государств, как Турция»⁵.

По мнению турецких историков, политика британского давления на Турцию при постоянных попытках найти об-

¹ Bilgin M. Op. cit. 43.

² Ataöv T. Turkish foreign policy. P. 131; Bilgin M. Op. cit. P. 38.

Более обоснованным представляется мнение И. В. Смольняка, который отмечает, что, дабы заслужить доверие союзников, турки согласились на вступление в войну, но запросили такие условия для вступления, чтобы как можно больше тянуть время. (см. Смольняк И. В. Проблема вступления Турции во Вторую мировую войну в дипломатии США и Великобритании (1942–1943 гг.) // Вестник ВятГ У. 2010. № 2–1. С. 50).

³ Bilgin M. Op. cit. P. 45.

⁴ См. подробнее: гл. 2.2.

⁵ Ulgul M. Op. cit. P. 29.

щие точки соприкосновения СССР и Турции обусловили турецкий дрейф от Великобритании к США¹. Отмечается также, что британская политика в отношении СССР в послевоенный период не отличалась от «политики умиротворения» нацистской Германии накануне Второй мировой войны и открыла путь советским требованиям в отношении черноморских проливов и турецких территорий². В турецкой историографии преобладает мнение, что именно военная слабость Великобритании и ее зависимость от Советского Союза дискредитировали в глазах турок ее британского партнера³.

Турецкие историки критикуют также и индифферентность США к турецким делам, по крайней мере до 1946 г. Как отмечает все тот же М. Ульгюль, «чтобы завершить войну против японских армий, американским правителям нужна была дружба с Советским Союзом». Американская поддержка, которую искали турки, неофициально стала оказываться лишь весной 1946 г., а официально в марте 1947 г. в связи с доктриной Трумэна⁴. В своем исследовании И. Арыогул отмечает, что «основной причиной турецко-американского сближения к концу Второй мировой войны были турецкие проливы. Турция столкнулась с советскими претензиями на проливы, что представляло угрозу турецкому суверенитету и интересам, и искала американскую поддержку, чтобы противостоять этим претензиям»⁵.

И. Арыогул указывает, что, кроме этого, США рассматривались Турцией как источник материальной помощи ввиду серьезных экономических трудностей после войны.

¹ *Isci O.* Op. cit. P. 230.

² *Ulgul M.* Op. cit. Pp. 29–31.

³ *Barlas D, Yilmaz S.* Op. cit. P. 12–16.

⁴ *Ibid.* P. 34.

См. Доктрина Трумэна и план Маршалла. URL: <https://studfile.net/preview/5133258/page:12/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁵ *Arioğul İ.* Op. cit. P. 9.

Однако при этом «США и Великобритания не оказывали официальной поддержки Турции против советского давления на проливы до второй половины 1946 года»¹.

Что касается самих проливов, продолжает исследователь, то хотя Соединенные Штаты до конца войны не хотели каких-либо серьезных изменений в конвенции Монрё, они высказались в пользу пересмотра конвенции². «Когда мы смотрим на документы, подготовленные в период с июня по июль 1945 года различными правительственными бюро США до Потсдамской конференции (июнь–июль 1945 г. – А. Б.), – заключает И. Арыюгул, – мы можем легко увидеть, что США, как и Великобритания, не были против прохождения военных кораблей через проливы во все времена. Более того, они не высказали никакого мнения по поводу территориальных претензий (СССР. – А. Б.)»³. Следует отметить, что данный вывод является ошибкой⁴.

Критической позиции в отношении внешнеполитической линии Великобритании и США после войны придерживаются и другие турецкие исследователи. С. Гёкаталай объясняет это тем, что США и Великобритания не имели возможности решительно ответить Турции, так как война все еще продолжалась, а Советский Союз был их союзником⁵. «Более того, несмотря на определенные разногласия по поводу послевоенной международной системы, военный союз между США, Великобританией и Советским Союзом еще не прекратился. <...> Это привело к изоляции Турции»⁶.

«То есть, – заключает С. Гёкаталай, – несмотря на ухудшение отношений США и Великобритании с Советским

¹ Ibid. P. 13.

² Ibid. P. 4–5, 12.

³ Ibid. P. 13.

⁴ См.: гл. 2.3.

⁵ Gökatalay S. Op. cit. P. 16.

⁶ Ibid. P. 10.

Союзом, их поддержка Турции в то время была очень ограниченной. Можно сказать, что с января 1945 года по июль 1945 года турецкое правительство столкнулось с растущим давлением Советского Союза и нашло весьма ограниченную поддержку со стороны США и Великобритании»¹. Турецкие политики «подчеркивали свое разочарование по поводу отношения США и Великобритании к советским требованиям»².

По мнению И. Арыогул, отсутствие приверженности США суверенитету и интересам Турции стало первым серьезным провалом «золотого века» американо-турецких отношений (1950-е гг. – *А. Б.*)³.

Таково общее мнение в современной турецкой историографии о взаимоотношениях Турецкой Республики с западными державами по ряду ключевых вопросов в годы Второй мировой войны. Политика нейтралитета, проводимая Турцией, в основе которой лежала концепция безопасности, не находила должного отклика у западных держав, приведя, по мнению турецких исследователей, к кратковременному кризису между ними и Турцией в послевоенное время («политическое одиночество» Турции). При этом взаимоотношения Советского Союза с Великобританией и Соединенными Штатами рассматриваются турецкими исследователями в качестве определяющего фактора при формировании Анкарой внешнеполитического курса в отношении западных участников антигитлеровской коалиции и определении своего места в послевоенном мире. Следует отметить, что на современном этапе турецкая историография постепенно отходит от прежней западоориентированной модели восприятия Второй мировой войны.

¹ Ibid. P. 18.

² Ibid.

³ *Arioğul İ.* Op. cit. Pp. 4–5.

Глава 4

О взглядах на политику Турции в годы Второй мировой войны в историографии стран ближнего зарубежья

Исследователи из Азербайджана и республик Центральной Азии, изучая проблему Второй мировой войны, нередко сопоставляют свои выводы с оценками турецких коллег. Поэтому в какой-то степени взгляды историков ближнего зарубежья являются продолжением традиций турецкой исторической школы на постсоветском пространстве. Ввиду этого в последней главе монографии будут изучены сходство и различие исследовательских оценок национальных школ стран ближнего зарубежья и их турецких коллег на советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны.

По мнению исследователей Алтынай Молдадосовой и Баглан Абдугуловой¹, наиболее значимым периодом в отношениях двух стран были отношения между Турцией и Советским Союзом во время Великой Отечественной войны². Они отмечают, что в историографии советского периода Турция изображалась как агрессивное государство, которое проводило враждебную политику по

¹ Алтынай Молдадосова – исследователь из Международного казахстанско-турецкого университета им. Ахмеда Яссави (г. Туркестан).

Баглан Абдугулова – профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая (г. Алма-Ата).

² *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Relations between Turkey and the USSR at the Beginning of the Great Patriotic War // Journal of Slavic Military Studies. 2017. V. 30. No. 3. P. 411.*

отношению к СССР и дружественную по отношению к Германии. Подчеркивается, что исторические оценки и суждения ориентировались, прежде всего, на директивы, данные сверху партийными лидерами, а исследования, как правило, основывались на анализе источников и материалов, разрешенных к печати и использованию¹. Что же касается зарубежной, в том числе турецкой историографии, то и она находилась под влиянием идеологии холодной войны, что также не способствовало формированию объективной картины советско-турецких отношений². На основе советских и турецких периодических изданий, а также материалов Архива Внешней Политики Российской Федерации (АВП РФ), А. Молдадосова и Б. Абдугулова излагают свою концепцию советско-турецких отношений в годы Второй мировой войны и взаимоотношений Турции с западными участниками антигитлеровской коалиции.

Концепция внешней политики Турции в период Второй мировой войны у этих историков близка турецкой, поскольку правильность политики нейтралитета не подвергается сомнению. Ссылаясь на статью А. Гюдек³, А. Молдадосова в соавторстве с профессором Розой Жаркынбаевой⁴ отмечает, что Турция, «действуя с целью сохранения целостности и независимости страны, <...> и, взяв это за отправную точку, проводила различную политику в зависимости от хода событий»⁵. Что касается советско-турецких отношений, то А. Молдадосова и Б. Абдугулова

¹ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 412.*

² *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S. The Problem of Turkey's Neutrality During the Second World War in the Context of International Conferences // Journal of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Issue 2. P. 403.*

³ *Гюдек А. Указ. соч.*

⁴ Роза Жаркынбаева – профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алма-Ата).

⁵ *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S. Op. cit. P. 403.*

отмечают, что несмотря на сложную ситуацию, Советский Союз старался поддерживать добрососедские отношения с Турцией¹. При рассмотрении германо-турецкого пакта о дружбе и ненападении от 18 июня 1941 г. отмечается обоснованность мнения российских историков, что при выполнении всех пунктов упомянутого договора – например при использовании Германией проливов «во имя общих (германо-турецких – *А. Б.*) интересов» – «Турция нарушала дружественные обязательства перед Советами»². Признается, что с июля 1941 г. Турция, несмотря на условия конвенции о черноморских проливах, стала разрешать проход немецких и итальянских кораблей, включая подводные лодки, через проливы в Черное море. «Подобные нарушения Конвенции Монтрё происходили и впоследствии. <...> Немецкие и итальянские военные корабли, участвовавшие в боевых действиях на Черном море, беспрепятственно использовали пролив (Босфор. – *А. Б.*) до 1944 года»³.

Помимо этого, *А. Молдадосова* и *Б. Абдугулова* указывают и на ряд других уязвимых с точки зрения нейтралитета Турции мест в договоре: не принимать никаких мер, направленных прямо или *косвенно* (выделено нами. – *А. Б.*) против другой стороны; «поддерживать дружеские контак-

¹ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 413.*

² *Ibid. P. 416.*

³ *Ibid. Pp. 419, 421.*

По словам авторов, уже 9 июля 1941 г. Германия получила разрешение на проход через Босфор в Черное море своего патрульного катера “Zeefalke”. Разрешение получило и итальянское вспомогательное судно “Tarvizio”. Подобные нарушения Конвенции Монтрё происходили и впоследствии. В 1942 и 1943 гг. немецкие десантные баржи и военные катера часто проходили через проливы. В конце мая – начале июня 1944 г. 13 немецких военных и военно-вспомогательных судов различного тоннажа прошли через проливы, приняв участие в военных действиях на Черном море (см. *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. Pp. 419–420).*

ты с Германией по всем вопросам, *касающимся их взаимных интересов* (выделено нами. – А. Б.)»¹.

Тем не менее, оценивая столь сомнительную с точки зрения нейтралитета политику, исследователи склонны повторить аргументы турецких коллег, отмечая, что, критикуя позицию Турции во время Второй мировой войны и «навешивая на нее ярлыки», необходимо объективно учитывать все составляющие отношений между Турцией и СССР на тот момент². По их мнению, необходимо принять во внимание многовековое противостояние между Турцией и Россией, отметить неоднозначное отношение СССР к Турции и ряд других факторов. «Следует отметить, – подчеркивают авторы, – что турки всегда опасались своего северного соседа»³. Так, отмечается, что еще в 1942 г. в ходе переговоров с британским послом в Турции Х. Нэтчбулл-Хьюджессеном президент Турции И. Инёню выразил обеспокоенность тем, что, «если СССР победит или ослабит Германию, это может привести к установлению советского контроля над всей территорией Европы и Ближнего Востока»⁴. При этом авторы склонны не акцентировать внимания на антисоветских аспектах внешней политики Турции, отмечая, как и турецкие исследователи, что возрождение пантюркизма в период войны «в основном <...> сводилось к деятельности отдельных лиц»⁵.

Касаясь наиболее кризисной ситуации в советско-турецких отношениях в годы войны, а именно рассматривая возможность вступления Турции в войну на стороне Германии в разгар немецкого летнего наступления 1942 г., А. Молдадосова и Б. Абдугулова приходят к выводу, что

¹ Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 416.

² Ibid. P. 421.

³ Ibid. Pp. 421–422, 425.

⁴ Ibid. P. 425.

⁵ Ibid. P. 430.

анализ документов показывает, что если Турция даже задумывалась о нападении на СССР, то наиболее подходящим временем для этого была осень 1942 г., когда все ресурсы Закавказского фронта были брошены на то, чтобы сдержать прорвавшиеся к Сталинграду и Кавказу немецкие войска, что «ослабило защиту турецкой границы». Отмечается, что, тем не менее, «Турция не воспользовалась этим моментом»¹. Это мнение разделяется известным азербайджанским исследователем международных отношений профессором Джамилем Гасанлы (см. далее). Последнее, однако, не объясняет сам факт концентрации турецких войск возле советско-турецкой границы, который сами авторы склонны объяснять увеличением численности войск Закавказского военного округа². Данный тезис ставят под сомнение сами же исследователи, отмечая, что все силы Закавказского фронта осенью 1942 г. были переброшены на Сталинградский фронт.

В то же время А. Молдадосова и Б. Абдугулова не скрывают, что «поддержка Турции была очень важна для Германии, а Германия, в свою очередь, поддерживала Турцию материально», отмечая, что 9 октября 1941 г. было подписано германо-турецкое экономическое соглашение. Соглашение предусматривало, что Германия будет поставлять Турции сталь и товары военного назначения в обмен на турецкое сырье (хром и медь)³. 12 июня 1942 г. Турция и Германия подписали также кредитное соглашение, в соответствии с которым Германия была обязана предоставить Турции ссуду в размере 50 млн лир для закупки оружия и военных материалов, включая самолеты, танки, зенитные и противотанковые пушки и т.д. «Между тем, советско-турецкие торговые отношения в 1941–1942 годах практически пре-

¹ Ibid. P. 434.

² Ibid.

³ См.: гл. 3.1.

кратились»¹. При этом, как отмечают авторы, ссылаясь на архивные документы², несмотря на то, что общий объем торгово-экономических связей между Германией и Турцией был незначителен, «важность поставок хрома для немецкой промышленности возросла»³. Все это рационализировалось Анкарой «как жизненно важные интересы Турции»⁴.

По мнению А. Молдадосовой и Б. Абдугуловой, важнее всего, что турецкое правительство делало все возможное, чтобы страна не втянулась в войну. Правительство защищало позицию Турции «вне войны» при любых обстоятельствах⁵. Подчеркивается, что турецкая политика нейтралитета была также чрезвычайно важна на первом этапе войны (в 1941 – начале 1943 гг.) для Советского Союза и Великобритании⁶. Та же риторика присуща и турецким работам.

Оценивая состояние советско-турецких отношений в годы войны, упомянутые авторы говорят об их постепенном ухудшении, отмечая в связи с этим, что «позиция нейтралитета Турции имела различное значение для СССР». Если в начальный период Великой Отечественной войны «это было жизненно необходимо для СССР», то впоследствии, по мере укрепления позиции СССР, необходимость в нейтралитете Турции уменьшилась, и СССР пытался прийти к соглашению со своими союзниками о будущем Турции «и решить вопрос о проливах за спиной Турции»⁷.

Что касается взаимоотношений Турции с Великобританией и США, то, как и турецкие исследователи, их коллеги

¹ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 423.*

² Донесение посла в Анкаре в 1940–1948 гг. С. А. Виноградова.

³ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 423.*

⁴ *Ibid. P. 417.*

⁵ *Ibid. P. 419.*

⁶ *Ibid. P. 435.*

⁷ *Ibid.*

Имеется в виду денонсация СССР 19 марта 1945 г. советско-турецкого дого-

из Казахстана отмечают, что после перелома в войне вопрос о присоединении Турции к антигитлеровской коалиции стал постоянной темой обсуждений для стран антигитлеровской коалиции, главным инициатором которых выступала Великобритания. В статье, посвященной проблеме турецкого нейтралитета в годы Второй мировой войны, А. Молдадосова и Р. Жаркынбаева исследовали этот вопрос на материалах Тегеранской, Каирской и Потсдамской конференций (декабрь 1943 – июль 1945 гг.)¹. По их мнению, одной из главных причин отказа Турции вступить в войну было опасение прихода «союзной» Красной армии на Балканы, поскольку в Турции после Сталинградской битвы «боялись не немецкого, а советского вторжения»². Вторая причина состояла в том, что «англо-советский союз, возникший после нападения Германии на Советский Союз»³, создал для турецких дипломатов крайне своеобразную ситуацию». Турция по примеру Польши опасалась, что ее судьба будет решаться за ее спиной, без учета ее интересов⁴. Иными словами, Турция не хотела рисковать, будучи неуверенной в британском союзнике. Подобного мнения придерживаются и турецкие историки, считая лояльное отношение Великобритании к советским требованиям в плане проливов одной из причин внешнеполитической переориентации Турции на США. Как отмечают А. Молдадосова и Р. Жаркынбаева, именно с «фундаментального поворотного момента в войне» после Сталинградской битвы, т.е. с ослаблением интереса СССР к Турции как к потенциальному военному союзнику, турец-

вора о дружбе и нейтралитете 1925 г. с целью перезаключить его на условиях совместной обороны проливов.

¹ *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S. Op. cit. P. 401–413.*

² *Ibid. P. 407.*

³ Лондонский англо-советский союзный договор от 26 мая 1942 г. о военном и политическом союзе СССР и Великобритании.

⁴ *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Op. cit. P. 435.*

кое правительство сосредоточило внимание на укреплении и углублении связей с западными союзниками СССР¹.

Известный исследователь международных отношений профессор Джамиль Гасанлы² в двух фундаментальных монографиях исследовал истоки советско-турецких противоречий³. В статье «Турецкий кризис в период холодной войны и южнокавказские республики» он изложил основные положения своих работ⁴.

Как отмечает Дж. Гасанлы, «Турцию очень встревожил германо-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Нападение Германии на Польшу было логическим продолжением этого документа»⁵. Боясь повторить судьбу этой страны⁶, Турция заключила союзный оборонительный договор с Францией и Великобританией, желая распространить его действие на СССР, но получила отказ. Отказ СССР был обусловлен антигерманским характером будущего договора, однако линию СССР в годы войны Дж. Гасанлы склонен рассматривать как стремление ограничить проведение Анкарой независимой внешней политики, а в перспективе пересмотреть всю систему советско-турецких отношений. «Сталин, — подчеркивает Дж. Гасанлы, — у которого было много интересов в Турции, был убежден, что турецкий вопрос и судьба Турции не могут быть решены без Советского Союза»⁷. Конкретной целью этой политики Дж. Гасанлы считает изменение статуса проливов, а ее результатом —

¹ *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S. Op. cit. P. 412.*

² Джамиль Гасанлы — профессор Бакинского государственного университета.

³ *Гасанлы Дж. П. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953).* М.: Центр Пропagанды, 2008; *Гасанлы Дж. П. СССР — Турция: полигон холодной войны.* Баку: Адилоглы, 2005.

⁴ *Gasanly J. The “Turkish crisis” of the Cold war period and the South Caucasian republics // The Caucasus & Globalization. 2008. № 4.*

⁵ *Ibid. P. 115.*

⁶ О «польском синдроме» см.: гл. 1.1.

⁷ *Gasanly J. Op. cit. P. 116.*

денонсацию 19 марта 1945 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г. и предъявление СССР территориальных и политических требований Турции¹.

Что касается взаимоотношений Турции с западными союзниками СССР, то, по мнению Гасанлы, «рассекреченная переписка между главными фигурами союзников свидетельствует о том, что была договоренность втянуть Турцию в войну к 1943 году», то есть де-факто за ее спиной. Отказ Турции вступать в войну он объясняет не только слабой вооруженностью ее армии, как это делают турецкие историки, но и перспективой послевоенного конфликта с Советским Союзом. Как и казахские коллеги, Дж. Гасанлы считает, что «турецкие лидеры больше боялись советского, чем германского империализма»².

Следует отметить, что работы Дж. Гасанлы отличаются большой источниковой базой. Основываясь на вновь открывшихся секретных документах из архивов США, России, Армении, Грузии, Турции и Азербайджана, автор воссоздает интересную историческую панораму политической ситуации в период Второй мировой войны и после нее. В то же время Дж. Гасанлы рассматривает главным образом политические акции СССР в отношении Турции и реакцию на это Анкары, демонстрируя свое отрицательное отношение к Советскому Союзу и его внешней политике. Он подчеркивает, что хотел показать, «как советские политехнологи искажали картину дружественной и мирной страны (Турции. – А. Б.) и создавали образ врага в умах миллионов советских граждан»³. Дж. Гасанлы обходит также некоторые важные моменты в советско-турецких отношениях. Так, он не упоминает о переговорах Турции с Великобритани-

¹ Военный договор с Турцией о совместной обороне черноморских проливов и территориальные претензии в Восточной Турции.

² *Gasanlı J.* Op. cit. Pp. 117–118.

³ *Ibid.* P. 114.

ей и Францией о возможности использовать ее аэродромы для бомбежки советских нефтепромыслов в районе Баку в 1939–1940 гг.¹ Что касается пантюркских настроений Турции в период Второй мировой войны, то, несмотря на то, что это не отрицают и сами турецкие исследователи, Дж. Гасанлы лишь отмечает, что «и после развала советской идеологической системы старые стереотипы продолжают жить в современной российской историографии»². Подобно исследователям из Казахстана, Дж. Гасанлы объясняет наращивание турецких войск возле советской границы в 1942 г. летним немецким наступлением на Кавказ, ссылаясь на объяснения, данные по этому поводу И. Инёню в 1945 г.³ По мнению Дж. Гасанлы, после оккупации северного Ирана Советский Союз готовил вторжение на территорию Турции⁴. Однако в отличие от казахских коллег он признает, что в связи с немецким наступлением Закавказский округ не имел возможности наращивать свое военное присутствие на турецкой границе⁵.

До некоторой степени прояснить позицию Турции относительно плана «Пайк» и ее планы в отношении советского Закавказья помогает статья профессора Парвина Дарабади⁶. В ней отмечается, что «Турция не спешила присоединяться к англо-французским планам нападения на СССР», объясняя это тем, что согласно англо-франко-турецкому догово-

¹ Имеется в виду план «Пайк» – англо-французский план бомбардировок бакинских нефтепромыслов после заключения пакта Молотова – Риббентропа. Имел целью ослабить советскую нефтяную промышленность и лишить Германию советской нефти. Реализован не был в связи с нападением Германии на Францию в мае 1940 г.

² Гасанлы Дж. П. СССР — Турция: полигон холодной войны. С. 79.

³ Gasanly J. Op. cit. P. 117.

⁴ Ibid. P. 114.

⁵ Ibid.

⁶ Парвина Дарабади – профессор Бакинского государственного университета. См. Дарабади П. Кавказ и Каспий в «большой геостратегической игре» накануне и в период Второй мировой войны (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2008. № 1. С. 148–158.

ру, заключенному в октябре 1939 г., военно-политические обязательства Турции не могли принуждать ее к действиям против Советского Союза¹. Сам факт турецких контактов с франко-британской стороной П. Дарабади не отрицает, утверждая, например, что, по мнению французского посла в Анкаре Рене Массильи, со стороны Турции не предвиделось препятствий в организации нападения против СССР². Отметим, что данная убежденность могла объясняться личным мнением посла.

Что касается территориальных претензий Турции в советском Закавказье, то П. Дарабади исходит из того, что Анкара в целом придерживалась политики нейтралитета, *не исключая возможности широких территориальных захватов, если бы к этому представилась возможность*³. Его утверждение полностью совпадает с мнением турецкого исследователя А. Кылыча, который считает, что ввиду неизбежного, как казалось, советского поражения турецкое правительство нельзя винить, если оно искало выход в плане решения проблемы пограничных «тюрских провинций» России⁴.

П. Дарабади утверждает, что война с Советским Союзом планировалась Турцией после падения Сталинграда к ноябрю 1942 г. «В этом случае планировалось создать кавказское государство под эгидой Турции и протекторатом Германии. <...> Поражения Германии под Сталинградом, на Северном Кавказе и в Северной Африке серьезно повлияли на прогерманскую позицию Турции»⁵. Отметим, что утверждение П. Дарабади не совпадает с точкой зрения не только его коллеги Дж. Гасанлы и казахских исследова-

¹ Дарабади П. Указ. соч. С. 154.

² Там же.

³ Там же. С. 166.

⁴ Kılıç A. Op. cit. Pp. 111–112.

⁵ Дарабади П. Указ. соч. С. 166.

телей, но и с мнением большинства турецких историков, утверждающих, что планы эти не являлись официальной линией правительства, а были инициативой отдельных лиц.

Таковы взгляды некоторых исследователей из стран ближнего зарубежья на политику Турции в годы Второй мировой войны. В целом можно отметить их единство со взглядами турецких историков по поводу политики нейтралитета и политическом одиночестве Турции ввиду ненадежности партнерских отношений с западными участниками антигитлеровской коалиции. В то же время, рассматривая политику Турции в годы войны как проведение независимого курса в условиях постоянного советского давления, упомянутые авторы де-факто приходят к обратным результатам, показывая, что в определении своего внешнеполитического дискурса Турция рассматривала СССР как постоянный действующий внешний фактор. Похожая ситуация наблюдается и в турецких исследованиях, где Советскому Союзу во внешней политике Турции во время войны и в послевоенный период отводится та же роль.

При этом исследователям из тюркоязычных республик ближнего зарубежья присуще стремление не изображать политику Турции в белых красках. Имеется и другой аспект. Если в историографии Турции нападение Германии на СССР рассматривается как положительный фактор, то у представителей бывших союзных республик к этому иное отношение. Так, А. Молдадосова и Р. Жаркынбаева называют «гнусным» нападение Гитлера на СССР¹.

¹ *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S. Op. cit.*

Заключение

Оценивая турецкую историографию Второй мировой войны, российские исследователи подчеркивают, что истории этого периода в современной Турции отводится не очень значительное место. Интерес турецких политиков к прошлому нацелен, прежде всего, на превращение национальной истории в пространство для политической борьбы¹. Речь идет об османском прошлом, но политизация истории в Турции вполне применима и ко Второй мировой войне. Так, в национальной историографии Турции сложился консенсус, согласно которому президент И. Инёню в целом хорошо проявил себя в сложившихся обстоятельствах. Официальная историография преподносит это как значительное достижение турецкой политики, поскольку от своего нейтралитета страна получила больше, чем могла бы получить от возможного участия в войне². В российской историографии отмечается, что турецкая политика «невоюющего союзника» и «эффективного нейтралитета» по сути рассматривается многими турецкими авторами как осторожная «игра на обе стороны» и умелое «балансирование» между двумя воюющими сторонами³. В целом же, по мнению отечественных исследователей, в период войны

¹ Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции // История.

² 75 лет Победе: взгляд с Ближнего Востока.

³ Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 356.

Турция держала нейтралитет, скорее недружественный по отношению к СССР и дружественный к Германии¹.

Обращает также на себя внимание совпадение взглядов англо-американских и турецких исследователей на многие аспекты советско-турецких отношений: о дестабилизации обстановки в послевоенной Европе в случае победы Советского Союза (У. Хейл, Б. Р. Кунихолм и А. Кылыч); облегчение, с которым Анкара встретила известие о нападении Германии на СССР (У. Хейл и Ш. Чалыш) и т. д. Это не говорит о несамостоятельности суждений турецких авторов, но свидетельствует о том влиянии, которое оказала на турецких историков англо-американская историография и используемые в ней источники.

В ходе исследования необходимо было ответить, как современные турецкие историки оценивают советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны, объясняют их логику, причины, цели обеих сторон, как они аргументируют свои позиции. На сегодняшний день, изучая внешнюю политику Турецкой Республики в период Второй мировой войны, турецкие историки подчеркивают прежде всего стремление Турецкой Республики избежать войны и создать систему коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Позиция СССР в турецких исследованиях выглядит провокационной, поскольку именно Советский Союз считается виновником того, что аналогичная система не была распространена и на черноморский регион. Анкарское соглашение 1939 г. интерпретируется как результат неудачных московских переговоров, однако само соглашение рассматривается как соответствующее интересам Турции. Это связано со стремлением турецких

¹ Сотниченко А. А. Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй Мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. Сборник материалов. С. 101.

исследователей дополнить существующие концепции, т. е. по сути пересмотреть ряд устоявшихся положений, характеризующих состояние советско-турецких отношений в годы войны.

Что касается турецкого нейтралитета, то среди турецких историков нет сомнения в правильности мер, использованных Анкарой. Уже на первом этапе Второй мировой войны нейтралитет являлся официальным курсом Турецкой Республики, что показал фактический выход страны из Анкарского соглашения. Что касается Советского Союза, то турецкие исследователи считают: в годы войны он активно готовился к решению вопроса о черноморских проливах.

Рассматривая советско-турецкие отношения в 1941 – начале 1943 гг., турецкие авторы находят политику Анкары соответствующей концепции нейтралитета. Обострение советско-турецких отношений связывают с германскими происками и все более усиливающимся негативным отношением к Турецкой Республике со стороны СССР. Следует отметить, что такая политика была подготовлена всем ходом советско-турецких отношений, в результате чего турецкий нейтралитет приобрел «плавающий» характер. Проблема черноморских проливов в период войны еще больше обострила советско-турецкие отношения, поэтому формирование антигитлеровской коалиции пугало Анкару, хотя и не заставило ее отказаться от политики балансирования.

Таким образом, можно согласиться с турецкими историками, что в рассматриваемое время по отношению к Советскому Союзу Анкара в целом придерживалась политики нейтралитета, однако интенсивные контакты руководителей турецкого государства с германскими представителями свидетельствуют о том, что не исключалась возможность

территориальных приобретений, если бы этому способствовали обстоятельства.

После Сталинградской битвы в турецкой историографии выделяются два направления: позиция Советского Союза к вступлению Турции в войну и его попытки за счет этого решить проблему контроля над черноморскими проливами. Турецкие авторы подчеркивают, что в конце войны никто не влиял на внешнюю политику Турции так значительно, как Советский Союз. Таким образом, в турецкой историографии преобладает негативная оценка той роли, которую сыграл Советский Союз в послевоенной истории советско-турецких отношений.

Что касается взаимоотношений Турции с державами оси и западными участниками антигитлеровской коалиции, то турецкие историки считают, что политика дружественных отношений с Германией была составной частью «активного турецкого нейтралитета» в годы войны. Под «активностью» подразумевается стремление Анкары усилить свой экономический потенциал, а в случае поражения СССР распространить свое влияние на тюркское население Советского Союза. Несмотря на то, что большинство историков считает, что политика «активного суверенитета» помогла Турции в трудное время, немало исследователей полагает, что общий итог войны был негативным, поскольку обрек страну на «политическое одиночество». Что касается стран ближнего зарубежья, то в историографии бывших советских республик в целом подтверждаются оценки и выводы турецких коллег. В то же время есть и принципиальные противоречия. Они, прежде всего, касаются моральных оценок реакции Турции на нападение Германии на Советский Союз.

Таким образом, в турецкой историографии преобладает базовая концепция безопасности Турции в годы Второй

мировой войны. Среди большинства современных турецких исследователей превалирует отрицательное отношение к советской политике в годы войны. Исследователи не пересматривают устоявшиеся концепции, а лишь стремятся «дополнить» существующие исследования. Данная направленность не является абсолютной, поскольку среди историков находятся те, которые, пытаясь дополнить устоявшиеся концепции, по сути ставят вопрос о пересмотре ряда положений. Есть и другие основания утверждать, что ситуация не останется статичной. В последнее время в турецкой историографии появился ряд таких новых явлений, как: исследование внутренних причин внешнеполитического поворота Турции в послевоенный период, введение в научный оборот турецких документов, отход от западной модели восприятия Второй мировой войны. Это ставит перед исторической наукой Турции ряд новых проблем, связанных с осмыслением вновь появившихся материалов.

Библиография

На русском языке

1. *Ачан Н. М.* Внешняя политика Турции в период Второй мировой войны в турецкой историографии // Международные отношения в XX–XXI вв. IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: Сборник научных статей и сообщений / О. С. Поршнева (отв. редактор), А. В. Антошин, Ю. М. Галкина (сост., отв. за выпуск). Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2020. С. 129–138.

2. *Бабинцев В. А.* Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск: [УрГУ], 1976. Вып. 5. С. 42–61.

3. *Бахревский Е. В., Свистунова И. А.* Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние: монография. М.: Институт Наследия, 2019. 234 с.

4. *Болдырев А. В.* Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа. Сб. статей / Отв. ред. В. Я. Белокрыцкий, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2012. С. 434–458.

5. *Болдырев А. В.* Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // Вторая мировая война и Восток. Коллективная монография / Отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М.: ИВ РАН, 2019. С. 202–228.

6. Внешняя торговля Германии в XX веке. URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%B>

D%D1%8F%D1%8F_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_XX_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5 (дата обращения: 29.10.2022)

7. Внешняя торговля Германии в XX веке – Documentation. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_XX_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5#:~:text=12%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%201942%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F,%D0%B2%20%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%201318%20%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BD (дата обращения: 29.10.2022).

8. *Галиакбарова Н. М.* Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Екатеринбург, 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetsko-turetskie-otnosheniya-v-1939-1941-gg#ixzz5XXGDRrXA> (дата обращения 05.06.2023).

9. *Галиакбарова Н. М.* Идеология пантюркизма периода второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение: Международный альманах. № 3. 2008. С. 155–164.

10. *Гасанлы Дж. П.* СССР – Турция: полигон холодной войны. Баку: Адиогулу, 2005. 553 с.

11. *Гасанлы Дж. П.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне. (1939–1953). М.: Центр Пропagанды, 2008. 663 с.

12. Германско-турецкий договор 1941 года, 18 июня // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/3622> (дата обращения: 19.06.2020).

13. *Гилязов И. А.* Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов). Казань, 2002. 70 с.

14. Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение. 1944–1946. URL: <http://militera.lib.ru/memo/french/gaulle3/02.html> (дата обращения: 31.08.2022).

15. Гюдек А. Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. 23.02.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html> (дата обращения: 01.01.2020).

16. Дарабади П. Кавказ и Каспий в «большой геостратегической игре» накануне и в период Второй мировой войны (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 146–168.

17. Джумхур К., Рыжов И. Основные Причины Процесса Трансформации Турецко-Советских Дипломатических Отношений 1936–1946 гг. // Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi / Journal of Turkish History Researches, 2017. Yıl/Vol. 2, Sayı/No. 2 Güz/Fall. S. 109–128.

18. Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации: 1920–1991 гг. / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2017. 21 с.

19. Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.) / Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. 146 с.

20. Директива ОКВ от 12 ноября 1940 г. URL: // <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163474-direktiva-okv-18-ot-12-noyabrya-1940-g#mode/grid/page/1/zoom/4> (дата обращения: 08.05.2022).

21. Доктрина Трумэна и план Маршалла. URL: <https://studfile.net/preview/5133258/page:12/> (дата обращения: 11.09.2022).

22. Ирхин А. А. Внешнеполитическая стратегия Турции накануне и в период Второй мировой войны: модель не втягивания в мировой конфликт // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 77–85.

23. История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. М.: ИПО Профиздат, 1997. 350 с.

24. История южных и западных славян. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 2002. 271 с.

25. Касабланкская конференция 1943 // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2050148 (дата обращения: 18.08.2022).

26. *Кизюков С. В.* Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008. 537 с.

27. *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. М.: Крафт+ ИВ РАН, 2007. 609 с.

28. *Киреев Н. Г.* Советский Союз и Турция (1941–1945) // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М.: ИВ РАН, 2010. С. 385–415.

29. *Козджаз У.* Положение Турецкой прессы и образ Советского Союза в Турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26795 (дата обращения: 10.01.2020).

30. КОНВЕНЦИЯ о режиме проливов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247?section=text> (дата обращения: 20.02.2022).

31. *Лаврова Т. В.* Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений / Автореферат дисс. ... докт. ист. наук: 23.00.04. М., 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/chernomorskie-prolivy-kak-eopoliticheskaya-problema-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnoshenii#ixzz5XXXjwBJH> (дата обращения: 05.06.2023).

32. Лозаннский мирный договор 1923 года, 24 июля // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3916> (дата обращения: 30.07.2022).

33. Международные отношения. XX век. URL: http://virezkipress.ru/load/1937/ijul_1937/1937_07_08_podpisan_saadabadskij_pakt/181-1-0-469 (дата обращения: 14.06.2021).

34. *Мехмед Сертель Зекерия*, турецкий журналист // Stanbul.ru. 04.03.2021. URL: <https://stanbul.ru/mehmed-sertel-zekeriya-tureczkij-zhurnalisti> (дата обращения: 11.06.2021).

35. Мотивация и история // Diphis.ru. URL: https://diphis.ru/balkanskiy_pakt_-a616.html (дата обращения: 14.06.2021).

36. *Мошкин С. В.* «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС. 2009. № 4. С. 243–251.

37. *Мошкин С. В.* Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 112–116.

38. *Мрасси Р.* Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой Республики / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptualnykh-osnov-vneshnei-politiki-turetskoi-respubliki> (дата обращения: 28.10.2018).

39. *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М.: Политиздат, 1989. 399 с.

40. Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php (дата обращения: 23.07.22).

41. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. 279 с.

42. *Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М.: Гуманитарий, 2006. 250 с.

43. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1–2. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 279 с.

44. *Постников А. Г.* Дипломатические аспекты германо-британского противоборства на Балканах и в Турции в 1940–1941 гг. Цели, методы, результаты // Вестник ННГУ. 2018. № 1. С. 25–31.

45. *Постников А. Г., Рыжакова Е. В.* Документы германской дипломатии о политике Третьего Рейха в отношении Турции (весна 1941 г.) // Вестник ННГУ. 2019. № 4. С. 62–69.

46. *Поцхверия Б. М.* СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Россия и исламский мир: историческая перспектива и современные тенденции. М., Крафт + ИВ РАН. 2010. С. 354–364.

47. Почему Сталин не взял Константинополь и Черноморские проливы. 19.04.2019 // Военное обозрение. История.

URL: <https://topwar.ru/156965-pochemu-stalin-ne-vzjal-konstantinopol-i-chernomorskie-prolivy.html> (дата обращения: 29.07.2022).

48. *Родионов А. А.* Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М.: Международные отношения, 2006. 280 с.

49. *Рыбас С.* Громыко. М.: Молодая гвардия. 2011. 544 с. (ЖЗЛ).

50. *Сафаров Ф.* Турция предупреждала Сталина. 09.05.2019. URL: <https://inosmi.ru/history/20190509/245054654.html> (дата обращения: 01.01.2020).

51. *Смольняк И. В.* Проблема вступления Турции во Вторую мировую войну в дипломатии США и Великобритании (1942–1943 гг.) // Вестник ВятГ У. 2010. № 2–1. С. 44–52.

52. *Смольняк И. В.* Отношение США к внешнеполитической активности Турции в 1939–1941 годах // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 207–215.

53. *Смольняк И. В.* Турция во внешнеполитических конструкциях США и СССР во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Вестник ВятГ У. 2016. № 9. С. 13–24.

54. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М.: ИВ РАН, 2010. 460 с.

55. СССР и Турция. 1917–1979 гг. М.: Наука, 1981. 320 с.

56. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М.: Политиздат, 1978. 206 с.

57. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. 4–11 февраля 1945 г. М.: Политиздат, 1979. 338 с.

58. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех

союзных держав. 17 июля – 2 августа 1945 г. М.: Политиздат, 1980. 510 с.

59. Советско-турецкие договоры и соглашения // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3589512 (дата обращения: 19.06.2021).

60. *Сотниченко А. А.* Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945–1950 гг. в условиях формирования Ялтинской системы международных отношений // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 218–234.

61. *Сотниченко А. А.* Советско-турецкие дипломатические отношения в годы Второй мировой войны: политические мифы и реальность // Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией». Стамбул, 5–6 апреля 2012 года. Сборник материалов / Редактор-составитель О. Ю. Кузнецов. Москва – Стамбул, 2012. С. 189–214.

62. *Сыракая С.* 22 июня 1941 года в турецкой прессе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 6. С. 165–175.

63. *Сыракая С.* Влияние «Анкарского покушения» на отношения между СССР и Турцией // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 302–317.

64. *Сыракая С.* Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 2. С. 120–131.

65. Тегеранская конференция (1943) // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4185205 (дата обращения: 21.08.2022).

66. Турция и Вторая мировая война. Ч. 1–3. URL: <http://www.turkishfirst.ru/stories/turtsiya-vtoraya-mirovaya-voyna-1.html> (дата обращения: 03.11.2020).

67. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.

68. Шлыков П. В. и др. 75 лет Победе: взгляд с Ближнего Востока. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/75-let-pobede-blv-svop/> (дата обращения: 08.06.2023).

69. Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции // История. Выпуск 12 (98). 2020. Часть I. Том II. Общественные трансформации в меняющемся мире: исторический опыт и современные практики. URL: <https://arxiv.gau.ru/s207987840010436-8-1/> (дата обращения: 15.10.2022).

На английском языке

1. Ahmad F. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy // The Future of Turkish Foreign Policy / Ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. Boston, 2004. Pp. 9–33.

2. Ataöv T. N.A.T.O. and Turkey. Ankara: Publisher, Sevinç Print. House, 1970. 183 p.

3. Ataöv T. Turkish foreign policy. 1939–1945. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1965. 148 p.

4. Arioğlu İ. American Turkish Relations 1945–1960: The Roots of a Long-Term Alliance (In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Of Master of Arts). Ankara, 2003. 102 p.

5. Baba G. Beginning The Search For A “Great Protector”: Turkey's Un Membership For The US Alliance // Yönetim Bilimleri Dergisi (9: 2). 2011. Journal of Administrative Sciences. Pp. 73–94.

6. Barlas D., Yılmaz Ş. Managing the transition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's relations with Britain and the US in a turbulent era (1929–47) // Turkish Studies. 2016. Vol. 17. Iss. 3. Pp. 2–26.

7. Bilgin M. Britain and Turkey in the Middle East. Politics and Influence in the Early Cold War Era. London; New York: Tauris Academic Studies; 2007. 334 p.

8. Bilge Suat A. An Analysis of Turkish-Russian Relations // Perceptions. 1997. Vol. II (June-August). 12 p. URL: https://www.google.com/search?q=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=1C1SVED_en_RU_436_RU_436_&oq=B%C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome..69i57..1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8d (дата обращения: 28.04.2020).

9. *Coş K., Bilgin P.* Stalin's Demands: Constructions of the "Soviet Other" in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // *Foreign Policy Analysis*. 2010. № 6. Pp. 43–60.

10. *Çalış Ş.* Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // *Central Asian Survey*. 1997. № 16 (1). Pp. 103–114.

11. *Davut Han A., Bugra S.* Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy // *Vistula University – Warsaw, Poland*, 2014. № 1 (39). Pp. 130–142.

12. *Deringil S.* Turkish Foreign Policy During the Second World War: "active" Neutrality. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 233 p.

13. *Kasar Ya.* Forgotten alliance: Hitler-Stalin pact of 1939 and the outcome of Second World War. *International Research Journal Commerce arts science (CASIRJ)*. 2016. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 22–33.

14. *Gasanly J.* The "Turkish crisis" of the Cold war period and the South Caucasian republics // *The Caucasus & Globalization*. 2008. Vol. 2. Issue 4. Part. 1. Pp. 114–127.

15. German–Turkish Treaty of Friendship. Clodius Agreement. From Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/German%E2%80%93Turkish_Treaty_of_Friendship (дата обращения: 29.10.22).

16. *Gökatalay S.* Turkish press and the early cold war (1945–1950). In partial fulfillment the requirements for the degree of Master of Science in the department of Middle East Studies. Ankara, 2016. 310 p.

17. *Hale W.* Turkish foreign policy 1774–2000. London & Portland, OR: Frank Cass, 2000. 392 p.

18. *Leffler Melvyn P., Painter David S.* Origins of the Cold. An International History. 2nd edition. New York; London, Routledge, 2005. 352 p.

19. *İsci O.* Russophobic neutrality: Turkish diplomacy, 1936–1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. Washington, 2014. 299 p.

20. *Kara S.* Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03 2019 г. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 19.06.2020).

21. *Kayaoglu B.* Loving and Hating America in Turkey and Iran: A Cold War Story of Alliance Politics and Authoritarian Modernization, 1945–1980. Dissertation presented to the Graduate Faculty of the University of Virginia in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy Department of History University of Virginia. Ankara, 2014. 328 p.

22. *Kilic A.* Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1959. 224 p.

23. *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton: Princeton University Press, 1980. 485 p.

24. *Moldadossova A. K., Abdugulova B. K.* Relations between Turkey and the USSR at the Beginning of the Great Patriotic War // Journal of Slavic Military Studies. 2017. Vol. 30. Issue 3. Pp. 410–439.

25. *Moldadossova A. K., Zharkinbaeva P. S.* The Problem of Turkey's Neutrality During the Second World War in the Context of International Conferences // Journal of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Issue 2. Pp. 401–413.

26. *Nur Altınörs M.* Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. 2017. Vol. 2. № 4. Pp. 1–7. UR.

27. *Önsoy M., Baba G.* Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). 2019. Year 15. Issue 29. Pp. 123–147.

28. *Papuççular H.* Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947) // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2018. Vol. 20. Issue 5. Pp. 405–419.

29. *Roberts G.* Stalin at the Tehran, Yalta, and Potsdam Conferences // Project MUSE. Scholarly journals online. Pp. 6–40. URL: https://www.academia.edu/21831434/Stalin_at_the_Tehran_Yalta_and_

Potsdam Conferences?auto=download&email_work_card=download-paper (дата обращения: 23.08.2022).

30. *Tamkin N.* Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2009. 278 p.

31. *Yıldırım O.* War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: // https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).

32. *Ulgul M.* The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010. 125 p.

На турецком языке

1. *Ataöv T.* İkinci Dünya Savaşı. Ankara: Birey ve toplum, 1985. 160 s.

2. *Balcı Meral, Büyükdağ Atakan.* Montrö boğazlar Sözleşmesi ve Almanya // Kongresi Uluslararası İlişkiler ve Yeni Dünya Düzeni. VI. Uluslararası Mavi Karadeniz. Marmara Üniversitesi Yayınevi Üniversite Yayın. No: 858. 27–28 eylül 2018. S. 436–450.

3. *Bilge Suat A.* Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. 1920–1964. Ankara, 1992. 367 s.

4. *Eralp O.* Türkiye Cumhuriyeti’nin İkinci Dünya Savaşından Sonra Akdettiği Anlaşmalar // İstanbul Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi. 1983. Yıl: 1. Sayı: 1. İstanbul, 1983. S. 54–64.

5. *Güdek A.* 2. Dünya Savaşın’nın Türk Dış Politikasına Yansımaları 19.02.2013. URL: <http://politikaakademisi.org/2013/02/19/2-dunya-savasinin-turk-dis-politikasina-yansimalari/> (дата обращения: 25.04.2021).

6. *Heal W.* Türk Dış Politikası 1774–2000. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları. 2003. 408 s.

7. *Kuniholm Bruce R.* Yakın Doğu’da Soğuk Savaş kökenleri: İran, Türkiye ve Yunanistan’da Büyük güç çatışması ve diplomasi. Princeton, 2014. 485 s.

Summary

Today, when studying the foreign policy of the Turkish Republic during the Second World War, Turkish historians emphasize the desire of the Turkish Republic to avoid war and create a system of collective security in the Eastern Mediterranean. The position of the USSR looks provocative, since it is the Soviet Union that is considered to be to blame for the fact that a similar system was not extended to the Black Sea region. Turkish researchers believe that during the war, the USSR was actively preparing to resolve the issue of the Black Sea straits. The aggravation of Soviet-Turkish relations is associated with German intrigues and a negative attitude towards the Turkish Republic on the part of the USSR. At the time under review, Ankara generally adhered to a policy of neutrality towards the Soviet Union, however, contacts between the leaders of the Turkish state and German representatives indicate that the possibility of territorial acquisitions was not excluded.

Thus, the basic concept of Turkish security during World War II prevails in Turkish historiography. Among the majority of modern Turkish researchers, a negative attitude towards Soviet policy during the war years prevails. Researchers do not revise established concepts, but only seek to “complement” existing research. However, recently a number of new directions have appeared in Turkish historiography. This poses a number of new problems for the historical science of Turkey related to the understanding of newly appeared materials.

Приложения

Приложение 1

*О проливах. Записки т. Литвинова.
Фонд 06. «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6.
Дело 869. Папка 64. 15.11.1944 – 17.11.1944*

Проливы

Сов. секретно.
Э.М.М. /
15 ноября 1944 года.
№ 100/мл.

ТОВ.В.М.МОЛОТОВУ.

К вопросу о проливах.
(Дополнение к записке о базе сотрудничества)
с Англией.

Срок существующей Конвенции о проливах истекает в 1956 г. Предусмотренные Конвенцией случаи изменения Конвенции до истечения указанного срока не дают нам возможности добиться желательного нам пересмотра без соглашения с Турцией.

Можно, однако, уклонясь несколько от формальностей, поставить вопрос о пересмотре Конвенции на основании резко изменившихся обстоятельств в результате нынешней войны/вероятное исключение Японии из числа участников Конвенции, прекращение существования Лиги Наций, на которую имеются ссылки в некоторых статьях и т.д./. Конечно, добиться такого пересмотра, которому Турция будет противиться, можно будет лишь заручившись предварительным согласием и сотрудничеством большинства участников Конвенции и, главным образом, Англии.

Наиболее важным пунктом Конвенции является передача Турции функций контроля, принадлежавших до Монтре международной комиссии. (Необходимо вспомнить, что на этой передаче мы вместе с Турцией настаивали и в Лозанне, и после Лозанны, и в самом Монтре.) Практически, контроль всегда будет принадлежать государству, которое обладает берегами пролива, в особенности если они укреплены и вооружены. Это отлично понимало и русское правительство, когда оно в Меморандуме союзникам от марта 1915 года писало:

Ст. Наркомвнудел
С-1
СЕКРЕТНО
Вз. № 4238
15/11 1944

Документ 1. URL: https://agk.mid.ru/ DATA/6_6_869/00000003.jpg (дата обращения: 21.06.2023)

2

2.-

"Ход последних событий приводит... к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть решен окончательно и сообразно вековым стремлениям России. Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае если город Константинополь, западные берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также Южная Фракия по линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской Империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарней и подлежащим определению пунктом на берегу Мраморского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав Империи".

Англия и Франция дали на эти предложения принципиальное согласие, отнеся окончательное решение вопроса к моменту заключения мирного договора.

В то время Турция воевала против союзников и принятое решение можно было бы навязать ей, как побежденной стране. Аналогичного положения сейчас нет. Лишить Турцию фактического контроля над проливами с демилитаризацией берегов невозможно, конечно, одними дипломатическими действиями без применения силы.

Можно, конечно, ставить вопрос о передаче нам формального контроля, но и это вряд ли осуществимо без применения силы или угрозы применения силы, если даже наше предложение будет поддержано Англией.

Возможен вариант совместного контроля СССР и Турции. Но

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_6_869/00000004.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

3

3.-

это давало бы благоприятные результаты в случае тесных дружественных отношений между обеими странами и добровольного согласия Турции на такой совместный контроль. При недружественных же отношениях, которые весьма вероятны в случае невызывания Турцией совместного контроля, данный вариант вряд ли может нас устроить, ибо Турция могла бы возразить против любого нашего предложения касательно пропуска судов и делать контроль недействительным. Но даже в этом случае совместный контроль СССР и Турции предпочтителен нынешнему контролю одной Турции.

Возвращение к интернационализации контроля, существовавшей между Лозенной и Монтре, должно быть, конечно, отвергнуто. Представляется, однако, вполне приемлемым контроль черноморских держав при условии достаточного укрепления нашего влияния в Румынии и Болгарии. В этом случае мы имели бы в контрольной комиссии три четверти голосов, а в случае включения в комиссию также Украины и Грузии, то и пять шестых голосов.

Но значение имеет не только и даже не столько контроль, сколько сам регламент пропуска судов через проливы, ибо, за исключением случаев осуществления вышеупомянутых предложений русского правительства, речь может идти лишь о контроле над выполнением регламента. Столо быть, останется ли контроль в руках Турции, будет ли установлен совместный советско-турецкий контроль, или будет создана черноморская контрольная комиссия, мы должны добиваться изменения самого регламента, установленного в Монтре.

Наркомат Военно-Морского Флота считает, что "Раздел I Конвенции, содержащий правила прохода через проливы торговых судов, полностью обеспечивает наши интересы и изменения не требует".

4

4.-

Мне представляется, что нужно требовать отмены статьи 6-ой, устанавливающей особый порядок прохода торговых судов, в случае если Турция считает себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

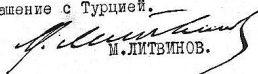
Что касается прохода военных судов, то Наркомат Военно-Морского флота правильно настаивает на предоставлении черно-морским государствам полного права, как в мирное, так и в военное время, проводить любые военные корабли через проливы в обоих направлениях. Необходимо, стало быть, добиваться отмены тех статей, которые это право ограничивают и стесняют.

Далее, НКВМФ предлагает ограничить право вводе в Черное море военных кораблей нечерноморских государств лишь случайными официальными визитами и общим тоннажем в 10 тыс. тн., и внести некоторые другие менее значительные изменения, на которых вряд ли стоит сейчас останавливаться. Опять таки представляется желательной, по моему, отмене статьи 21-ой, дающей особые права Турции в отношении иностранных военных судов, в случае если она считает себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

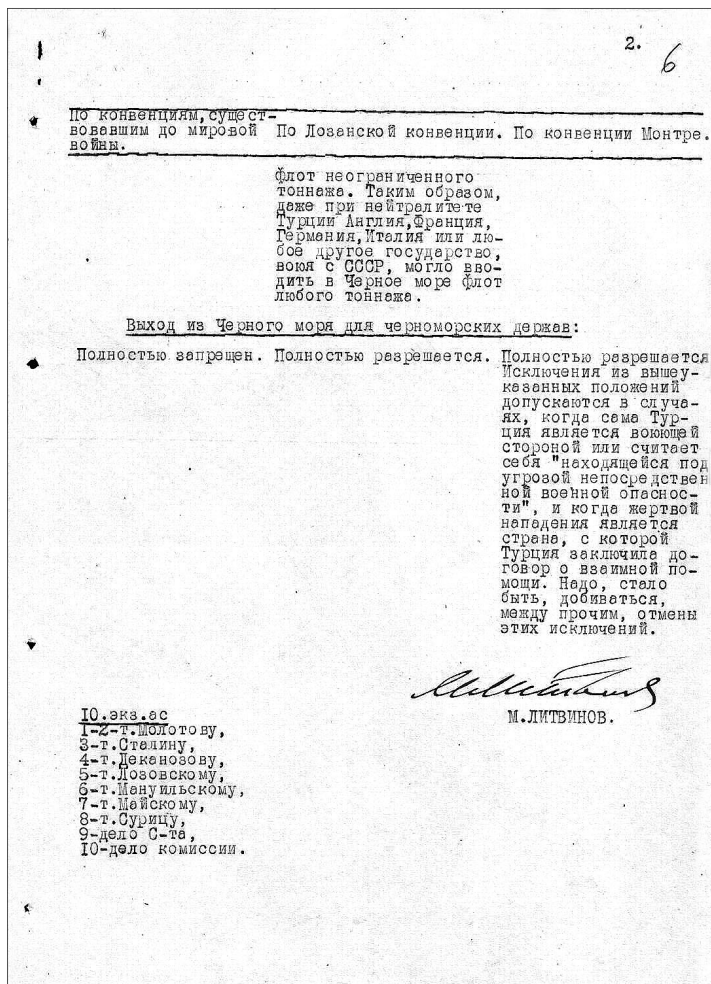
Желательно также изменение статьи 19-ой, различающей между странами, заключившими с Турцией пакт о взаимной помощи, и другими государствами.

Кроме того, должно быть разъяснена ст. 20 в том смысле, что речь идет об ограничениях для судов лишь стран, с которыми Турция воюет.

Конечно, для осуществления всех вышеуказанных изменений необходимо предварительно договориться с Англией или заключить соответствующее соглашение с Турцией.

М. ЛИТВИНОВ.

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_6_869/00000006.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_6_869/00000008.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Записи бесед посла СССР в Турции по вопросу
о пересмотре конвенции о Проливах. Фонд 06.
«Секретариат В.М. Молотова». Опись 7. Дело 945.
Папка 57. 11.04.1945 – 22.11.1945**

На дневника Посла СССР в Турции
ВИНОГРАДОВА С.А.

~~СЕКРЕТНО~~
исх. № 786 экз. № 1...
" 11 апреля 1945 года.

Б Е С Е Д А
с министром иностранных дел ХАСАН САКА,
4 апреля 1945 года.

Сака пригласил меня к себе и в присутствии Нуруллах Фсад Сумер, министра финансов, которого он мне представил как лицо, которое будет заменять его на время отъезда для участия на конференции в Сан-Франциско, стал объяснять, что после заявления Молотова, сделанного Сарперу 19 марта, о желании Советского Правительства денонсировать договор 1925 года, турецкое правительство сочло необходимым подождать возвращения Сарпера в Анкару для того, чтобы заслушать его устные объяснения. Однако приезд Сарпера задержался, так как, когда он обратился с просьбой предоставить ему возможность лететь на самолете для ускорения пути через Бухарест и Софию, ему порекомендовали воспользоваться более надежным путем - через Кавказ ввиду отсутствия регулярной авиационной связи между Москвой, Бухарестом и Софией. Сейчас, когда Сарпер приехал, и турецкое правительство заслушало его объяснение, Сака хочет вручить мне, для передачи Советскому Правительству, письменный ответ турецкого правительства на заявление Молотова от 19 марта. Сака оговорил, что, хотя заявление Молотова было устным, оно было опубликовано затем Советским Правительством, а также воспроизведено в печати здесь, в Анкаре, турецким правительством, и поэтому было сочтено возможным дать нам ответ на него в письменной форме. Сака зачитал его и вручил мне (перевод которого прилагается к настоящему дневнику).

Я заявил, что передам этот ответ своему Правительству. Я доба-

В-т Молотов
НАКИД
~~СЕКРЕТНО~~
Рх. № 3082
4.11.1945

Документ 1. URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000003.jpg (дата обращения: 15.11.2022)

- 2 -

вил, что в беседе с Сарпером, на вопрос последнего, тов. Молотов заявил о желательности обмена мнениями между двумя правительствами, после того, как турецкое правительство ознакомится с советским заявлением.

Сака ответил, что он считает этот ответ турецкого правительства "открывающим путь к такому обмену мнениями" и добавил, что поскольку обе стороны согласны с тем, что в обстановке произошли глубокие изменения, особенно во время этой войны, то при доброй воле обеих сторон будет возможно учесть эти изменения в том договоре, который заменит денонсированный договор, срок действия которого истекает. Нет, - поправился Сака, - срок действия которого истечет 7 ноября этого года. Сака добавил, что, хотя договор денонсирован на месяц или два до истечения срока для его денонсации, тем не менее это не играет роли, так как денонсация произведена в соответствии с положениями Протокола от 7 ноября 1935 года и, следовательно, договор должен считаться денонсированным в должной форме. В заключение министр выразил надежду, что во время его отсутствия я буду иметь возможность встретиться с Сумером, который будет его заменять, или с Сараджоглу, поскольку, - заключил Сака, - правительство остается здесь, на месте.

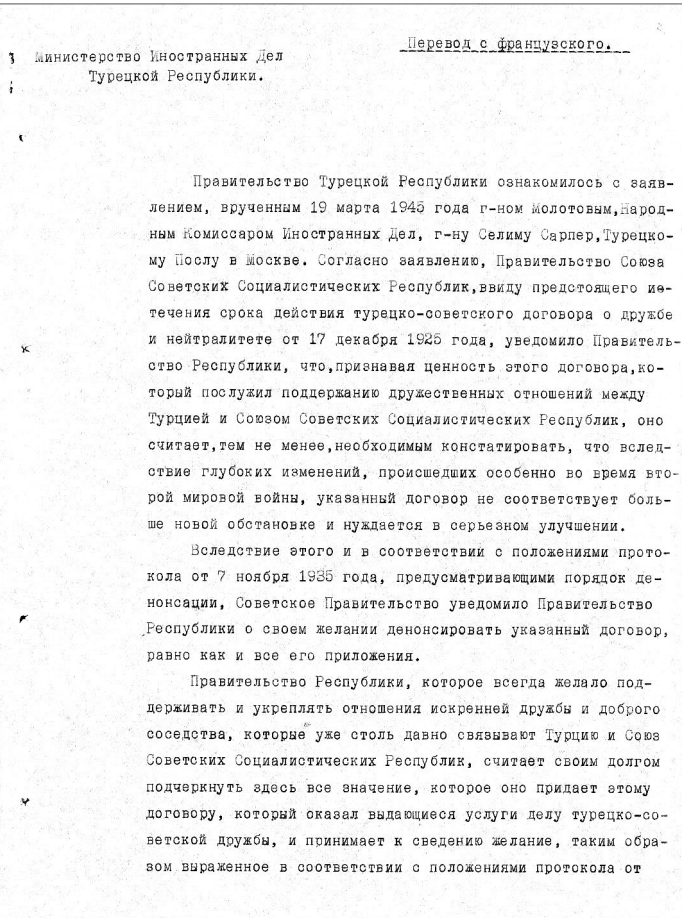
Я ничего не ответил на это, и наша беседа, не продолжавшаяся и 10 минут, на этом закончилась. Сумер, присутствовавший на ней, никакого участия в разговоре не принял.

ПОСЛА СССР В ТУРЦИИ -
(С. Виноградов)

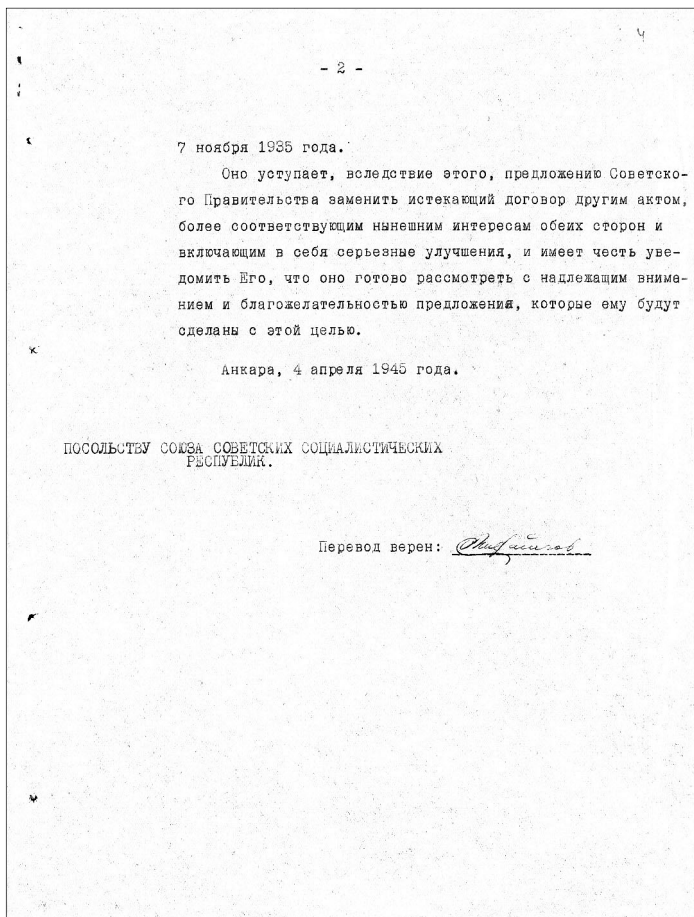
С. Виноградов

ОТД. С. ЭКЗ. БМ.
1-й ПОТОКОВУ
А-т. Кавтарадзе
С-в. дело 10-88
10/1У-45г.

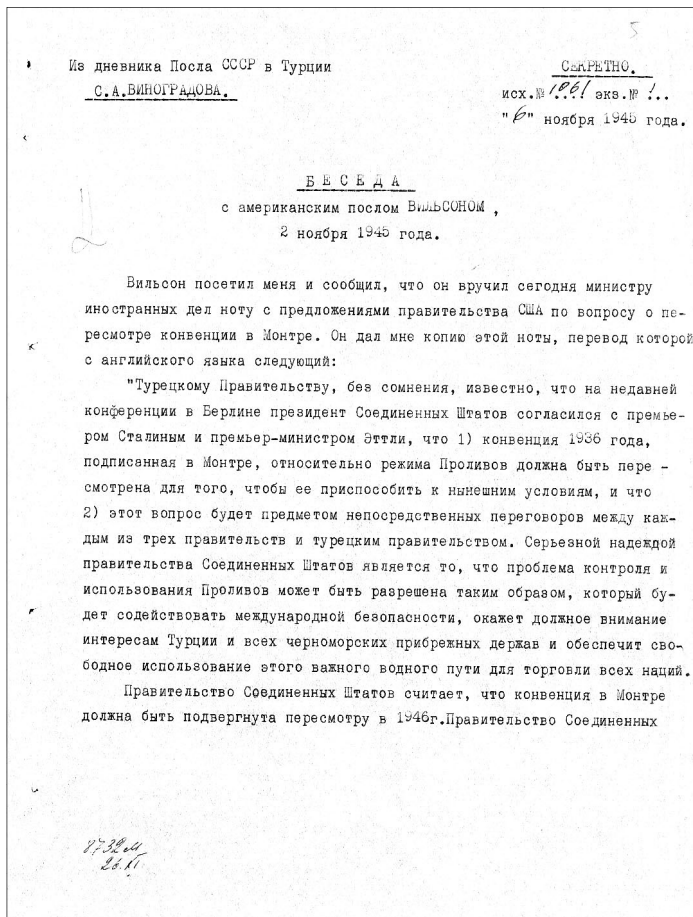
URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000004.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

Документ 2. URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000005.jpg (дата обращения: 15.11.2022)

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000006.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

Документ 3. http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000007.jpg
 (дата обращения: 15.11.2022)

- 2 -

Штатов предлагает, чтобы была созвана международная конференция с целью пересмотра конвенции для того, чтобы режим Проливов был в большем соответствии с изменившимися мировыми условиями. Соединенные Штаты, если их пригласят, будут рады принять участие в такой конференции.

Правительство Соединенных Штатов придерживается того мнения, что пересмотр конвенции в Монтре, который будет предпринят для приспособления ее к изменившимся мировым условиям, должен быть основан на следующих принципах:

- 1) Проливы должны быть все время открыты для торговых судов всех наций;
- 2) Проливы должны быть все время открыты для прохода военных кораблей черноморских держав;
- 3) за исключением прохода, подлежащего определению ограниченного тоннажа в мирное время, проход через Проливы должен быть постоянно запрещен для военных кораблей нечерноморских держав, за исключением прохода в том случае, когда будет иметься специальное согласие черноморских держав, и за исключением прохода в том случае, когда нечерноморские державы будут действовать по уполномочию Об"единенных Наций; и
- 4) должны быть произведены некоторые изменения для того, чтобы модернизировать конвенцию в Монтре; такие, как замена системы Лиги Наций, системой Об"единенных Наций и устранение Японии в качестве участника конвенции.

Британское и Советское Правительства в настоящее время также информируются о точке зрения Американского Правительства, изложенной выше".

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000008.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 3 -

Посол сказал, что он сообщил по телеграфу в Лондон и в Москву о том, что будет вручать эту ноту сегодня, и поэтому думает, что американские послы в этих столицах также информирует английское и Советское правительства сегодня же.

Отвечая на мой вопрос, посол сказал, что турецкий министр иностранных дел не выразил никакого мнения по поводу изложенного в ноте американского предложения и ограничился заявлением, что американская точка зрения будет изучена. Посол добавил, что он знает, что англичане еще не высказывали никаких своих соображений туркам, и признался, что ему совсем неясна процедура дальнейших переговоров турецким правительством - будут ли Советское и английское правительства высказывать свои соображения по поводу американских предложений или же сразу представят турецкому правительству свою собственную точку зрения. Я заметил, что мы уже высказали нашу точку зрения на пересмотр конвенции в Монте во время Бердзинской конференции, и спросил посла, кто будет обеспечивать запрет прохода через Проливы военных кораблей нечерноморских держав как в мирное, так и в особенности в военное время, о котором в американском предложении совсем не говорится. Посол ответил, что ему кажется, что это будет делать, вероятно, Турция. На мое замечание, что силы Турции могут оказаться недостаточными для этого и что мне неясно, как будет обеспечиваться этот запрет в том случае, если Турция, например, встанет на сторону нечерноморской державы, воюющей с черноморской, Посол ответил, что, по его мнению, в настоящее время мощного развития авиации важность контроля Проливов с суши сильно преувеличена. Он добавил, что он

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000009.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 4 -

понимает мою мысль, но он считает, что безопасность СССР будет достаточно обеспечена наличием близости советских военных баз к Проливам. На мой вопрос он уточнил, что он имеет в виду не только наши базы в Крыму, но те базы в Болгарии, которые мы, возможно, обеспечим себе договором с Болгарией в будущем. После моего возражения Вильсон сказал, что во всяком случае, по его мнению, для нас одних (последнее слово он подчеркнул) будет трудно получить базы в Проливах, так как это будет затрагивать национальный суверенитет Турции.

Оставив без ответа мое замечание, что мы могли бы взять на себя устройство баз на Проливах от имени Объединенных Наций, посол стал рассказывать о тех трудностях, которые он имел, будучи послом в Панаме, когда ему пришлось с большим трудом даже уже после нападения Японии на США уговаривать панамское правительство заключить договор о предоставлении США дополнительных участков территории для сооружения новых баз в районе Панамского канала. Он заметил, что Англия обеспечила свое право обороны Суэцкого канала во время войны также, только путем заключения особого договора с Египтом. Из слов Вильсона, у меня создалось впечатление, что он хотел всем этим сказать, что США не стали бы возражать, если бы СССР обеспечил себе базы в Проливах на время войны путем специального соглашения с Турцией.

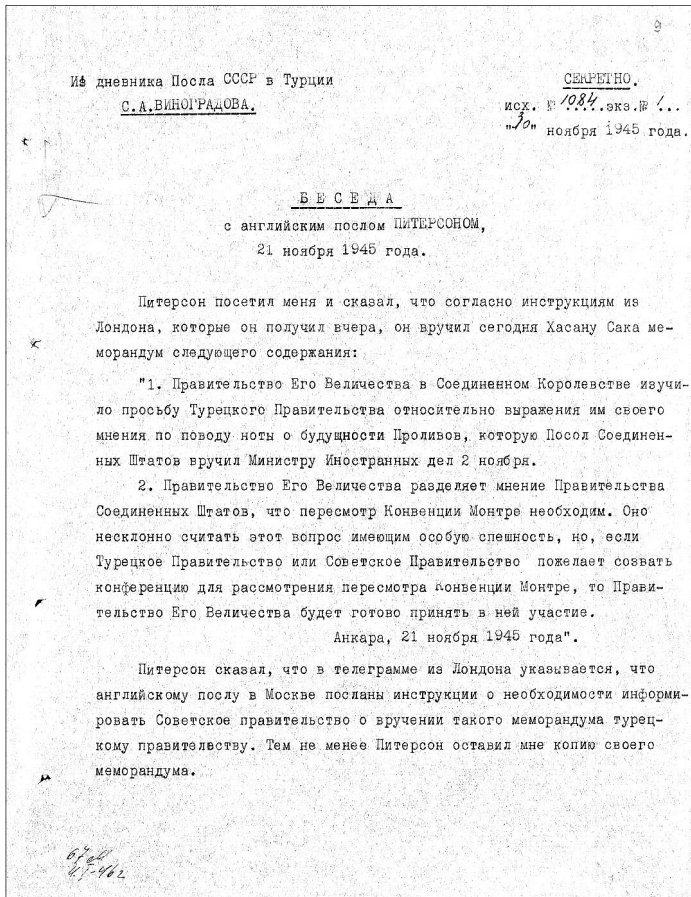
Из остальной части беседы можно отметить, что вчерашняя речь Исмета Инена считается Вильсоном интересной в той части, где Инено оправдывает политику Турции за время войны, и что посол думает, что Турция действительно оказала услугу союзникам своей позицией, поскольку она не присоединилась к Германии.

отп.З экз.ем.
1-т.Молотову
2-т.Деканозову
3-в дело По-ва
С.Х.-45Г.

ПОСОЛ СССР В ТУРЦИИ
(С.ВИНОГРАДОВ) -

С. Виноградов

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000010.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

Документ 4. http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000011.jpg
 (дата обращения: 15.11.2022)

- 2 -

Отвечая на мой вопрос о значении этого меморандума, Питерсон сказал, что сущность его заключается в том, что английское правительство согласно с тем, что конвенция Монте должна быть пересмотрена и что, если для этой цели будет созвана конференция, то оно готово принять в ней участие.

Я спросил посла, каково же мнение английского правительства относительно отдельных пунктов американской ноты. Питерсон заявил, что, по мнению его правительства, это детали, которые могут быть обсуждены на конференции, когда будет вырабатываться текст пересмотренной конвенции.

Однако, когда я еще раз попросил посла высказать мнение о взглядах английского правительства на конкретные предложения американской ноты, Питерсон сказал, что английское правительство согласно с предложением американцев о том, что Проливы должны быть постоянно открыты для судов черноморских держав и закрыты для судов нечерноморских держав. Посл добавил, что, как ему кажется, с английской стороны будут известные возражения на будущей конференции против американского предложения о том, что проход в Черное море военных судов нечерноморских держав должен зависеть от общего согласия всех черноморских держав, даже таких, как, например, Болгария и Румыния.

На мой вопрос, какова же идея английского правительства в отношении этого американского предложения, Питерсон ответил, что ему кажется, что было бы лучше, чтобы этот случай прохода военных кораблей нечерноморских держав в Черное море зависел от разрешения Совета Безопасности Объединенных Наций, в котором главную роль будет играть также и СССР, а, следовательно, интересы СССР в этом отношении не будут

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000012.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 3 -

затрагиваться. Посол заметил, что эта идея уже содержится в американской ноте.

Я спросил посла, каково мнение Хасана Сака об этом меморандуме английского правительства. Посол ответил, что турки так же, как и английское правительство, считают, что в вопросе о пересмотре конвенции в Монтре нет особой спешки и что лучше подождать, пока между тремя великими державами не будет достигнуто общности взглядов на принципы пересмотра конвенции. Тем не менее, по мнению турок, если также и Советское правительство заявит о своем согласии с идеями, выдвинутыми в американской ноте, то может быть созвана конференция для пересмотра конвенции.

Я заметил, что наша точка зрения на пересмотр конвенции была изложена на Берлинской конференции. Посол сказал, что "это является преувеличенным", имея в виду наши требования. Я указал послу на нашу заинтересованность в действительном обеспечении безопасности Черного моря, и посол заметил, что Англия также заинтересована для обеспечения своей безопасности в безопасности, например, Бельгии и Франции, но Англия давно, еще со времен Жанны д'Арк, отказалась от мысли иметь свои базы во Франции или Бельгии.

Когда я привел пример с обеспечением Англией защиты Суэцкого канала, посол возразил, что Англия пришла в Египет в самый разгар гражданской войны и обеспечила оборону Суэцкого канала только в связи с тем, что сами египтяне не были в состоянии этого сделать. Посол продолжал, что, с другой стороны, опыт этой войны показал также отсутствие у Египта этой способности, свидетельством чего является тот факт, что Египет не вступил в войну даже тогда, когда Роммель подходил к Александрии.

URL:http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000013.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 4 -

Я указал, что Турция немногим отличается от Египта. Посол согласился с тем, что Турция не может обеспечить сама безопасность Черного моря, в случае войны с участием какой-либо великой державы, однако заметил, что, по его мнению, путь к обеспечению безопасности Черного моря следует искать в культивировании советско-турецкой дружбы, к чему Турция, как он сказал, "всегда расположена". Посол добавил, что, с другой стороны, у СССР достаточно сил в Черном море для того, чтобы обеспечить его безопасность.

На это я ограничился замечанием, что мы понимаем дружбу, как дружбу не на словах, а на деле.

Я вернулся к американской ноте и заметил, что в ней нет никакого упоминания о том, кто и как будет фактически обеспечивать интересы черноморских держав. Питерсон выразил мнение, что выполнение обязательств, взятых на себя в отношении Проливов всеми участниками будущей конвенции, будет обеспечиваться их подписью под этой конвенцией, а также Советом Безопасности Объединенных Наций, поскольку под его эгидой будут отныне находиться все международные договоры, как раньше они находились под эгидой Лиги Наций.

На мой вопрос, думает ли посол, что тот факт, что обеспечение выполнения обязательств конвенции будет находиться на ответственности Совета Безопасности, как это он только что сказал, означает демилитаризацию Проливов. Питерсон ответил, что он этого не думает, и указал, что, как ему известно, на Берлинской конференции по совету некоего английского, некоего американского экспертов, — он точно не помнит, — президент Трумэн был вынужден отказаться от своей идеи демилитаризации Проливов, поскольку при современном состоянии военной техники чрезвычайно трудно установить границы той зоны, которая должна быть демилитаризована. Посол повторил, что, по его мнению, выполнение конвенции должно быть

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000014.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 5 -

обеспечено Советом Безопасности. Не желая, очевидно, продолжать беседу, Питерсон сослался на необходимость уходить, чтобы посетить сейчас американского посла для передачи ему аналогичной информации о вручении турецкому министру иностранных дел английского меморандума.

ПОСОЛ СССР В ТУРЦИИ
(С.ВИНОГРАДОВ) - *С. Виноградов*

отп. 3 экз. ем.

1 - т. Молотову
2 - т. Деканозову
3 - в дело По-ва

22.XI-45г.

URL: http://agk.mid.ru/DATA/6_7_945/00000015.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Фонд 0129. «Референтура по США».
Переписка по политическим вопросам,
касающимся третьих стран. Опись 29.
Дело 22. Папка 168. 04.01.1945 – 04.12.1945

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА.

21

Лондон, 11 сентября /ТАСС/. Стамбульский корреспондент газеты "Таймс" сообщает, что неизвестно, был ли передан заинтересованным странам американский план урегулирования во-просов, затрагивающих Проливы и европейские водные пути, но, как полагают в Анкаре, американское предложение выдвигает общий принцип установления международного контроля над всеми водными путями и затем указывает способы для его практиче-ского применения в каждом случае. Против общего принципа бу-дет небольшое возражение или вообще никакого возражения, но могут быть практические расхождения. Турция будет готова рас-смотреть любое предложение, которое не нарушает ее суверен-ных прав или ее безопасности.

Лондон, 14 сентября. Как указывает обозреватель агент-ства Рейтер Ион Кимхе, Совет министров иностранных дел, за-седающий в Лондоне, ознакомился теперь с точкой зрения турец-кого правительства по вопросам, о которых ведется переговоры между турецким правительством и советскими властями. Как по-лагают, турецкое правительство выделило три пункта: Во-пер-вых, турецкое правительство не намерено иметь совместные со-ветско-турецкие базы в Дарданеллах и не намерено сдавать, тем в аренду баз, одному только Советскому Союзу. Однако оно готово дать согласие на создание совместных баз Об"единен-ных наций, в управлении которыми будут участвовать в равной мере Советский Союз, Соединенные Штаты, Англия и Франция.

Документ 1. URL: <http://agk.mid.ru/>

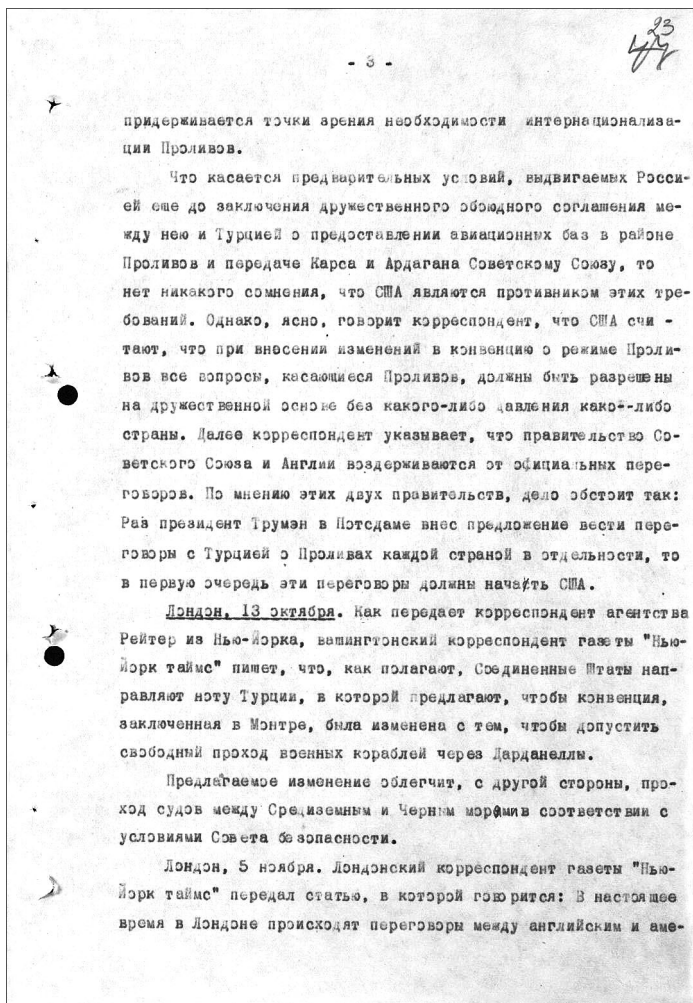
DATA/0129_29_22/00000025.jpg (дата обращения: 15.11.2022)

22
46

- 3 -

Лондон, 29 сентября. Как передает агентство Рейтер, согласно сообщению стамбульского корреспондента газеты "Таймс" в Турции вызвало большое удовлетворение получение из Лондона сведений о том, что, повидимому, оставлен первоначальный проект демилитаризации Проливов. Демилитаризация Проливов отразилась бы на обороне европейской границы Турции и создала бы угрозу ее безопасности. "Признание этого факта, - продолжает корреспондент, - устранило бы у турок серьезное беспокойство, которое терзает их умы. Турецкое правительство, повидимому, расположено дать любые разумные заверения и гарантии для свободного прохода в мирное время и во время во ны всех судов, принадлежат ли они всем державам или какой-либо особой державе, как например, России, если таково будет решение конференции при условии, что такие гарантии не поведут за собой предоставления баз или присутствия иностранных войск на турецкой территории".

Лондон, 13 октября. В связи с тем, что президент Трумэн не возражает против внесения некоторых изменений в конвенцию, подписанную в Монре о режиме Проливов, и в связи с заявлением государственного секретаря США Бирнса о том, что правительство США обещало вести переговоры с Турцией о будущем статусе Проливов, вашингтонский корреспондент агентства Британова сообщает: две недели тому назад турецкое правительство обратилось к США с длинной нотой, в которой запрашивало когда правительство США намерено начать переговоры о Проливах и какой политики придерживается американское правительство по данному вопросу. В ответ на эту ноту турецкое правительство было поставлено в известность, что поднятый им вопрос находится в стадии изучения. Бирнс воздержался дать какие-либо разъяснения об американской позиции в данном вопросе. Но есть признаки, пишет корреспондент, что Америка

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000027.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 4 -

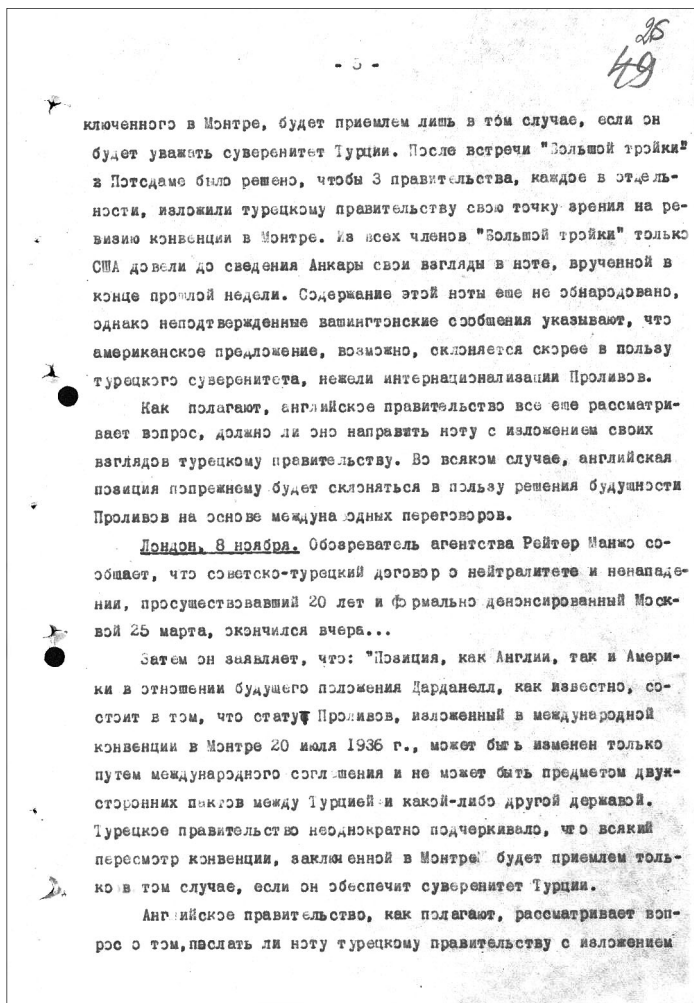
24
678

риканским правительствами с целью определения общей позиции в отношении будущего международного соглашения об управлении турецкими проливами. Из авторитетных источников стало известно, что два руководителя западных союзников пытаются согласовать позицию, прежде чем приступить к дальнейшему обсуждению этого вопроса и переговорам с турецким правительством. Как полагают, основное желание заключается в том, чтобы уточнить англо-американскую позицию с тем, чтобы встретиться во всеоружие советскую точку зрения, когда начнется торг по этому вопросу.

Англия и Соединенные Штаты, кроме того, считают, что лучший способ добиться такого пересмотра - это созвать международную конференцию, с решением которой турки были бы согласны. Полагают, что западные державы намекали, что они не одобряют решения, которое будет достигнуто между Турцией и Россией без участия других держав.

Помимо этого, англо-американская позиция еще не определена достаточно ясно.

Лондон, 7 ноября. Агентство Рейтер указывает, что сегодня, 7 ноября, истекает срок действия 20-летнего советско-турецкого договора о нейтралитете и ненападении, официально денонсированного Москвой 25 марта текущего года. В связи с этим агентство Рейтер заявляет, что: "С точки зрения международных аспектов проблемы Дарданелл, англичане и американцы, как известно, считают, что статут Дарданелл, сформулированный в международной конвенции в Монте от 1926 года может быть изменен только по международному соглашению, и он не может быть объектом двусторонних пактов между Турцией и какой-либо другой державой. Турецкое правительство неоднократно подчеркивало, что всякий пересмотр соглашения, за-

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000029.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 6 -

26
50

своих взглядов. Но во всяком случае Англия будет поддерживать свою позицию, заключающуюся в том, чтобы будущее положение Проливов разрешить путем международных конвенций.

Лондон, 9 ноября. Как передает агентство Рейтер из Лондона, консервативная газета "Йоркшир пост" в передовой статье от 9 ноября подчеркивает необходимость международного сотрудничества в вопросе о Дарданеллах. Газета указывает, что предложения государственного секретаря США Бирнса о пересмотре конвенции в Монте предусматривают одно основное изменение в этой конвенции - предложение разрешить проход военных кораблей черноморских держав, что практически означает - русских кораблей.

В статье говорится: "Предложения, в силу которых суда Красного Флота по существу будут единственными военными кораблями, которым будет разрешено пользоваться Проливами, предоставят России свободу движения вместе с безопасностью. Этим будут удовлетворены чаяния, которые нельзя считать неразумными и которые, следовательно, будут способствовать делу укрепления мира".

Далее газета указывает, что в силу чрезвычайно важной оговорки в статье, касающейся закрытия Проливов для военных кораблей не черноморских держав, Проливы могут оказаться открытыми для этих судов по решению организации Объединенных наций, что "в данном контексте может означать Большую тройку".

Иными словами, признается, что эффективность всякого соглашения должна, в конечном счете, зависеть от наличия воли к сотрудничеству между великими державами.

Проливы не останутся закрытыми для нерусских военных кораблей, если будет допущено развитие всякого явного конфликта. Никакой механизм не сможет обеспечить мир, если между великими державами будет допущено существование непреодолимых трудностей, и это также верно в отношении Дарданелл, как и в отношении любого другого района мира".

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000030.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 1 -

27
27

АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА.

Нью-Йорк, 4 сентября /ТАСС/. По поводу внутренних европейских водных путей корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс сообщает, что Соединенные Штаты намечают создание международных комиссий для обеспечения беспрепятственной навигации по Дунаю и Рейну, в Дарданеллах, в Кильском канале и по другим границам с двумя или более странами водным путем, которые, по мнению министров иностранных дел, должны находиться под международным контролем. Такие комиссии должны состоять из представителей США, Советского Союза, Англии, Франции, а также стран, граничащих с водными путями, переданными под международный контроль. Корреспондент пишет, что предложение об интернационализации Дарданелл "явно представляет собой наилучшее из решений, которые могут предложить американские представители, чтобы парализовать постоянный выход для Советского Союза из Черного моря в Средиземное море, не вызывая осложнений с Турцией".

Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что, по имеющимся сведениям Россия хочет предъявить территориальные требования, намного превышающие все предположения США и Великобритании. Советский Союз хочет осуществлять широкий контроль над Дарданеллами и установить сферу влияния на Балканах.

Лондон 10 октября. Как передает корреспондент агентства Рейтер из Вашингтона, государственный секретарь США Барнс заявил на пресс-конференции, что во время переговоров в Потсдаме руководители трех держав договорились по отдельности обратиться к турецкому правительству по поводу пересмотра конвенции в Монте, с целью интернационализа-

Документ 2. http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000031.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 3 -

28
52

ции Дарданелл.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТАСС

На днях в американской печати появилось сообщение о том, что будто бы на Берлинской Конференции руководители трех держав договорились по отдельности обратиться к турецкому правительству по поводу пересмотра Конвенции в Монте с целью интернационализации Дарданелл.

По полученным ТАСС'ом сведениям из авторитетных источников это сообщение является не точным. В действительности же на Берлинской Конференции была достигнута договоренность о том, что Конвенция о проливах, заключенная в Монте, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени, и что данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и турецким правительством. /Известия 16 октября /

Вашингтон, 10 октября /ТАСС/. Государственный секретарь США Бернс, выступая на пресс-конференции в ответ на вопрос относительно сообщения газеты "Нью-Йорк геральд трибун" о том, что во время Потсдамской конференции Трумэн и Сталин пришли к соглашению, что Соединенные Штаты начнут переговоры с Турцией об изменении статута Дарданелл. Бернс ответил, что на Потсдамской конференции Трумэн предлагал интернационализацию всех европейских водных путей, но не занимался специально вопросом о Дарданеллах в этой связи. По словам Бернса, при обсуждении этот вопрос был выдвинут, и вопрос об интернационализации вместе с некоторыми другими был предназначен для изучения министрами иностранных дел и принятия решения на заседании в Лондоне. Далее Бернс сообщил, что на Потсдамской конференции Соединенные Штаты обсуждали конвенцию в Монте, касающуюся Дарданелл, и что было принято решение о том, что США

- 3 -

29
53

поставит перед Турцией общий вопрос об интернационализации водных путей. Соединенные Штаты считали, что это должно быть сделано для облегчения транспорта внутри континента и транспорта по европейским водным путям вообще, но предложение, сделанное США в Потсдаме, не касалось Дарданелл.

После берлинского совещания США информировали Турцию о позиции Соединенных Штатов в вопросе об интернационализации водных путей. В ответ на прямой вопрос одного из корреспондентов о том, одобряют ли Соединенные Штаты интернационализацию Дарданелл, Зирно ответил, что в настоящее время он не может обсуждать этот вопрос, поскольку Турция еще не дала ответа на американское заявление.

Нью-Йорк, 13 октября /ТАСС/. Обычно хорошо информированный вашингтонский корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс" Ростон утверждает, что Соединенные Штаты предлагают Турции пересмотреть конвенцию в Монте с тем, чтобы разрешить проход военных кораблей через Дарданеллы в соответствии со статьей 43-й устава Объединенных наций. Американские официальные круги указывают, что этот устав обязует Совет безопасности вести переговоры о заключении специальных военных соглашений с определенными государствами - членами организации для того, чтобы Совет мог предпринимать действия, направленные против страны, проявляющей агрессивные намерения. По мнению Ростона, Турция должна будет согласиться позволить всем странам, граничащим с Черным морем, свободно проводить свои военные и торговые корабли через Дарданеллы в мирное время, а в случае создания угрозы миру Турция должна будет разрешить Объединенным нациям пользоваться Дарданеллами всякий раз, когда Совет безопасности примет решение о необходимости поддерживать международный мир и безопасность. По имеющимся сведениям, Турция уже согласилась в принципе с пересмотром конвенции в Монте.

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000033.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 4 -

30
54

Вашингтон, 15 октября /ТАСС/. Как утверждает вашингтонский корреспондент газеты "Ивнинг стар" Браун, Бирнс вынес убеждение из переговоров в Лондоне, что если можно добиться какого-либо поверхностного соглашения в отношении правительств Румынии и Болгарии, то в отношении Дарданелл и Триеста Советский Союз не преклонен. По имеющимся сведениям, Сталин в Потсдаме и Молотов в Лондоне указали, что они не пойдут на компромисс по вопросу о Дарданеллах и что этот вопрос касается только Советского Союза и Турции.

По словам Брауна, Турция не намерена силой зашиять свои права, несмотря на превосходящие силы любого противника, но она согласится с любыми решениями по вопросу о Дарданеллах, если эти решения будут вынесены большинством голосов в международной организации.

Выступление Трумэна, 27 октября 45г. /ТАСС/. ... 7-м мы считаем, что все страны должны пользоваться свободой морей и иметь равные права в отношении навигации по пограничным речным водным путям и речным водным путям, проходящим по территории более, чем одной страны.

Вашингтон 31 октября /ТАСС/. Выступая на пресс-конференции, Бирнс заявил, что по соглашению, достигнутому в Потсдаме, каждая из трех держав должна самостоятельно решать этот вопрос с Турцией. Он указал, что ему неизвестно, какие предложения были сделаны Турцией Советским Союзом или Англией, и добавил, что он не делал запросов в этом отношении.

Нью-Йорк, 31 октября /ТАСС/. По сообщению вашингтонского корреспондента журнала "Ньюс уик", вашингтонские круги предвидят возможность кризиса в советско-турецких отношениях по истечении 7 ноября срока советско-турецкого договора. Тем не менее, журнал указывает, что государственный департамент до сих пор

- 3 -

31
55

еще не получил окончательных свидетельств, подтверждающих сообщение о том, что русские концентрируют бронетанковые силы в Болгарии с намерением оказать давление на Турцию в связи с вопросом о Дарданеллах. От плана Трумэна, предусматривающего включение Дарданелл в программу интернационализации европейских водных путей, в настоящее время отказались. Соединенные Штаты являются сторонниками того, чтобы конвенция, заключенная в Монте, осталась неизменной до будущего года, когда она должна быть пересмотрена в соответствии с условиями договора. После этого Соединенные Штаты хотели бы обеспечить разоружение района этих проливов.

Нью-Йорк, 3 ноября /ТАСС/. Вашингтонский корреспондент агентства United Press передает, что по имеющимся сообщениям, предложение США в основном совпадает с условиями конвенции, но предусматривает некоторые технические детали, вызываемые изменениями в конструкции военных кораблей. Оно предусматривает также изменение состава подписавших конвенцию стран, причем, вероятно, США подпишут документ вместе с Японией.

Газета "Нью-Йорк таймс", ссылаясь на авторитетные круги, указывает, что правительство США передало через своего посла в Анкаре ноту турецкому министру иностранных дел. В этой ноте фактический контроль над Проливами рекомендуется оставить за Турцией. Газета указывает, что США, таким образом, отказались от выдвинутого ими в Поседаме проекта относительно интернационализации Проливов. Ссылаясь на те же источники, газета заявляет, что Англия в вопросе о Проливах, придерживается почти такой же точки зрения, как и США. Советский Союз, как предполагают, требует предоставления ему права контроля прохода судов через Проливы.

Вносимые изменения со стороны США носят характер предложения. "Нью-Йорк таймс" указывает, что конвенция в Монте будет подписана и США, а подпись Японии с нее будет снята.

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000035.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

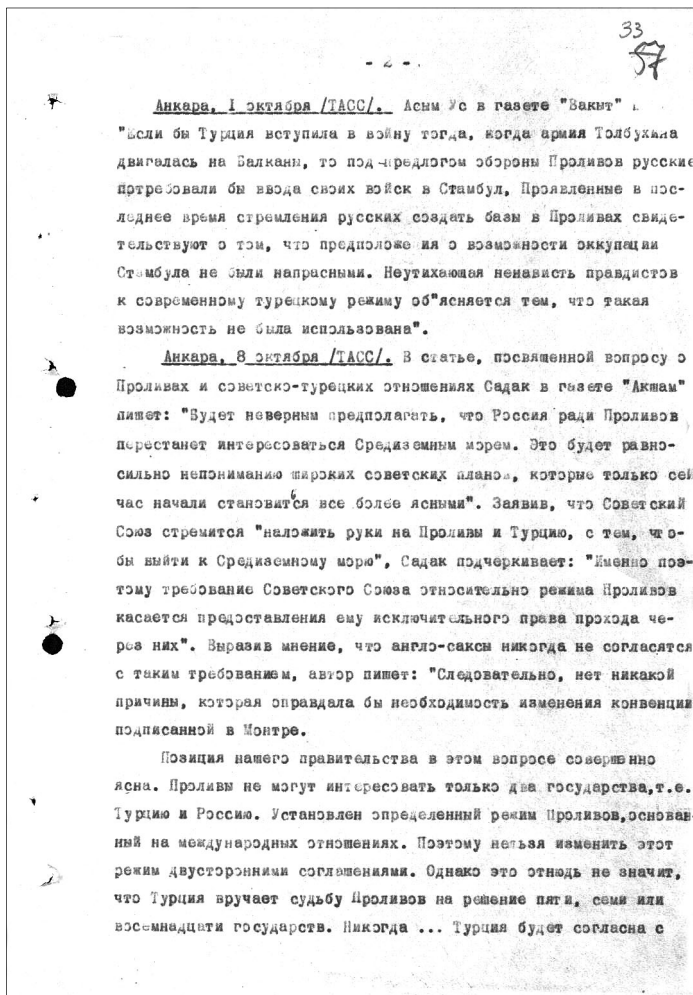
32
56ТУРЦКАЯ ПРЕССА.

Анкара, 21 сентября /ТАСС/. Редактор газеты "Танин" Ялчин относительно Проливов пишет: "Этот вопрос не является конфликтом второй мировой войны. Он может послужить причиной третьей мировой войны. Но этот вопрос не может быть урегулирован на лондонской конференции, которая обсуждает разногласия, касающиеся вражеских стран."

Решимость, которую приписывает Турции, которая будто бы никогда не согласится с желанием русских совместно с ними участвовать в обороне Проливов и никогда не предоставит русским баз в Проливах, безусловно, правдоподобна. Мы готовы рассмотреть и охотно согласиться с любым проектом, который будет предложен нашими союзниками и друзьями по поводу Проливов, при условии, что он не ущемит ни нашу независимость, ни наш суверенитет. Впрочем, мы даже и не думаем, что наши союзники и друзья одобряют предложение, которое нанесет ущерб интересам и правам Турции. Следовательно, мы не испытываем никакой тревоги по поводу проекта, который будет подготовлен Соединенными Штатами относительно водных путей в Европе".

Анкара, 25 сентября /ТАСС/. Редактор газеты "Танин" Ялчин пишет: "Вопрос о Проливах, который возник между Турцией и Россией, как очень серьезный конфликт, стал одной из мировых проблем вследствие развития международных событий в течение последних месяцев и перестал быть русско-турецким конфликтом."

Анкара, 27 сентября /ТАСС/. Газета "Джихуриет" опубликовала на первой странице географическую карту со следующей надписью: "Карта, показывающая русские притязания". На карте изображены стрелы, идущие от Москвы к Эрзеруму, Порт-Саиду, Триполи-тании, Танжеру, Швеции и Дании, Додеканезам, Проливам, Куриальским островам и Порт-Артуру.

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000037.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 3 -

39

58

проходить через Проливы судов всех государств при условии, если не будут нарушены ее территориальная целостность и суверенитет". Указав далее, что Турция будет возражать также против предоставления "военных баз или оккупации Проливов", газета в заключении пишет: "Если требования Советов относительно Средиземного и Красного морей имеют своей целью занять господствующие позиции в Проливах и будут использованы как средства для торгов, то мы не согласимся, чтобы был нанесен ущерб турецким интересам при помощи подобных махинаций."

Анкара, 13 октября /ТАСС/. Редактор газеты "Танин" Илчин пишет: "Американский план относительно водных путей Европы подвергся существенным изменениям в промежутке между Берлинской и Лондонской конференциями. Права и интересы Турции были лучше оценены, и этот результат показывает, что общественное мнение англо-саксов вполне поняло подлинный смысл вопроса о Проливах. Если бы правительства Англии и Америки не осознали эту истину, они не признали бы необходимость оставить принадлежность и охрану Проливов за Турцией.... Что касается свободного прохода торговых и военных судов как в мирное время, так и во время войны, то это является естественным предложением, которое может быть изучено и принято без всяких затруднений".

Анкара, 16 октября /ТАСС/. Редактор газеты "Актам" Садак в статье, посвященной проблеме Проливов, указывает, что с юридической точки зрения Советское правительство имеет право требовать внесения изменений, так как эту конвенцию подписывали Япония, Болгария и Румыния, и она содержит два пункта, относящихся к бывшей Лиге наций. В нынешних условиях, создавшихся вследствие войны, нужно конечно внести в конвенцию изменения в смысле уточнения подписей и пунктов, относящихся к Лиге наций. Но достаточно ли этих изменений для Советского Союза? Безспорно, эти незначительные изменения не могут удовлетворить Совет-

скую Россию. Поэтому на конференции трех великих держав в Потсдаме наряду со всеми европейскими вопросами обсуждался также вопрос о Проливах. При этом упоминалось, что Проливы должны быть открыты для Объединенных наций и не должны иметь укреплений. Такое решение вопроса не понравилось Советской России. По последним сведениям, вопрос об интернационализации Проливов снят с порядка дня. Президент США, идя навстречу желаниям русских, предложил сделать Проливы во время войны открытыми для судов воюющих стран, и одновременно открытыми для советского флота.

Анкара, 16 октября /ТАСС/. Все турецкие газеты опубликовали на первых страницах под крупными заголовками опровержение ТАСС по вопросу о пересмотре конвенции в Монте. Газеты дают следующие заголовки: Газета "Тасвир" - "Наконец русские эгоизировали. ТАСС опубликовал опровержение, касающееся Проливов"; газета "Хюрес" - "Соглашение о Проливах. Опровержение агентства ТАСС. Каждое из трех правительств отдельно будет вести переговоры с турецким правительством"; газета "Дюмюш" - "Проблема Проливов. Москва высказывает свою точку зрения на существующее положение"; газета "Тан" - "Вопрос, касающийся Проливов. Агентство ТАСС сообщает о берлинском решении трех великих держав".

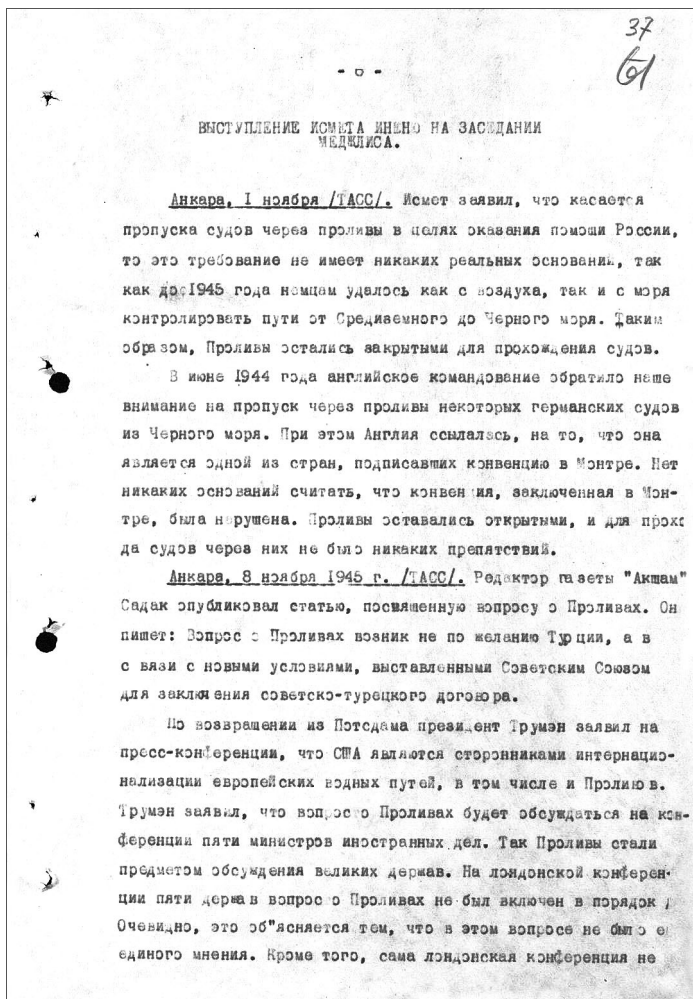
Анкара, 16 октября /ТАСС/. Редактор газеты "Танин" Илчи поместил статью, в которой пишет: "Что касается Москвы, то она заявляет, что конвенция, заключенная в Монте, должна быть пересмотрена, как не отвечающая нынешним условиям. В момент, когда три великие державы согласились на изменение конвенции в Монте, может ли иметь влияние на существо вопроса изложение мотивов? Очевидно, это имеет влияние и очень большое влияние, раз Москва почувствовала необходимость прерыва

- 5 -

36
600

молчание. Это будет видно по изменениям, которые потребует Москва и которые не будут предусматривать интернационализации Проливов. Мы читали уже сообщения англо-саксонской печати, которые указывают на то, что Америка и Англия отказываются от идеи интернационализации и хотят предоставить защиту Проливов туркам. Поскольку русские думают лишь о том, чтобы захватить Проливы, будущие переговоры не могут дать им никаких результатов".

Анкара, 28 октября /ТАСС/. Редактор газеты "Танин" Ялчин в своей статье заявляет... Вопрос о Проливах является для нас настолько жизненно важным, что даже в том случае, если нам будет противостоять многомиллионная армия, она не сможет заставить нас отказаться от исполнения своего долга". Выразив мнение, что у Турции ничего нельзя "урвать путем оказания на нее давления", Ялчин заключает: "В современных условиях концентрация войск означает собой неведение в эффективность переговоров и стремление добиться результатов путем вооруженной борьбы. Однако трудно поверить, чтобы Россия тотчас же начала третью мировую войну."

Документ 4. URL: <http://agk.mid.ru/>

DATA/0129_29_22/00000041.jpg (дата обращения: 15.11.2022)

- 7 -

38

62

приняла никаких решений.

Однако английская газета распространила слухи, которые потом подтвердились, что президент Трумен после беседы с военными специалистами отказался от своего предложения интернационализировать Проливы. Основным поводом для этого отказа послужило то, что разрушение Проливов, учитывая нынешнюю для Турции необходимость орудий, может сильно отразиться на обороноспособности Турции.

Анкара, 8 ноября /ТАСС/. Из Вашингтона сообщают, что государственный секретарь США Бирнс заявил на пресс-конференции, что предложение США относительно внесения изменений в конвенцию Монте содержит следующие пункты: 1/ Проливы остаются открытыми для торговых судов всех народов во всякое время. 2/ Представляется право прохода через Проливы военным судам тех государств, которые расположены на побережье Черного моря. 3/. Проливы остаются закрытыми для военных судов государств, не расположенных на побережье Черного моря.

/Так комментирует анкарское радио заявление Бирнса на пресс-конференции/

АНКАРА, 14 ноября /ТАСС/. Сертель поместил в газете "Тан" статью, в которой пишет: "Вопрос о Проливах вступил в новую фазу после американского предложения об изменении конвенции в Монте с тем, чтобы она отвечала нынешним условиям. Именно Россия первая высказалась за то, что такие изменения необходимы. Турция дала понять, что она не будет возражать при условии, что не будут затронуты ее права и суверенитет.

Русские уже высказали Турции свою точку зрения по поводу Проливов. Нам неизвестно, сделали ли они это вторично? Во всяком случае, всем приблизительно известна их манера смотреть на воп.ос. Остается теперь только Англия, которая не сказала еще своего слова. Разрешение вопроса о Проливах будет возможно лишь в случае достижения полного соглашения между всеми

- 8 -

39

68

великими державами по международным вопросам. Если будут продолжаться царить недоверие и отсутствие безопасности, разрешение вопроса о Проливах, как и других международных проблем, будет затруднено. Недоверие и отсутствие безопасности, с которых мы упомянули, могут создать для держав, заинтересованных в разрешении вопроса о Проливах и в частности для Турции опасное положение. Перед нами срок более, чем в 6 месяцев. Если тем временем атмосфера натянутости, которая наблюдается между тремя великими державами, рассеется, вопрос о Проливах также, как и другие проблемы, будет разрешен в соответствии с общими интересами и в особенности в соответствии с интересами Турции". Редактор газеты "Вакит" Асым Ыс в свою очередь пишет: "Предложение Америки относительно Проливов и раз'яснения, которое сделал Барнс на пресс-конференции по этому поводу, вновь возбудили интерес к этому вопросу. Полагают, что премьер-министр Эттли коснется этого вопроса в своих переговорах с президентом Трумэном, однако решение вопроса зависит, главным образом от решения, которое примут Советы". "Во всяком случае, - продолжает далее Асым Ыс, после появления английского проекта относительно создания западного блока, вопрос о Проливах отошел на второй план. Почему? Какая связь существует между двумя этими вопросами? Это легко понять, если внимательно изучить положение, существующее в зоне русской оккупации и в зоне оккупации англо-саксов, которые после поражения Германии разделили Европу на две части. В Средиземном море Великобритания находится за пределами Герданелл. Только русский флот господствует в Черном море, в то время как Великобритания и Америка, оккупирующие западную часть Германии, Данию и Норвегию, фактически вошли в Балтийское море и Россия хотела бы прежде, чем разрешить вопрос о Проливах, обеспечить свою

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000043.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

- 9 -

40
64

безопасность со стороны этого моря. Впрочем, появление атомной бомбы, этого ужасного оружия, разрушило план о стратегических границах России. Естественно, что при наличии этих вопросов, которые приобретают первостепенное значение, вопрос об Ираливах отходит на второй план. Исходя из этого московское правительство может еще несколько повременить с сообщением Анкаре своей точки зрения и своих намерений. Мы не думаем, чтобы эта задержка могла повлиять на русско-турецкие отношения, поскольку, несмотря на то, что русско-турецкий мирный пакт о дружбе, подписанный в 1925 году и денонсирован, Карский договор и статья 2-я русско-турецкого союзного договора остаются в силе. Турецкое общественное мнение желает, чтобы союзники как можно быстрее пришли к общему соглашению о создании справедливого и длительного мира".

URL: http://agk.mid.ru/DATA/0129_29_22/00000044.jpg
(дата обращения: 15.11.2022)

Приложение 4

Турция. О пересмотре конвенции о режиме проливов.
Фонд 06. «Секретариат В. М. Молотова».
Опись 7. Дело 761. Папка 47.
06.02.1945 – 26.12.1945

№ 15-сч 6. 1944 г.	Ом. м. Кабардинцев, К. К. и Виноградова, Н. П. Сов. секретно.
-----------------------	---

Тов. МОЛОТОВУ В.М.

Прилагаемая записка по вопросу о режиме проливов содержит: 1) историю вопроса, 2) наши предложения.

Предложения сводятся к следующему:

1. Аннулирование Монтресской Конвенции.
2. Признание Черного моря, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением черноморским странам полной свободы прохода их военных кораблей из Черного моря в Средиземное и обратно.
3. Признание за СССР и Турцией права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима проливов. В виде второй позиции можно предусмотреть соглашение всех черноморских стран.
4. Предоставление СССР (или, в виде второй позиции - всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима проливов. Для действительного осуществления этого контроля Советский Союз (или, в виде второй позиции, - СССР совместно с Болгарией и Румынией) должен получить в зоне проливов воздушные и военно-морские базы.

В целях реализации этих предложений Англия и США должны были бы дать согласие на нижеследующие мероприятия:

1. Декларация глав трех великих держав об особом характере Черного моря.
2. Регламентация режима проливов путем двустороннего советско-турецкого соглашения (в виде второй позиции - пу-

120-11

Документ 1 URL: https://agk.mid.ru/ DATA/6_7_761/00000003.jpg (дата обращения: 21.06.2023)

2

2.

тем соглашения всех черноморских стран).

3. Рекомендация Англии и США турецкому правительству согласиться на предоставление Советскому Союзу воздушных и военно-морских баз в проливах.

4. Рекомендация Англии и США турецкому правительству подписать совместно с Англией и СССР декларацию об аннулировании Монтресской конвенции и о передаче регламентации режима проливов на разрешение конференции черноморских стран.

Формулировки и аргументация предложений изложены в записке.

С. Кавтарадзе
С. КАВТАРАДЗЕ

С. Виноградов
С. ВИНОГРАДОВ

К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ ПРОЛИВОВ.

1. История вопроса. Интересы безопасности СССР требуют установления в проливах такого режима, который, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрывал бы проход военных кораблей нечерноморских держав, предоставляя черноморским странам неограниченную свободу прохода военных кораблей.

В прошлом Россия три раза приобретала такие права: по договорам с Турцией 1799, 1805 и 1833 г.г.^{х)} Эти договоры были выгодны России, но их отрицательной стороной являлось, во-первых, то, что они содержали обременительное для России обязательство военной помощи султану против его внешних (а по договору 1833 г. также и против внутренних) врагов, и, во-вторых, то, что они заключались без согласия других великих держав, а потому вызывали их противодействие, в одном случае явившееся одной из причин русско-турецкой войны (1806 г.), в другом случае поведшее к вынужденному отказу России от полученного преимущества (1839-1840 г.г.).

С 1841 г. режим проливов начал регулироваться многосторонними международными конвенциями. Все они за период до первой мировой войны предусматривали, если отвлечься от некоторых деталей, один и тот же порядок: пока Турция находится в мире, проливы закрыты для военных кораблей всех иностранных держав; когда Турция воюет, проливы открываются для военных кораблей ее союзников. Этот режим был невыгоден для России, так как в мирное время русский черноморский флот оказывался закупорен-

См. примечание в конце записки.

4

2.

ным в Черном море, а в военное время, поскольку Турция обычно воевала именно против России, принцип закрытия проливов неизменно нарушался в ущерб русским интересам. Попытки русской дипломатии добиться улучшения режима проливов, например, путем двустороннего соглашения с Турцией (демарш Чарикова в 1911 г., направленный на получение права прохода русских военных кораблей через проливы) терпели неудачу из-за сопротивления держав, в первую очередь, Англии. Последняя иногда соглашалась на открытие проливов для военных кораблей, но не одной лишь России, а всех держав, что было бы для России не улучшением, а значительным ухудшением режима.

Невозможность добиться благоприятного для России урегулирования этого вопроса дипломатическим путем утверждала русское правительство в мысли, что нет иного способа, кроме присоединения зоны проливов к России, ибо вопрос о режиме проливов представлял для России жизненный интерес и являлся в полном смысле слова вопросом национальной политики. Во время первой мировой войны, в 1915 году, союзники России - Англия и Франция согласились на присоединение к России Константинополя и проливов.

После первой мировой войны Антанта, используя сложившуюся ситуацию, решила установить в проливах режим, наиболее выгодный для крупных морских держав, то-есть, опять-таки, в первую очередь для Англии, и наименее выгодный для России. Севрский договор 1920 года передавал проливы в ведение международной комиссии, в которой и фактически и формально пол-

3. 5

нота власти должна была принадлежать державам Антанты. Проливы разоружались и открывались для военных флотов всех держав, что, ввиду превосходства английского флота, создавало для Англии господствующее положение как в зоне проливов, так и в Черном море. Севрский договор не вступил в действие. Как бы ответом на него со стороны Советской России и Турции явился Московский договор 1921 г., в котором, наряду с общим заявлением о непризнании Севрского договора, содержалась специальная статья о проливах, предусматривавшая важное, принципиально-новое постановление - передачу вопроса о проливах и Черном море на разрешение конференции прибрежных стран. Аналогичные статьи были включены в Карсский договор 1921 г. и в Анкарский (украинско-турецкий) 1922 г. Все же, несмотря на поражение англо-греческой интервенции в Турции, режим проливов был установлен на Лозаннской конференции 1922-23 г. к невыгоде как СССР, так и Турции. При этом он обсуждался отнюдь не одними черноморскими странами и даже не одними черноморско-средиземноморскими, поскольку участницей конвенции была также и Япония. Несколько изменив в пользу Турции постановления Севрского договора о проливах, Лозаннская конвенция 1923 г., тем не менее, сохранила основное из невыгодных для СССР положений - открытие проливов и Черного моря для военных кораблей нечерноморских стран.

Лозаннская конвенция не была ратифицирована СССР. При ее пересмотре на конференции в Монте в 1936 г. режим проливов был улучшен по сравнению как с лозаннским режимом, так и с режимом, существовавшим до первой мировой войны. В Монтресской конвенции впервые за все время международной регламентации режима проливов содержится признание интересов безопасности не

о

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000007.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

6
4.

одной только Турции, но всех черноморских держав, т.е. также и СССР, и сделана попытка сочетать ограничение допуска военных кораблей нечерноморских стран в проливы и в Черное море со свободой прохода для черноморских стран.

Однако, и конвенция в Монте, как показал опыт нынешней войны, не обеспечила интересов СССР. Важнейшим ее дефектом явилось отсутствие гарантий, что турецкое правительство будет лояльно применять конвенцию и что оно не нарушит интересов СССР. Практически турецкое правительство оказалось единственным и бесконтрольным интерпретатором конвенции. В 1936 г. предполагалось связать осуществление Монтресской конвенции, особенно в случае военных осложнений, с системой коллективной безопасности и с возможными решениями Лиги наций, в частности, в том, что касается помощи жертве агрессии. Банкротство Лиги наций лишило первоначального смысла ряд статей конвенции (ст. 25 полностью и ст.ст. 19, 21 и 24 частично) и еще больше расширило свободу действий турецкого правительства. Тем самым Турция получила возможность произвольно толковать и даже нарушать конвенцию, в том числе статьи, касающиеся безопасности всего Черного моря (а не только зоны проливов), что явно не может зависеть от усмотрения одного лишь турецкого правительства. В результате такого бесконтрольного осуществления конвенции турецким правительством был нанесен существенный ущерб интересам СССР, а режим проливов, установленный в Монте, оказался поставленным целиком в зависимость от Турции без каких-либо гарантий для СССР.

Изложенная краткая история вопроса о проливах позволяет сделать следующие выводы:

1) Наиболее выгодно для России как в дореволюционное, так и в советское время, режим проливов регламентировался двусто-

4
5.
ронными русско-турецкими (или советско-турецкими) соглашениями: договорами 1799 и 1805 г.г., Ункяр-искеледесийским договором 1833г., статьями о проливах в советско-турецких договорах 1921 и 1922 г.г.

2) Однако, эти двусторонние договоры, заключенные без согласия других великих держав, неизменно встречали противодействие с их стороны и поэтому оказывались либо кратковременными, либо вовсе недействительными (статьи о проливах в договорах 1921 и 1922 г.г.).

3) Международная регламентация режима проливов до первой мировой войны являлась результатом компромисса, главным образом, между Россией и Англией, и установленный тогда режим содержал для России больше невыгод, чем выгод. Лозаннская конвенция 1923 г. была для СССР вовсе невыгодной. Монтресская конвенция 1936 г. хотя и внесла некоторые улучшения в режим в проливах, но также является невыгодной для СССР, особенно потому, что при отсутствии у СССР действительных гарантий проведение конвенции в жизнь, оказалось предоставленным бесконтрольному усмотрению турецкого правительства.

4) Из изложенного вытекает необходимость контроля над действиями турецкого правительства. Однако, международный контроль с участием западных держав был и остается для СССР невыгодным. Наилучшим выходом было бы предоставление эффективного контроля над режимом проливов Советскому Союзу.

5) Ввиду этого наиболее выгодным для СССР решением вопроса было бы сочетание двустороннего советско-турецкого соглашения о проливах, подкрепленного реальными гарантиями его проведения в жизнь, с соглашением между тремя великими союзными державами, предусматривающим непротиводействие Англии и США указанному двустороннему советско-турецкому соглашению.

6) Несколько менее выгодным, то также приемлемым решением вопроса была бы регламентация режима проливов в всеми чер-

8

6.

номорскими странами, при чем и соглашение черноморских стран следовало бы сочетать с соглашением между тремя великими союзными державами.

II. Наши предложения. Основные требования, которые нам надлежит выдвинуть по вопросу о проливах, сводятся к следующему:

1. Аннулирование Монтресской Конвенции.

2. Признание Черного моря, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением черноморским стран полной свободы прохода их военных кораблей из Черного моря в Средиземное и обратно.

3. Признание за СССР и Турцией права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима проливов. В виде второй позиции можно предусмотреть соглашение всех черноморских стран.

4. Предоставление СССР (или, в виде второй позиции - всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима проливов. Для действительного осуществления этого контроля Советский Союз (или, в виде второй позиции, - СССР совместно с Болгарией и Румынией) должен получить в зоне проливов воздушные и военно-морские базы.

Аргументация в пользу этих предложений и форма их осуществления могли бы состоять в следующем:

1. Аннулирование конвенции в Мontre.

При подписании конвенции в Мontre державы исходили из того основного положения, что проведение конвенции в жизнь будет связано с решениями Лиги наций и с лигонационной системой коллективной безопасности. Специальная статья Монтресской конвен-

7.9

ции (ст.25) указывала, что "ни одно из постановлений настоящей конвенции не наносит ущерба правам и обязанностям, вытекающим из Статута Лиги Наций для Турции или для всякой другой Высокой Договаривающейся Стороны, являющейся членом Лиги Наций". Ссылки на Лигу Наций были включены также в ряд других статей конвенции (ст.ст.19,21 и 24). Так, например, конвенция предусматривала возможность прохода военных кораблей воюющей державы в случаях, "подпадающих под применение ст.25 настоящей конвенции" (т.е. по решению Лиги Наций), а также "в случае помощи, оказываемой государству, явившемуся жертвой нападения, в силу договора о взаимной помощи, обязывающего Турцию, заключенного в рамках Статута Лиги Наций, зарегистрированного и опубликованного согласно постановлению статьи 18 названного Статута". Совет Лиги Наций должен был бы решать вопрос относительно обоснованности или необоснованности мероприятий турецкого правительства по ст.21 конвенции. Турецкое Правительство должно было бы посылать Генеральному Секретарю Лиги Наций ежегодные доклады о движении иностранных военных кораблей в проливах и пр.

Таким образом, важнейшие положения конвенции, связанные с особенно серьезными вопросами помощи жертве агрессии, должны были бы, по замыслу держав-участниц, регулироваться в соответствии с eventualными решениями Лиги Наций. Между тем, Лиги Наций не существует. В виду этого равновесие всей конвенции оказалось нарушенным именно в ущерб интересам Советского Союза, подвергшегося агрессии со стороны гитлеровской Германии. Турецкое правительство, получив возможность применять и толковать конвенцию по своему усмотрению (тем более, что все державы-участницы, за исключением одной лишь Турции, оказались в состоянии войны), неоднократно нарушало ее в пользу агрессоров

10
8.

Таковы, например, случаи с пропуском германского военного сторожевого судна "Зеффальке" в 1941 г., выдача итальянскому правительству также в 1941 г. разрешения на проход вспомогательного корабля "Тавризно", пропуск в проливы и через проливы германских вспомогательных судов в 1943 и в 1944 г.г. Наряду с этими прямыми нарушениями конвенции, турецкое правительство, пользуясь отсутствием контроля над его действиями, допускало и ряд нарушений общих норм международного права (ремонт двух румынских теплоходов в турецком доке и попытка выпустить их в Черное море, перегрузка масла в Стамбульском порту с танкера на вспомогательное судно).

Форма аннулирования Монтресской конвенции может состоять в том, что три главных державы-участницы конвенции - Англия, СССР и Турция, - сославшись на вышеуказанное нарушение равновесия всей конвенции вследствие отпадения статей, связанных с Лигой Наций, объявят конвенцию несуществующей.

3. Признание Черного моря закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с сохранением за военными кораблями черноморских стран свободы прохода через проливы.

Этот принцип вытекает из особого положения Черного моря, которое является не транзитным путем, как, например, Средиземное море, а тупиком, не имеющим второго выхода. Проливы Босфор и Дарданеллы нельзя поэтому сравнивать с другими проливами или с международными каналами, такими, как, например, Гибралтар, Суэцкий канал, Панамский канал. Проход военных кораблей нечерноморских стран в Черное море, если только они не преследуют агрессивных целей, может быть оправдан одним единственным мотивом - т.е. "визитом вежливости". Но "визиты вежливости" производятся не иначе, как по приглашению соответ-

9.

ственного правительства. Такую возможность можно легко рассмотреть в виде исключения из общего правила.

Закрытие проливов для военных кораблей было почти неизменным принципом в течение всего 19 и начала 20 века. Когда Англия решила провести в жизнь противоположный принцип - открытие проливов для военных кораблей всех стран, то оказалось, что для оправдания этого предложения английская дипломатия даже не располагает сколько-нибудь серьезной аргументацией. На Лозаннской конференции в 1922 г. лорд Керзон мотивировал предложение об открытии проливов для военных кораблей только тем соображением, что державы якобы не смогут в противном случае охранять свою торговлю в Черном море. (Можно вспомнить, что этот аргумент несколько напоминает приведенное Наполеоном I в начале 19 века подобное же соображение о том, что французские военные корабли в Черном море должны охранять торговые суда от корсаров). На конференции в Монтре в 1936 г. английский представитель лорд Стенхоп также не смог привести сколько-нибудь убедительного мотива в пользу допуска иностранных военных кораблей в Черное море. Единственно на что он сослался, - это на возможность посылки в Черное море военного корабля в целях розыска и возвращения в Англию какой-нибудь рыболовной шхуны, если она изменит свой маршрут, или же на необходимость для английского флота производить учения в Черном море и, вообще, "показать флаг".

Что касается второй части формулы, которая ныне выдвигается, - сохранение за черноморскими странами права прохода военных кораблей, то в пользу этого предложения говорит ряд исторических precedентов. Россия в прошлом имела такое право по договорам 1799, 1805 и 1833 г.г. Особое положение черноморских стран в этом отношении признано также и Монтресской конвенцией:

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000013.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

12

10.

при ограничении допуска военных кораблей нечерноморских стран в проливы черноморские страны получили право прохода своих военных кораблей большого тоннажа, а также прохода при определенных условиях и подводных лодок; кроме того, за черноморскими странами признано особое положение в вопросе о сроках предуведомления, посылаемого турецкому правительству.

Само собой разумеется, что свобода торгового мореплавания не подвергнется ограничениям при установлении нового режима проливов. Можно напомнить, что именно Россия была первой державой, которая добилась от Турции открытия проливов для торгового мореплавания (по Кичук-Кайнарджийскому договору 1774 г.) Более того, Россия по Адрианопольскому договору 1829 г. добилась открытия проливов для торговых судов также и других стран. Статья 7 этого договора обязала Турцию не препятствовать прохождению иностранных торговых судов через проливы "будут ли оные суда идти в российские гавани, на Черном море лежащие, или возвращаться оттуда с грузом или балластом".

Из Адрианопольского договора явствует, что Турция признала право России охранять интересы торгового мореплавания в Черном море. Существенное значение имеет нижеследующий абзац указанной ст.7-й Адрианопольского договора: "Порта особенно обещает впредь никогда не задерживать или останавливать суда с грузом или балластом, принадлежащие как России, так и другим державам, с коими Османская Империя не состоит в объявленной войне, когда оные проходят будут через Константинопольский канал или Дарданелльский пролив из Черного моря в Средиземное или же из Средиземного в российские черноморские гавани. И если /от чего боже сохрани/ которое либо из содержащихся в сей статье постановлений будет нарушено и на представление о

13
11.

сем российского министра не последует совершенного и скорого удовлетворения, то Блистательная Порта предварительно признаёт, что императорский российский двор имеет право принять таковое нарушение за непризнанное действие и немедленно поступить в отношении к Империи Османской по праву возмездия".

Форма признания Англией и США принципа закрытия Чёрного моря для военных кораблей нечерноморских стран могла бы состоять в декларации, примерно, следующего содержания:

"Главы трех союзных великих держав, исходя из интересов безопасности Чёрного моря, признают, что это море, равно как и пролив Дарданеллы, Мраморное Море и Босфор, соединяющие Чёрное море с открытыми морями, должны быть постоянно закрытыми для военных кораблей нечерноморских держав".

3. Передача регламентации режима проливов на разрешение СССР и Турции (или всех черноморских держав).

Этот принцип не является совершенно новым. Советско-турецкий договор, подписанный в Москве 16 марта 1921 г., содержал в ст.5 следующее постановление:

"Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе Договаривавшиеся Стороны соглашались передать окончательную выработку международного статута Чёрного моря и проливов следующей конференции из делегатов прибрежных государств с тем, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы - Константинополя".

Аналогичные постановления были затем включены в Карский договор от 13 октября 1921 г. (ст. 9) и в Анкарский до-

12.

говор от 2 января 1922 г. (ст.4).

Правда, эти постановления не были тогда признаны другими державами. Однако, на конференции в Монтре в 1936 г. был сделан шаг вперед на пути признания особых прав черноморских стран в том, что касается установления правил прохода судов через проливы. В преамбуле Монтресской конвенции державы признали интерес безопасности не только одной Турции, но и "безопасности, в Черном море, прибрежных государств".

Это упоминание нельзя истолковать иначе, как принципиальное признание особых прав черноморских держав в том, что касается установления режима проливов. Далее, п. " " ст.18 конвенции предусматривает, что посидка дополнительного тоннажа в Черное море (в так наз."гуманитарных целях") может иметь место лишь при отсутствии возражений всех черноморских держав. Это постановление также означает, что за черноморскими державами признано право распоряжения допуском в Черное море иностранных кораблей. Наконец, по одному из процедурных вопросов (пересмотр конвенции по ст.29) Монтресская конвенция тоже признает особое положение стран Черного моря.

Помимо этих аргументов юридического характера следует иметь в виду, что, поскольку Турция не может единолично распоряжаться допуском кораблей в Черное море, регламентация режима проливов, естественно, должна быть передана прибрежным черноморским державам, для которых проливы являются единственным морским путем сообщения с открытыми морями (а для СССР - также и путем сообщения с советскими территориями, расположенными на разных морях).

Если в принципе Англия и США признают правильным такое разрешение вопроса, то было бы желательно в виде первой позиции

15

13.

предложить, что новая регламентация режима проливов будет установлена двусторонним советско-турецким соглашением.

Аргументом в пользу двустороннего соглашения могло бы явиться то соображение, что в настоящее время Румыния и Болгария фактом своего участия в войне на стороне гитлеровской коалиции лишили себя права, до заключения окончательного мира, участвовать в международных актах и что, таким образом, в настоящее время имеются только две дееспособные черноморские державы – СССР и Турция.

В виде второй позиции можно было бы согласиться и на то, чтобы регламентация режима проливов была произведена всеми черноморскими державами.

В обоих случаях необходимо, чтобы главы трех союжных держав согласились на следующую форму передачи регламентации режима проливов черноморским странам:

СССР, Англия и Турция в той же декларации, в которой будет объявлено об аннулировании Монтресской конвенции (см. выше), заявят, что в виду этого аннулирования, а также в виду декларации глав трех союжных великих держав об особом характере Черного моря они признают, что установление нового статута проливов должно быть произведено на конференции черноморских стран с тем, чтобы этот режим, отвечая требованиям безопасности Черного моря, обеспечил постоянное развитие торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями.

Возможно, что Англия и США, согласившись в принципе на все эти предложения, все же выдвинут формальное возражение, сославшись на то, что правопреемником держав-участниц Монтресской конвенции не могут быть только три из держав, подписавших эту конвенцию, и США, вовсе не участвовавшие в ее заключении. Однако, такое возражение можно отвести ссылкой на исторические прецеденты. Известно,

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000017.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

16

14.

что последняя из конвенций 19 века о режиме проливов (Лондонская конвенция 1871 г., подтвержденная Берлинским трактатом 1878 г.) была бессрочной и ее никто формально не отменял. Тем не менее, после первой мировой войны державы Антанты сочли себя вправе пригласить для выработки нового статута проливов ряд стран, не принимавших участия в Лондонской конвенции, и устранить от обсуждения некоторые страны, являвшиеся участниками этой последней конвенции.

Таким образом круг стран, принимавших участие в Лозаннской и затем в Монтресской конвенции, не совпадает с перечнем тех стран, которые вырабатывали режим проливов до 1-й мировой войны. Следовательно, нет никакой необходимости, чтобы правопреемниками Монтресской конвенции были обязательно те же самые державы, которые ее подписывали.

4. Предоставление СССР эффективного контроля над применением нового режима проливов.

Данное предложение может быть аргументировано прежде всего тем, что Турция на протяжении нынешней войны неоднократно нарушала установленную регламентацию и что она, как видно, не в состоянии была противодействовать давлению агрессоров. Естественно, что при этих условиях СССР, как наиболее заинтересованная держава, и как держава, единственно способная выделить надлежащие силы для противодействия éventuellement попыткам нарушить режим проливов, должен получить право контроля над проведением в жизнь нового соглашения (СССР и Турции или всех черноморских стран). С этой целью Советскому Союзу должны быть предоставлены авиационные и военноморские базы в зоне проливов.

Если бы против этого предложения Англия и США выдвинули ссылку на возможную в будущем гарантию со стороны международной организации безопасности, то это возражение можно отнести напоми-

17

15.

нением о статье 18 Лозаннской конвенции 1923 г. В указанной статье содержалась гарантия со стороны четырех держав Антанты, хотя в то время существовала Лига наций. Турецкое правительство в своей ноте от 11-го апреля 1936 г., предлагая пересмотреть Лозанскую конвенцию, также сослалось на то, что гарантия Лиги наций была признана на Лозаннской конференции недостаточной и что потребовалась специальная гарантия четырех великих держав. Правда, гарантия держав Антанты тогда не была подкреплена получением у Турции военных баз. Однако, Лозаннская конвенция предусматривала полное разоружение проливов и свободу прохода через них для всех иностранных военных кораблей. При этих условиях державы Антанты могли бы и без всяких баз в зоне проливов осуществлять мероприятия, которые они нашли бы необходимыми.

В соответствии со всем изложенным наши предложения предусматривают получение от Англии и США согласия на нижеследующие мероприятия:

1. Декларация глав трех великих союзных держав об особом характере Черного моря.

2. Регламентация режима проливов путем двустороннего советско-турецкого соглашения /в виде второй позиции - путем соглашения всех черноморских стран/.

3. Рекомендация Англии и США турецкому правительству согласиться на предоставление Советскому Союзу воздушных и военно-морских баз в проливах.

4. Рекомендация Англии и США турецкому правительству подписать совместно с Англией и СССР декларацию об аннулировании Монтресской конвенции и о передаче регламентации режима проливов на разрешение конференции черноморских стран.

С. Карамаралоглу С. Виллардо

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000019.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

16.

18

Примечание к стр.1.

Русско-турецкий союзный договор от 3 января 1799 г. /23 декабря 1798 г. по ст.стиль/ был заключен в связи с присоединением Турции ко второй коалиции против Франции /после вторжения французских войск под командованием Наполеона Бонапарта в Египет/. По этому договору предусматривалась взаимная гарантия территории договаривавшихся сторон, отправка Россией в помощь Турции определенного числа кораблей и пр. Для осуществления союзных обязательств Россия получала право свободно проводить свои военные корабли из Черного моря в Средиземное и обратно. Именно на основании этого договора эскадра Ушакова совершила свой известный поход к Ионическим островам.

Русско-турецкий союзный договор от 23/11/ сентября 1805 г. был заключен в подтверждение и развитие предыдущего/ за год до истечения срока действия договора 1799 г./ Статья о Черном море о проливах в договоре 1805 г./ст.7/ гласила:"Обе высокие договаривавшиеся стороны соглашаются считать Черное море как бы закрытым и не допускать появления никакого военного или вооруженного судна какой бы то ни было державы. В случае, если бы какая-либо из них попыталась явиться туда вооруженной, то обе высокие договаривавшиеся стороны обязуются считать такую попытку поводом к союзу и ей пренятствовать всеми своими морскими силами, признавая в том единственное средство для обеспечения своей взаимной безопасности. При этом разумеется, что свободный переход через Константинопольский канал не перестает быть открытым для военных судов и транспортов Его Величества Императора Всероссийского, которым Блистательная Чорта, насколько от нее будет зависеть, во всяком случае окажет помощь и предоставит всякое облегчение".

Этот договор /и, в частности, статья о проливах/ вызвал

19

17.

резкое противодействие со стороны Франции, которая в это время уже приобрела, ввиду побед Наполеона, большое влияние на Турцию. Из-за этого Порты с начала 1806 г., вскоре после ратификации договора/ причем самая ратификация могла бы быть сорвана, если бы турки во-время узнали об Аустерлице / стала обращаться к русскому правительству с просьбами о прекращении посылки русских военных кораблей через проливы. Прибывший летом 1806 г. в Стамбул французский посол генерал Себастиани, посоветовав Порте сместить молдавского и валахского господарей, добился обострения русско-турецких отношений. Это нарушение Портой обязательств перед Россией, наряду с упомянутым вопросом о проходе русских кораблей через проливы, явилось поводом к вступлению русских войск в Дунайские княжества, что и привело к русско-турецкой войне 1806-1812 г.г. Англия, как союзница России, тоже воевала в этот период /с 1807 до 1809 г./ с Турцией.

Русско-турецкий союзный договор от 8 июля /26 июня ст.стия/ 1833 г., известный под названием Ункяр-искелесийского, был заключен в связи с оказанием Россией помощи турецкому султану Махмуду II против мятежного египетского паши Мехмеда Али. Гласная часть договора предусматривала взаимную помощь договаривающихся сторон; секретная статья содержала обязательство султана, взамен помощи, которую он должен был оказать России, "ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданельского пролива, то-есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом". Ункяр-искелесийский договор был заключен на 8 летний срок, но еще до его истечения Николай I, ввиду резкого противодействия западных держав и надеясь оторвать Англию от Франции, дал в 1839 г. /в связи с новым конфликтом между Махмудом II и Мехмедом

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000021.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

20

18.

Али/ согласие на замену двустороннего русско-турецкого договора многосторонним соглашением держав. Результатом этого явились Лондонские конвенции 1840 г. и 1841 г. /первая без участия Франции, а вторая с ее участием/, чем и было осуществлено желание Пальмерстона "растворить Уния-искелесийский договор в соглашении более широкого порядка".

4 экз. ин/во

1-й т. Молотову.
2-й т. Вышинскому.
3-й т. Кавтарадзе.
4-й т. Виноградову.
6.П.1945 г.

URL: https://agk.mid.ru/DATA/6_7_761/00000022.jpg
(дата обращения: 21.06.2023)

Проект гг. Кавтардзе, Виноградова.

my Трап
СЕКРЕТНО.

СОГЛАШЕНИЕ ТРЕХ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(1-й вариант)

Считая необходимым принять меры к обеспечению безопасности в Черном море прибрежных государств и признавая, что интересам этой безопасности должны, в частности, отвечать правила прохода и судоходства в Дарданеллах, в Мраморном море и в Босфоре, обнимаемых общим определением "Проливы", Министры Иностранных Дел установили, что три их правительства полностью согласны с тем, что:

1. Конвенция о режиме Проливов, подписанная 20 июля 1936 г. в Монте, вследствие того, что Лига наций, на базе которой была построена Конвенция, не существует, а также вследствие участия ряда государств, подписавших указанную Конвенцию, в войне против Об"единенных Наций, ныне не может считаться обеспечивающей безопасность прибрежных черноморских государств и должна быть пересмотрена.
2. Установление режима Проливов, единственного пути из Черного моря, должно находиться в исключительной компетенции черноморских держав.
3. Новые правила прохода и судоходства в Проливах подлежат выработке и установлению на Конференции держав прибрежных к Черному морю.
4. Эти правила, отвечая требованиям безопасности черноморских держав, должны обеспечить свободу и развитие торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями.
5. При этом само собой разумеется, что суверенитет и независимость Турции ни в чем не будут нарушены.

Верно: *Виноградов*

1261/11.

22.11.41
СЕКРЕТНО.

СОГЛАШЕНИЕ ТРЕХ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(II - й вариант)

Считая необходимым принять меры к обеспечению безопасности в Черном море прибрежных стран и признавая, что интересам этой безопасности должны, в частности, отвечать правила прохода и судоходства в Дарданеллах, в Мраморном море и в Босфоре, обнимаемых общим определением "Проливы", три Министра Иностранных Дел согласились о нижеследующем:

1. Конвенция о режиме Проливов, подписанная 20 июня 1936 г. в Монте, вследствие того, что Лиги Наций, на базе которой была построена Конвенция, не существует, а также вследствие участия ряда государств, подписавших указанную Конвенцию, в войне против Об"единенных Наций, ныне не может считаться обеспечивающей безопасность прибрежных черноморских государств и должна поэтому быть пересмотрена.
2. Новые правила прохода и судоходства Проливов подлежат выработке и установлению на Конференции в составе Трех Великих держав и черноморских государств. х)
3. Эти правила, отвечая требованиям безопасности черноморских держав, должны обеспечить свободу и постоянное развитие торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями.
4. При этом само собой разумеется, что ни в чем не будут нарушены суверенитет и независимость Турции.

х) Вторая редакция: Новые правила прохода и судоходства Проливов подлежат выработке и установлению на Конференции держав прибрежных к Черному морю с участием Англии и США.

Верно: *А. Г. А. А.*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Болдырев Андрей Викторович

**Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны
в современной турецкой историографии.
Опыт осмысления**

Редактор *Е.Н. Комарова*
Корректор *Н. А. Сидоркина*
Верстальщик *Н. Я. Быкова*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные
Подписано в печать 20.11.2023. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 19. Уч. изд. л. 11,3. Тираж 500 экз. Заказ №
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий А. О. Захаров
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>